

МОСКВА **новый** хронограф 2015

СЕРИЯ

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Редакционный совет

Булдаков В. П. доктор ист. наук
Вишневский А. Г. доктор экон. наук
Горшков М. К. академик РАН, председатель
Давыдов А. П. доктор культурологии, зам. председателя
Иванов А. Е. доктор ист. наук
Туманова А. С. доктор ист. наук, доктор юрид. наук
Федотова В. Г. доктор филос. наук
Яковенко И. Г. доктор филос. наук

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФГБОУ ВПО «САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФГБОУ ВПО «ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
САМАРСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ) ФГБОУ ВПО «РОССИЙСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г. В. ПЛЕХАНОВА»

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ Война **И ВОЕННО- МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ**

В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
И ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ

Посвящается памяти крупнейшего российского
историка-аграрника, доктора исторических наук,
профессора СЕРГЕЯ АЛЬБЕРТОВИЧА ЕСИКОВА

Под редакцией
М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина

УДК 355.48(100)"1914/1918":94(47).083
ББК 63.3(2)534+63.3(2)535
П 261

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №14-01-00277

Рецензенты: д.и.н., проф. Г. Е. Корнилов; д.и.н., проф. М. И. Роднов
Научный руководитель проекта: д.и.н., проф. М. М. Есикова
Авторы: Е. П. Баринаова, С. В. Белоусов, И. В. Двухжилова, М. М. Есикова, Н. Н. Кабытова, П. С. Кабытов, К. В. Самохин, О. А. Сухова

П 261 **Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье:** монография / под ред. М. М. Есиковой, П. С. Кабытова, К. В. Самохина. – М.: Новый хронограф, 2015. – 288 с.

ISBN 978-5-94881-318-9

Настоящая монография является результатом исследовательской работы авторского коллектива, связанной с влиянием Первой мировой войны на различные сферы жизнедеятельности российского общества. Вскрываются проблемы аграрного плана, возникшие в российской провинции, показывается роль военно-мобилизационных кампаний в трансформациях российских города и деревни, определяются условия возникновения революционного фактора, анализируются изменения в модернизационных процессах под воздействием Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Предназначена для преподавателей высших учебных заведений, студентов-историков и всех, кто интересуется историей России.

УДК 355.48(100)"1914/1918":94(47).083

ББК 63.3(2)534+63.3(2)535

ISBN 978-5-94881-318-9

© Авторы, 2015

© Издательство «Новый хронограф», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Альбертович Есиков – историк русского крестьянства	7
--	---

Глава I

Первая мировая война и российская деревня: социально-экономические аспекты	38
---	----

Глава II

Аграрные отношения в годы Первой мировой войны ...	72
--	----

Глава III

Проведение мобилизационных кампаний периода Первой мировой войны в Пензенской губернии	99
---	----

Глава IV

Мобилизационные кампании в Поволжье в годы Первой мировой войны	151
--	-----

Глава V

Деятельность Тамбовского губернского земского собрания в годы Первой мировой войны (июль 1914–1916)	178
---	-----

Глава VI

Революционный фактор в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии)	227
--	-----

Глава VII

Первая мировая война и российская модернизация	251
--	-----

Заключение	285
-------------------------	-----

СЕРГЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ ЕСИКОВ – ИСТОРИК РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

В современной аграрной историографии, пожалуй, не найти более яркой и неординарной личности, чем профессор Тамбовского государственного технического университета Сергей Альбертович Есиков. При внешней простоте и немногословности, а также отсутствии манерности и свойственной многим его коллегам «плодовитости» в публикациях, его отличал гибкий и искрометный ум, умение зреть в корень при анализе сложнейших проблем истории российского крестьянства и России XX века. Достаточно сказать, что С. А. Есиков принадлежал к очень узкому кругу лиц, которых уважал и ценил как исследователей В. П. Данилов. Выдающийся историк-аграрник считал его не только своим учеником и коллегой, но и другом. Точно так же относились к нему и многие другие авторитетные историки-аграрники России и других стран (Э. М. Щагин, П. С. Кабытов, Г. Е. Корнилов, В. А. Ильиных, А. Г. Рыбков, Н. С. Тархова, И. Е. Кознова, В. А. Саблин, В. В. Наухацкий, Т. В. Осипова, Х. Окуда и др.).

Сергей Альбертович Есиков родился 19 ноября 1952 г. в г. Тамбове в семье служащих. В 1974 г. он закончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. Затем был учителем истории в средней школе, служил в Советской армии. С 1979 г. и до своей безвременной кончины в августе 2014 г. он работал в Тамбовском государственном техническом университете. Сергей Альбертович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Всю свою творческую жизнь он связал с историей русского крестьянства. С. А. Есиков являлся одним из немногих исследователей, сумевших на региональном материале глубоко и всесторонне изучить наиболее дискуссионные вопросы аграрной историографии. Он всегда занимался концептуальными проблемами первостепенной важности, апробируя их на региональном материале. Среди них – проблема крестьянства и власти, крестьянского хозяйства в годы войны и мира,

русской общины, нэпа, коллективизации и т.д. На эту тему им написаны очень аргументированные и фундированные достоверными и разнообразными источниками монографии и статьи, в том числе опубликованные в ведущих научных издательствах России и других стран [9; 10; 29; 33; 34; 18; 41; 87].

Свои мысли о судьбах русского крестьянства С. А. Есиков использовал на многочисленных научных конференциях. Он был членом оргкомитета Международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, организатором его сессии в Тамбове на базе Тамбовского государственного технического университета в 2000 г. [73]. Кроме того, он принимал активное участие в международном проекте “История русского крестьянства в XX веке”, организованном профессором Токийского университета Хироси Окудой [71, с. 18].

Как блестящий аналитик Есиков понял главное – изучать историю России можно и на региональном материале, если использовать его не как иллюстрацию на краеведческие темы, а как информацию, отражающую суть того или иного исторического феномена общероссийского значения, но со своими региональными особенностями. То есть понять историю страны можно, изучая ее ключевые аспекты в масштабе губернии, области, района и т.д. И он блестяще продемонстрировал это на примере Тамбовского края и Центрального Черноземья России.

Вот как историк писал об этом: «История тамбовского крестьянства интересна и тем, что в ней соединились признаки аграрного развития разных регионов Европейской России... Отдельные социально-политические процессы в Тамбовской губернии изучаемого периода имели важнейшее общероссийское значение. Так, в октябре 1905 г. в губернии поднялась мощная волна массовых крестьянских выступлений, остававшаяся на этом уровне и в 1906–1907 гг. Восстание тамбовских крестьян осенью 1917 г. В. И. Ленин считал одним из главных симптомов назревшего политического кризиса и условий для успеха большевистского восстания. “Антоновщина” стала важнейшим сигналом к смене советской властью экономической политики... Именно на регионе центральной

России, в которую входила Тамбовская губерния, большевики в первую очередь апробировали средства и методы своей аграрной политики» [18, с. 7–8].

Рассматривая концептуальные проблемы истории страны через историю ее региона, Есиков указывал на важность изучения региональной истории как таковой, на то, что каждый регион России имел и имеет свои особенности, обусловленные исторической традицией. Он писал на эту тему: «Несмотря на общие черты, характерные для аграрного развития России, тамбовская деревня имела ряд специфических черт, отличавших ее от других регионов страны. Подчеркну то обстоятельство, что до сего времени этой стороне вопроса не придавалось серьезного значения, своеобразие проявилось и в пореформенном развитии, и в ходе столыпинской аграрной реформы, и при проведении социально-экономических преобразований советской власти» [там же, с. 7].

В центре внимания С. А. Есикова всегда был русский мужик, в большинстве своем тамбовский. О нем – подавляющее количество работ историка. Есиков был одним из немногих исследователей, рассматривающих проблему, не замыкаясь в узких хронологических рамках. Его история русской деревни охватывает почти столетие и вмещает в себя все ее основные проблемы. Это позволяет ему не только их описать, но и понять, увидеть причины великих революционных потрясений страны в первые десятилетия XX века, в основе которых, как справедливо указал В. П. Данилов, была крестьянская революция. В этом смысле работы Есикова объясняют закономерный характер не только Великой русской революции, но и причины дальнейших потрясений Советской России, в том числе сталинской коллективизации.

Им выткана логическая нить фактов и аргументов, основанных на проверенных архивных источниках, скрепляющая воедино ключевые аспекты проблемы: аграрную политику государства, крестьянское производство, общину и т. д. На материалах тамбовской деревни и Центрального Черноземья они анализируются автором на протяжении пореформенного периода и до завершения сталинской коллективизации. Своим

подходом к теме С. А. Есиков продолжает традицию, заложенную в отечественной историографии Даниловым. Виктор Петрович был убежден, что понять проблему можно, если изучать ее в контексте и исторической ретроспективе.

Свое повествование о трагической судьбе русского крестьянства С. А. Есиков начинает с анализа ситуации в тамбовской пореформенной деревне. При этом он убедительно доказывает актуальность этой, казалось бы, далекой для современной России темы. Он пишет: «Один из парадоксов общественного развития России в пореформенную эпоху заключается в том, что, хотя крестьянское хозяйство во многом определяло характер и формы общественного прогресса и несло на своих плечах его основные издержки, крестьянство долгое время воспринималось и правительством, и его оппонентами лишь как объект социального воздействия.

Обращение к изучению крестьянского землевладения и землепользования в эпоху очередных российских реформ важно в плане осмысления не только закономерностей исторического процесса, но и реальностей современной жизни, в том числе ситуации, возникшей в аграрном секторе страны в результате аграрных преобразований. При этом надо помнить, что Россия имеет собственные традиции реформирования: проводить преобразования вынужденно, сверху, опираясь на разветвленную систему органов власти, очень часто не имея обратной связи с обществом. Все названные проблемы сохранились до наших дней. Поэтому изучение проведения российских реформ, особенно в аграрной сфере, актуально и сегодня. По-прежнему актуальными остаются проблемы эффективного соединения крестьянина с землей и поиска форм рационального землепользования» [14, с. 31].

Следует отметить, что и до С. А. Есикова российские ученые глубоко и всесторонне изучали историю русской пореформенной деревни. Об этом он хорошо знал и с большим уважением относился к своим предшественникам [там же, с. 31–41]. Казалось бы, что еще он мог сказать принципиально нового на эту тему? Оставалось лишь иллюстрировать имеющиеся в историографии выводы на тамбовских материалах.

И на первый взгляд, он пошел по этому пути, подтвердив оценки историков о том, что к началу XX века в аграрных регионах России возникли черты системного кризиса, особо проявившиеся в аграрном перенаселении, сокращении природных ресурсов для сельского хозяйства, истощении почвы, стагнации производства основных зерновых культур при сохранении жесткой зависимости урожаев хлебов от резких природно-климатических колебаний, уменьшении масштабов животноводства ввиду распашки пастбищных и других кормовых угодий и т.п. [17; 20].

Но Сергей Альбертович не ограничился подтверждением уже устоявшихся в историографии выводов. Он смог расширить тематику исследования проблемы и выдвинуть ряд новых идей. Например, совместно с коллегами Есиков обратился к теме формирования и развития сети сельских населенных пунктов Тамбовской области с момента освоения края и до начала XX в. [1]. Этим он продолжил традицию В. О. Ключевского в изучении истории русской колонизации, но уже на материалах Тамбовского края. Как увлекающаяся личность он окунулся в самую глубь веков и написал ряд интересных работ, посвященных начальному периоду истории Российского государства [11; 22; 24].

Наряду с новой тематикой С. А. Есиков внес в разработку историографии проблемы идею, имеющую концептуальное значение. Он пришел к выводу, что сохранение сословного неравенства крестьян в пореформенной деревне отразилось на главном для них вопросе – вопросе о земле: это тонкое понимание историком сути процессов, происходивших в русской деревне в рассматриваемый период.

Он писал: «Издававшиеся правительством акты свидетельствовали о глубоко ошибочном убеждении правящих кругов в том, что различные сословия одного государства могут сосуществовать на разных правовых уровнях. Частное крестьянское землевладение, несмотря на официальные запреты, развивалось. Массовая покупка земли крестьянами началась в 1880-е гг. Большинство сделок по покупке земли крестьянами совершалось при посредстве Крестьянского банка» [35,

с. 91]. «Ограниченность сословных прав крестьян ущемляла их право владеть и распоряжаться землей. Тем самым вольно или невольно законодатель в лице органов власти фактически установил причинную связь между правом пользования и владения землей и обработкой этой земли трудом субъекта этого права. В результате к началу XX века государственные нормативные акты, не отменявшие действовавшие нормы обычного права, фактически закрепляли идею народного правосознания о трудовом пользовании землей» [27, с. 65; 39, с. 45].

Таким образом, идея «черного передела» земли как главного лозунга крестьянской революции возникла в русской деревне не случайно. Ее укреплению в крестьянском сознании способствовала недалёковидная политика царского самодержавия по консервации сословного неравенства крестьян. С одной стороны, оно поощряло через Крестьянский банк и другими мерами крестьянское предпринимательство, а с другой – сдерживало его охранительными законами в эпоху «контрреформ» Александра III. Крестьяне не могли по закону стать частными собственниками земли. Но они коллективно становились ими по обычному праву, то есть через общину покупали землю, как правило, не оформляя ее в индивидуальную частную собственность. Учитывая, что к началу XX века крестьянское хозяйство стало господствующей формой организации сельскохозяйственного производства, но юридически по закону не могло закрепить свой статус, крестьянский протест был неизбежен. Вина в этом была не крестьян, а царского самодержавия, до последнего стоявшего на страже дворянско-помещичьих привилегий.

Занимаясь историей русской деревни, С. А. Есиков следовал традиции ведущих российских исследователей изучать ее в рамках проблемы взаимоотношения крестьянства и власти, делая при этом акцент на региональном аспекте [16]. Опыт такого изучения на примере Тамбовской губернии позволил ему прийти к следующим выводам.

Крестьянину, жившему в условиях замкнутости хозяйственного быта и общинного самоуправления, государство нужно было лишь как регулятор отношений, гарант

и защитник крестьянских прав владения и собственности. Поэтому он противился любому государственному принуждению, жаждал «всей земли и воли». Для государства же крестьянство было «неудобным классом» именно как саморазвивающийся слой, но оно нужно было ему как основа физического жизнеобеспечения общества. Крестьянство, будучи в целом покорной частью общества, восставало против государства, во-первых, когда оно чрезмерно и болезненно вторгалось в сферу интересов крестьян, во-вторых, когда явно не оправдывало их социальных ожиданий, в-третьих, когда показывало крестьянству свою некую слабость. В основном крестьянское сопротивление власти было пассивным, оно выражалось преимущественно в повседневных, обыденных формах. Для крестьян характерно быстрое остывание социального протеста, когда государство применяло жестокие репрессии. Неравенство сил государства и крестьянства загоняло в тупик возможности эволюционного решения вопроса. Предстоял более долгий и мучительный путь ломки традиционного крестьянско-общинного уклада. Другой возможный вариант – аграрная революция «снизу» – также ничего не решал, ибо ослабленное за века государственного «зажима» крестьянство не могло предложить оптимального варианта, сводя все к уравнительному переделу земли. Эти выводы С. А. Есиков апробировал в своей докторской диссертации, защищенной по инициативе Э. М. Шагина в ученом совете Московского педагогического государственного университета [21, с. 29], а также в других многочисленных публикациях. С учетом современных достижений отечественной и зарубежной историографии в области изучения аграрной истории России они вполне убедительны и достоверны.

С. А. Есиков – один из немногих современных историков-аграрников, не поддавшихся моде ругать крестьян за их образ жизни, рассматривать их как главную причину тормоза прогресса и модернизации России. Ряд исследователей считает, что именно поэтому крестьян пришлось загонять сначала в рыночные отношения, а потом и в сталинские колхозы. Есиков не возлагал на крестьян вину за системный кризис

в стране на рубеже XIX–XX веков. Они вели себя вполне адекватно и естественно. Эту мысль он обосновал на примере анализа русской поземельной общины. В историографии она стала объектом критики со стороны некоторых исследователей [75, с. 15–16].

Есиков понимал историческую бесперспективность общины в условиях рыночной модернизации [20, с. 100–101]. Но одновременно он защищал ее от нападок, поскольку критики общины, сами того не желая, унижали русского мужика, навешивая на него ярлыки консерватора, противника перемен и т.д. Он считал общину естественной формой организации крестьянской жизни, вполне адекватной происходящим переменам с точки зрения защиты интересов подавляющей массы крестьянства. Он хорошо изучил общину по достоверным источникам [46].

В данном контексте одним из немногих в современной историографии Есиков обратился к проблеме общины и агротехнического прогресса [32]. Вот как он изложил свою позицию по данному вопросу: «В литературе утвердилось мнение, что крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с недоверием относились к различным нововведениям... Однако первые же опыты агропомощи крестьянскому населению показали, что устойчивость привычек была различной. Если крестьянин видел плужный взмет позднего пара в сухой почве, то вскоре и сам стремился работать с плугом. Но если ему рекомендовали, например, протравливать семена химикатами или использовать корову для нетяжелых полевых работ, то он вряд ли следовал таким советам. Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показали, что чем моложе, образованнее и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям.

Земельные переделы, проводившиеся в пореформенный период в среднем раз в 20 лет (начало 80-х гг. и на рубеже XIX–XX веков) в целом не препятствовали нововведениям, которые крестьянин зачастую мог проводить самостоятельно. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была крайняя бедность крестьян, а не трехпольная система

и общинные порядки. Даже применение усовершенствованного инвентаря порой требовало значительных затрат всего общества. И тогда на помощь приходил сход» [25, с. 236–237].

В этой связи концептуальное значение имеет следующий вывод историка: «...новые явления в пореформенной деревне не изменили хозяйственных и социальных основ крестьянской жизни. Община осталась институтом, обеспечивавшим физическое выживание крестьянской семьи. Сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но отнюдь не препятствовала темпам агротехнического прогресса» [там же, с. 238].

С. А. Есиков убедительно заключал, что в укреплении общины виновато, прежде всего, царское самодержавие. Оно намеренно поддерживало ее жизнеспособность. Традиционные фискальные функции общины и круговая порука были удобны для него при сборе налогов, выполнении разверстки и натуральных повинностей. Во многом именно поэтому был отброшен план Н. Х. Бунге по ликвидации общины, а политика Александра III законсервировала ее еще на несколько десятилетий [35, с. 87].

Но не только царское правительство укрепляло общину. Крестьяне сами это делали, исходя из собственных интересов. Историк указывает, что в условиях бурно развивающейся рыночной экономики община смягчала ее удары. Он писал: «Будучи не в состоянии предотвратить и устранить экономического неравенства своих членов, община их защищала в социальном и экономическом плане. Именно эта функция особенно ярко проявилась в период столыпинского наступления на общину. Чем сильнее власти давили и разрушали общину, тем крепче крестьяне держались за нее... Из всех функций общины крестьяне выбирали социальную защищенность, особенно необходимую им в лихой год. Этим можно объяснить прочность общинных устоев в тамбовской деревне» [20, с. 100–101].

Сергей Альбертович не просто заявлял, но и очень аргументировано обосновывал свои выводы о социальной функции общины: «...община отреагировала на развитие рыночных отношений попытками модернизировать хозяйства: предпринимались шаги по смягчению вредных последствий

чересполосицы, практиковались переходы на “широкие полосы”, внедрялись травосеяние и многопольные севообороты, применялись усовершенствованные орудия и машины, различные агротехнические мероприятия; кое-где сельские общества, при минимальном успехе, пытались заняться предпринимательством, используя мирские капиталы» [там же].

В своих публикациях Есиков прослеживает судьбу русской общины вплоть до сталинской коллективизации. Он заключает, что община, служившая средством подчинения деревни государству, в условиях революции действовала как революционно-демократическая организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением. В годы аграрной революции 1917–1918 гг. она превратилась в орган сельского самоуправления и выступила в качестве инструмента земельного передела.

Историк очень точно характеризует влияние векового общинного уклада на советскую деревню: «Общинно-крестьянский архетип проявлялся во многих чертах советского общества. Он находил конкретное выражение, прежде всего, в системе ценностей и нормах поведения: в стремлении к социальной справедливости и равенству, в коллективизме и взаимопомощи, в признании естественным существованию различных форм собственности» [29, с. 238–241].

Из творческих достижений С. А. Есикова по данной проблеме следует очень важный вывод о крестьянской самоорганизации, умении крестьянства защищать себя от государственного принуждения и насилия, отвечать чрезмерным нападениям власти на деревню. Вполне объясним поэтому тот накал противостояния государства и крестьянства в России, который имел место в первой половине XX века. У крестьян оказалось оружие против государства и других внешних угроз: это традиционная поземельная община. Идеи Есикова о ней позволяют лучше понять причины и механизм крестьянского конфликта с государством в рассматриваемый период. Они подтверждают и развивают мысли об общине В. П. Данилова, П. Н. Зырянова и других выдающихся ее исследователей.

Широкой научной общественности С. А. Есиков стал известен благодаря участию в работе над сборником документов

об антоновщине и публикациям на эту тему. Он был правой рукой Данилова при подготовке к печати первого выпуска данного сборника [61]. Но мало кому известно, что именно в процессе работы над этим сборником благодаря инициативе и творческой мысли С. А. Есикова впервые появился на свет символ трагической судьбы тамбовского крестьянства в виде надломленного колоса. Спустя несколько лет этот символ стал своеобразным брендом целого ряда сборников документов по истории крестьянских движений в России из серии «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. Документы и материалы» под редакцией В. Данилова и Т. Шанина [62; 63; 69]. Затем он был повторен и на обложке переизданной «Антоновщины» в 2007 г. [2].

Еще в начале 1990-х гг. совместно с тамбовскими коллегами С. А. Есиков опубликовал несколько статей, посвященных актуальным проблемам антоновщины [2; 16; 26; 30; 42; 48; 61 и др.]. В дальнейшем они получили обобщение в его докладе на научной конференции в Оренбурге в 2007 г. [31].

Историк рассмотрел причины крестьянского восстания, его ход, результаты, роль партии эсеров в восстании и другие проблемы. Он доказал, что антоновщина – это «типичное крестьянское восстание» с «типичным финалом: военным разгромом при выходе с родных мест». Оно было вызвано военно-коммунистической политикой большевиков, разорявшей крестьянские хозяйства. Повстанцы успешно вели партизанские действия в трех лесных уездах Тамбовской губернии, поскольку находились в родных местах и во главе повстанческих отрядов оказались достаточно опытные в военном отношении люди, прошедшие мировую войну, уже повоевавшие и в Гражданскую. По своему характеру крестьянское восстание в Тамбовской губернии являлось стихийным, оно не было подготовлено ни враждебными большевикам партиями, ни инструкторами из белогвардейских армий. Однако, несмотря на стихийный характер вооруженного выступления, крестьяне оказались способными к самоорганизации и самодеятельности: на местах создавались органы повстанческой власти – разного уровня союзы трудового крестьянства,

вырабатывались собственные программные документы, издавалась печатная продукция, проводилась принудительная мобилизация, реквизиции хлеба и другие мероприятия, копировавшие действия советской власти.

С. А. Есиков считал глубоким заблуждением идеализировать крестьянскую войну, поскольку она нанесла существенный урон экономике и сопровождалась большими человеческими жертвами. Повстанцы уничтожали средства связи, портили железные дороги, громили совхозы и коммуны, с особой яростью убивали коммунистов и советских работников из крестьян. По его мнению, по части жестокости обе стороны не уступали друг другу, а жестокость остается жестокостью, от кого бы она ни исходила [там же, с. 225].

Так же как и Данилов, он обнаружил в антоновщине «необычные обстоятельства», подчеркивающие подлинный трагизм ситуации. В противоборстве оказались армии, одинаковые по национальному и классовому составу (русские крестьяне), организации (комиссары, политотделы и т.д.), одинаково присягнувшие Красному знамени и боровшиеся «за победу настоящей революции». Вооруженная борьба между этими армиями велась на полное взаимное уничтожение [там же, с. 226].

Вслед за Даниловым Есиков констатировал и противоречивый, но реальный факт. Большевики подавили антоновщину, как подавили все крестьянские мятежи, однако и сами должны были отказаться от немедленного «введения» социализма, а главное, удовлетворить основные требования деревни, отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. [20, с. 102].

В русле избранного комплексного подхода к проблеме ученый сконцентрировал внимание на главном вопросе: почему в России произошла революция и все последующие события, включая сталинскую коллективизацию? Для ответа на него он обратился к анализу ситуации в тамбовской деревне и России в первые десятилетия XX века.

Неудачные войны, по мнению историка, выступили лишь катализатором крестьянского протеста, его поводом.

Истинные причины недовольства тамбовских крестьян были связаны с состоянием крестьянского хозяйства и государственной политикой по отношению к нему. На эту тему заслуживает внимания сборник документов «Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918)» [63], одним из составителей которого был Есиков. Материалы сборника свидетельствуют, что причинами крестьянской революции в Тамбовской губернии, так же как и в других районах бывшего помещичьего землевладения, были крестьянское малоземелье, ухудшение положения крестьян во время Первой мировой войны, неспособность царского правительства изменить его кардинальным образом. То есть корни проблем уходили в дореволюционное время, о чем С. А. Есиков неустанно напоминает в своих работах.

Советская власть поддержала их решение в крестьянском варианте уравнительного земельного передела. Это позволило большевикам остаться у власти. Но далее начинается Гражданская война и новый этап крестьянского противостояния с государством в форме крестьянских восстаний. Есиков внимательно анализирует их причины применительно к антоновщине и на материалах Тамбовской губернии. В центре его внимания оказывается крестьянское производство и факторы, влиявшие на него. Он повторяет известные в историографии выводы о кризисе крестьянского хозяйства, его упадке в годы Гражданской войны из-за политики военного коммунизма большевиков. Но при этом он расставляет акценты и делает очень важные наблюдения по ряду дискуссионных вопросов.

Например, по его мнению, в годы аграрной революции (1917–1921 гг.) уравнительное перераспределение земли и ежегодные земельные переделы не решили проблему земельного голода и сохранили неустойчивость крестьянского землепользования [18, с. 14; 19]. Основная масса крестьянских хозяйств замкнулась в рамках натурального производства. События аграрной революции отбросили крестьянское хозяйство на уровень 1880-х гг., произошла его архаизация [18]. То есть с точки зрения крестьянского производства и сельского хозяйства страны в целом Великая русская революция

явилась регрессом. Отсюда не случайны и последующие события, связанные с курсом на форсирование индустриальной модернизации страны сталинским руководством.

Сергей Альбертович несколько по-другому, чем принято в историографии, взглянул на проблему продрозверстки в годы Гражданской войны. Как и наиболее авторитетный исследователь крестьянского хозяйства в условиях военного коммунизма В. В. Кабанов, он констатировал факт невозможности определить степень ее негативного влияния на крестьянское хозяйство из-за отсутствия достоверной источниковой базы [28, с. 240]. По его мнению, наряду с продрозверсткой, на крестьянское хозяйство в указанный период оказали не меньшее негативное влияние такие факторы, как разруха военных и революционных лет, неурожай 1920 г., измельчание сельскохозяйственного производства и др. Этот вывод важен при определении баланса движущих сил кризиса сельскохозяйственного производства в России в годы Гражданской войны и начальный период нэпа. Очевидно, что не стоит все сводить к субъективному фактору – политике большевиков. Были и другие, на которые справедливо указывал Есиков.

Особое место в научном творчестве историка занимает период нэпа. На эту тему им сделаны самые важные выводы. Они замкнули единую цепь событий, идущих с пореформенной эпохи через революционные потрясения и Гражданскую войну к сталинской форсированной индустриализации на основе насильственной коллективизации советской деревни.

На материалах Центрального Черноземья Сергей Альбертович проанализировал эволюцию крестьянского хозяйства в условиях нэпа. Он охарактеризовал крестьянское производство, социальную структуру села, показал развитие в нем рыночных отношений и расслоение крестьянства, определенные успехи в агрокультуре и т.д. [44, с. 6–9, 23; 45]. При этом Есиков опирался не только на архивные документы, но и труды выдающихся русских экономистов, чье внимание привлекало семейное трудовое хозяйство Тамбовской губернии в рассматриваемый период (Н. П. Макарова,

Н. П. Огановского, А. В. Чайнова, А. Н. Челинцева) [37, с. 78]. Он был одним из самых лучших знатоков и пропагандистов их научного наследия.

Полученные историком результаты очень убедительны. Главные из них сводятся к следующим концептуальным положениям: нэп никогда не был «крестьянским раем», крестьянское середняцкое хозяйство исчерпало свой внутренний потенциал с точки зрения товарности и удовлетворения растущих государственных потребностей [8], реформа сельского хозяйства страны была неизбежной [33].

То, что нэп никогда не был «крестьянским раем», С. А. Есиков доказал фактом голода 1923–1925 гг. в тамбовской деревне. По его мнению, по своим масштабам этот голод не уступал голоду 1921–1922 гг. В указанные годы в Тамбовской губернии голодало более 1 млн. человек, имели место случаи голодных смертей [13]. И в дальнейшем уровень продовольственного потребления в деревне оставался на очень низком, голодном или полуголодном уровне. В среднем, как указывает историк, в годы нэпа душевое потребление в тамбовской деревне составляло 11,4 пуда, что едва дотягивало до половины его обычной нормы [18, с. 27].

Он объяснил причины такой ситуации. Они были связаны с уровнем крестьянского производства в годы нэпа, который оказался даже ниже, чем в дореволюционный период. Так, например, ниже дореволюционных показателей была урожайность зерновых культур в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии: в 1912 г. – 62 дес. с га; в 1916 г. – 62,6; в 1924 г. – 26,4; в 1925 г. – 14,4 и т.д. [там же, с. 26]. В 1920-е гг. так и не удалось полностью восстановить животноводство региона. В 1927 г. в губернии насчитывалось 296 288 голов лошадей рабочего возраста против 387 139 голов в 1917 г. [там же, с. 29]. Аналогичной была ситуация и в целом по стране. Есиков привел на этот счет соответствующие данные. В 1927 г. посевные площади в СССР составляли 90 %, под зерновыми – 87 % от довоенных. Количество зерна на душу населения в 1927 г. составляло 489,6 кг (83,8 %) по сравнению с 584,1 кг в 1913 г. Численность скота в СССР лишь в 1927 г.

достигла уровня 1916 г., однако рабочих лошадей было все еще на 17,3% меньше, чем в довоенные годы [8, с. 94].

Низкой в годы нэпа оставалась и общая агрокультура крестьянских хозяйств. Прогрессивные формы землепользования, такие как многополье со сменой культур и травосеянием, с трудом проникали в сельскохозяйственное производство, где сохранялась традиционная чересполосица. В 1927 г. в РСФСР многопольные севообороты применялись только на 17,3% посевных площадей [там же, с. 95].

Основываясь на этих и других фактах, С. А. Есиков аргументированно заключил: «Необходимо признать, что к концу 1920-х гг. сельское хозяйство страны переживало период стагнации, находилось на грани кризиса, постоянные местные голодовки, охватывавшие разные регионы страны практически ежегодно, были тому свидетельством. Так был ли нэп “крестьянским раем”? Вероятно, да, в сравнении с предыдущим временем военного коммунизма и последующим периодом “чрезвычайщины” и сплошной коллективизации. Деревня осереднячилась. Однако середняк, процветая, обеспечивал, по сути, только себя, т.к. его хозяйство неспособно было обеспечить новые технологии и орудия» [там же].

Так же как и большинство исследователей нэпа, в подтверждение данного вывода Есиков привел факт кризиса хлебозаготовок в стране в 1927-м и последующие годы. Он объяснял его действиями сталинской группировки в партии, ориентированной на силовое решение задачи [29, с. 169–199]. Но далее историк обратился к одной из самых дискуссионных тем в современной отечественной и зарубежной историографии – проблеме альтернатив сталинской системе.

С. А. Есиков не разделял увлечений ряда современных исследователей гаданиями на кофейной гуще по поводу того, что было бы, если бы не было коллективизации. Он, конечно, ознакомился и с выводами американского историка-экономиста Хантера, создавшего на основе методики линейного программирования компьютерную модель альтернативной экономической истории СССР с конца 1920-х по 1940 г., и с упражнениями на эту тему руководителя лаборатории

математических методов в исторических исследованиях МГУ им. М. В. Ломоносова Л. И. Бородкина. Названные авторитетные специалисты с помощью клиометрии пришли к заключению, что если бы страна развивала свою экономику по логике предшествующих нэповских лет, избежав коллективизации, то вклад сельского хозяйства в другие отрасли экономики мог бы быть более весомым [5; 78, с. 70, 76–77; 79, с. 160, 163].

Сергею Альбертовичу оказались ближе аргументы оппонентов любителей гадания на кофейной гуще, среди которых – признанные в научном сообществе зарубежные исследователи советской истории Р. Дэвис, С. Коэн, М. Левин и др. Суть их возражений состоит в том, что история не сводится к экономическим выкладкам, в ней работают факторы политического, социального и другого порядка. А самое главное – историю нельзя изменить!

С. А. Есиков в своих публикациях на данную тему обратил внимание на главный изъян всех сторонников теории альтернатив. Они игнорируют конкретно-историческую ситуацию в стране и голословно заявляют о возможности «длительного сохранения тенденций развития, присущих периоду нэпа». В этом же ключе состоял их вывод о существовании варианта медленного экстенсивного роста сельского хозяйства страны [77, с. 181].

Скептическое отношение к альтернативной истории Есиков продемонстрировал в полемике с Даниловым, выдвинувшим идею о «бухаринской альтернативе». Наставник и друг историка считал, что Н. И. Бухарин и правая оппозиция предложили стране реальную программу выхода из кризиса хлебозаготовок. Она основывалась на идее «кооперативной коллективизации» и противопоставлялась сталинской «революции сверху».

С. А. Есиков не согласился с этим. И его аргументы выглядят более убедительно, чем рассуждения оппонента. Он не отрицал факта альтернативного взгляда на развитие крестьянского хозяйства России в последние годы нэпа и указывал, что его авторами были экономисты Н. Д. Кондратьев и Н. П. Макаров, делавшие ставку на поддержку зажиточных

крестьянских хозяйств, дальнейшее углубление нэпа на базе мобилизации земли, вовлечения ее в товарообмен и т.д. [10, с. 159]. Но эти идеи остались на бумаге, поскольку в стране утвердился сталинский режим со своей программой по крестьянскому вопросу.

Что же касается Бухарина и его «альтернативы», то она никогда не могла осуществиться, поскольку была оторвана от жизни, практики государственного строительства. Да и сам Бухарин не вызывал у Есикова особого уважения из-за своей непоследовательной позиции.

Вот как он писал о нем, полемизируя с Даниловым: «В условиях полного отсутствия внутрипартийной демократии высшее руководство партии, а точнее, господствующая в нем группа Сталина, легко и успешно могла вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внес Бухарин. Вспомним, как в 1927 г. он, находясь еще в союзе со Сталиным против Троцкого, Зиновьева и Каменева и не ведая, что через год окажется на их месте, заявлял: “Если оппозиция попытается вызвать «катастрофу», партия и мокрого места от нее не оставит”. Какая уж здесь демократия. Поэтому нельзя согласиться с мнением Данилова о том, что вплоть до конца 1927 г. сохранилась возможность обсуждения политики в руководстве партии и государства. В середине 1920-х гг. такой возможности уже не было» [9, с. 478–479].

Анализируя содержание «бухаринской альтернативы», историк нашел в ней очевидные слабые стороны. Прежде всего, она не учитывала сложности сложившейся международной обстановки, требующей ускорения экономического развития страны. В подтверждение своей позиции Есиков привел выступление Бухарина на XIV съезде ВКП(б): «Из-за классовых различий внутри нашей страны, из-за нашей технической отсталости мы не погибнем... мы можем строить социализм даже на той нищенской технической базе... этот рост будет во много раз медленнее... мы будем плестись черепашьим шагом, но... все-таки социализм строим и... мы его построим» [84, с. 135]. То есть, Бухарин допускал «черепашьи

темпы развития страны» [8, с. 98–99]. В связи с этим Есиков задавался вопросом: «Могла ли быть осуществлена “бухаринская альтернатива”»? И справедливо отвечал: «По всей видимости, нет. Из-за серьезных изъянов в самих построениях Бухарина, да и в связи со сложившейся обстановкой в стране и партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех» [9, с. 478–479].

Усиливая свою аргументацию, Сергей Альбертович вступил в полемику с Даниловым по вопросу о кооперации. Он солидаризировался с В. В. Кабановым, негативно оценившим состояние сельской кооперации в годы нэпа. Для Данилова же она выступала базовым элементом «бухаринской альтернативы» сталинской коллективизации. О своем видении кооперации в рассматриваемый период Есиков писал: «...полностью подчинив себе кооперацию путем ее централизации, занятия всех руководящих постов в центре и на местах, власти превратили ее в огромный, не очень умелый, но очень послушный аппарат проведения своей политики в деревне. Кооперация держалась за счет финансовой поддержки со стороны государства. Утверждение о высоких возможностях кооперирования крестьянских хозяйств не подтверждается. Не кооперацию приспособляли к нэпу или нэп – к кооперации, а то и другое – к плановому началу. В конце 1920-х гг. кооперация оказалась не способной к выполнению преобразующих функций, да и своих собственных обязанностей, она разрушалась» [там же, с. 479].

Таким образом, С. А. Есиков доказал невозможность другого варианта развития сельского хозяйства страны на рубеже 1920-х – 1930-х гг., в отличие от случившегося. Одновременно он ответил и на вопрос о причинах революционных потрясений России в первые десятилетия XX века. Они были связаны с процессом индустриальной модернизации крестьянской страны. Поэтому изучение аграрной проблематики – ключ к пониманию ее особенностей и результатов. Историк с сожалением констатировал этот факт, потому что события сталинской коллективизации и вызванного ею голода 1932–1933 гг. стали подлинной трагедией крестьянства России, в том числе

тамбовского. На эту тему им также опубликованы серьезные работы. Они написаны в русле современных подходов к проблеме [15; 34; 36; 47].

С. А. Есиков был глубоким знатоком Тамбовского края и крупнейшим ученым-краеведом. Его перу принадлежат 67 статей в Тамбовской энциклопедии, начиная от биографий выдающихся личностей, связанных с Тамбовской землей (В. И. Вернадского, А. А. Корнилова, А. А. Пушкина, Л. Д. Троцкого, А. Г. Чавчавадзе, Д. Б. Шоу и многих других), до наиболее значимых понятий из российской истории XX в.: «Политика военного коммунизма в Тамбовской губернии», «Коллективизация сельского хозяйства в Тамбовской губернии», «Новая экономическая политика», «Продналог», «Продразверстка», «Романовы и Тамбовский край» и др. [83].

С. А. Есиков был не только замечательным историком, но и педагогом. Он прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой истории и философии (1988–2002 гг.), а с 2002 по 2011 гг. – заведующего кафедрой теории и истории государства и права Тамбовского государственного технического университета. Наиболее значимым его достижением на педагогическом и административном поприще явилась многоплановая работа в качестве декана юридического факультета ТГТУ (1998–2012 гг.). Его деятельность получила высокую оценку: в 2004 г. Указом Президента РФ С. А. Есикову было присвоено звание – заслуженный работник высшей школы РФ.

Под его научным руководством были защищены многочисленные диссертации о русском крестьянстве [4; 55; 60; 68; 72; 74; 81; 85 и др.]. В качестве официального оппонента он поддержал многих молодых [7; 56; 57; 64; 65; 66; 67; 70; 76; 86 и др.] и уже имеющих определенный вес в науке историков-аграрников [3; 59; 60; 82 и др.].

Сергей Альбертович Есиков являлся ведущим специалистом всероссийского и мирового уровня по аграрной истории, истории государства и права, исторической демографии, истории повседневности, истории политических партий и общественных движений. Труды С. А. Есикова получили

высокую оценку научной общественности в России и за рубежом. Он участвовал в ряде международных конференций по голодомору, истории сталинизма [9; 10].

Что касается военной тематики, то впервые в историографии С. А. Есиков совместно со своими коллегами показал негативное влияние на крестьян и крестьянское хозяйство России и Тамбовской губернии войн, в которых Россия принимала участие. Русско-японская и особенно Первая мировая война явились определенным рубежом в историческом развитии не только их участников, но и мира в целом. Великая война 1914–1918 гг. отразила кризисное состояние европейской цивилизации и стала серьезной проверкой жизнедеятельности государственных и общественных систем, эффективности взаимосвязи государства и общества, города и деревни, фронта и тыла. Ранее в военной мысли России начала XX в. считалось очевидным представление о более высокой степени устойчивости экономик стран аграрного типа в военных условиях по сравнению с промышленно развитыми индустриальными странами. Пример же участия нашей страны в Первой мировой войне опроверг эту мысль. Именно в России в результате войны изменилась вся общественно-государственная иерархия. Поэтому С. А. Есиков считал важным изучение процессов, происходящих в русской деревне в период Первой мировой войны, как на общероссийском, так и на региональном уровне, поскольку это является необходимым моментом при создании общей исторической картины развития Российского государства. По его мнению, война ослабила крестьянское хозяйство и изменила отношение крестьян к власти. Из-за военных неудач и тягот непонятной и затянувшейся войны они потеряли веру во власть и царя, вследствие чего их революционные выступления в 1917 г. были вполне закономерными [12; 23; 49; 50; 51; 52; 53; 54].

Можно только представить, насколько интересной стала бы новая работа Сергея Альбертовича по истории России в годы Первой мировой войны на основе региональных материалов. Он приступил к ней в качестве руководителя проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом.

В его планах было изучение процессов и общественных трансформаций, имевших место в аграрном секторе российского общества в один из ключевых периодов российской истории (1914–1917 гг.) на масштабном региональном уровне (по материалам Центрального Черноземья и Среднего Поволжья). Эти процессы, считал он, необходимо рассматривать через призму взаимоотношений власти и общества.

Несмотря на тяжелую болезнь, С. А. Есиков проявлял заинтересованность в том, чтобы работа над проектом была завершена. Очень часто он обсуждал с коллегами – участниками гранта источниковедческие и историографические проблемы. Постоянно подчеркивал, что авторы должны представить новое видение тех процессов, которые стремительно развивались в российской деревне и так или иначе ускоряли рост архаики в аграрном строе России, а это не могло не отразиться на развитии массового аграрного движения в 1917 г. Не раз он говорил и о роли солдат, привнесших в деревню стихию, в ходе которой начались разгромы помещичьих имений.

Но, к сожалению, тяжелая болезнь не дала Сергею Альбертовичу возможности довести до конца многое из задуманного и уже начатого.

Данная монография является итогом работы авторского коллектива, который начинал свою деятельность под руководством С. А. Есикова в рамках гранта РГНФ, проект № 14–01–00277 «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья (1914–1917 гг.): вступительная статья «Сергей Альбертович Есиков – историк русского крестьянства» – П. С. Кабытов, В. В. Кондрашин, М. М. Есикова; глава I – М. Есикова; глава II – П. С. Кабытов; глава III – В. Белоусов, О. А. Сухова; глава IV – Е. П. Барина; глава V – И. В. Двухжилова; глава VI – Н. Н. Кабытова; глава VII – К. В. Самохин.

П. С. Кабытов, В. В. Кондрашин, М. М. Есикова

Список литературы

1. Аврех А. Я., Есиков С. А., Канищев В. В., Мизис Ю. А., Протасов Л. Г. Формирование и развитие сети сельских населенных пунктов (СНИП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 3–16.

2. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. 800 с.

3. Бабашкин В. В. Закономерности и особенности российской модернизации в 1902–1935 гг.: опыт применения теоретических концепций развития крестьянских обществ: автореф. дисс... д. ист. н. Тамбов, 2010. 43 с.

4. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни 1921–1928 гг. (По материалам губерний Центрального Черноземья): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 1998. 20 с.

5. Бородкин Л. И., Свищев М. А. Социальная мобильность крестьянства в период нэпа // Вестник сельскохозяйственных наук. 1992. № 2.

6. Власть и общество России. XX век: сб. науч. тр. / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселева, С. В. Мищенко. М.– Тамбов, 1994. 354 с.

7. Гришаков В. Г. Отечественная историография крестьянского движения в Поволжье в годы гражданской войны: автореф. дисс... к. ист. н. Воронеж, 2011. 26 с.

8. Есиков С. А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX–XXI веков: эволюция и кризисы: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: РЦРО, 2009. С. 94–100.

9. Есиков С. А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 468–479.

10. Есиков С. А. Был ли нэп «крестьянским раем»? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть. Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М.: РОССПЭН, 2011. С. 152–161.

11. Есиков С. А. Варяги в русской истории: материалы к лекции. Тамбов: ТГТУ, 2006. 20 с.

12. Есиков С. А. Воздействие Первой мировой войны на сельское хозяйство // Гуманитарные науки: проблемы и решение: Сб. науч. ст. Вып. VI. М. – Тамбов, 2009. С. 136–148.

13. Есиков С. А. Голод 1923–1925 гг. в тамбовской деревне // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сб. ст. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 266–270.

14. Есиков С. А. Историография поземельных отношений в Тамбовской губернии в пореформенное время // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.): сб. тр. участников науч. конф. (г. Тамбов, 10 июня 2010 г.) / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2010. С. 31–41.

15. Есиков С. А. Красная Армия и коллективизация в деревне Центрально-черноземной области // Армия и общество в Российской истории XVIII–XX вв.: сб. тр. междунар. заоч. науч. конф. Тамбов: ТГТУ, 2007. С. 151–154.

16. Есиков С. А. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. 13–14 июня 1994. М., 1996. С. 146–154.

17. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.) // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России: сб. науч. ст. / отв. ред. В. Ю. Карнишин. Вып. 6. Пенза: Изд-во ПГУ, 2011. С. 182–190.

18. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.) // History of the Russian Peasantry in the XXth Century / ed. by Hiroshi Okuda. Tokyo, 2004. Vol. 2. P. 7–35.

19. Есиков С. А. Крестьянское производство в Тамбовской губернии в годы революции и гражданской войны (1917–1921 гг.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. ст. Тамбов, 1998. Вып. 2. С. 99–114.

20. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998. 108 с.

21. Есиков С. А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореф. дисс... д. ист. н. М., 1998. 34 с.

22. Есиков С. А. Летописная хронология и генеалогия древнерусских князей: материалы к лекции. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2008. 24 с.

23. Есиков С. А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914 – начале 1917 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. М. – Тамбов, 1996. С. 66–77.

24. Есиков С. А. Начальные века истории Российского государства и его первые правители // Историк и история. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 170-летию В. О. Ключевского / под ред. Н. П. Берляковой. Пенза, 2010. С. 101–113.

25. Есиков С. А. Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России XIX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 232–239.

26. Есиков С. А. Партия социалистов-революционеров и Тамбовское восстание 1920–1921 гг. // Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век: материалы межвуз. науч. конф. Тамбов, 1997. Вып. III. С. 43–52.

27. Есиков С. А. Правовые аспекты крестьянского землевладения и землепользования в пореформенной России // Великие реформы 1860–1870-х годов и аграрная Россия: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург: Региональный центр развития образования Оренбургской области, 2011. С. 60–65.

28. Есиков С. А. Прозрачность в Тамбовской губернии // Власть и общество России. XX век: сб. науч. тр. / под ред. В. П. Попова, А. Ф. Киселева, С. В. Мищенко. М. – Тамбов, 1999. С. 234–241.

29. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.

30. Есиков С. А. Тамбовские эсеры об экономическом и социально-политическом положении губернии в 1920 году // Ответственные движения и политические партии стран содружества (XIX–XX вв.): историография, история, современность: тезисы докладов и выступлений на междунар. науч. конф. 16–19 сентября 1993 г. Ч. II. Владимир, 1993. С. 111–115.

31. Есиков С. А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918–1921 годы) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы

источников и историографии: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург, 2007. С. 217–227.

32. Есиков С. А. Участковая агрономия, трехпольная система и крестьянская община (Тамбовская губерния, начало XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): сб. ст. Вып. 2. Тамбов: ТГУ, 1996. С. 24–31.

33. Есиков С. А. Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927–1929 гг.) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Х. Окуды. CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, Токио, 2005. С. 131–152.

34. Есиков С. А. Хлебозаготовки 1930–1932 гг. в Центрально-Черноземной области // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 339–362.

35. Есиков С. А., Есикова М. М. Аграрная политика российского правительства в 1880–1890-е годы // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 87–92.

36. Есиков С. А., Есикова М. М. Взаимоотношения крестьянства и власти Центрального Черноземья в период коллективизации в исторической литературе // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 89–97.

37. Есиков С. А., Есикова М. М. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в первое десятилетие Советской власти в историографии // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2007. С. 78–89.

38. Есиков С. А., Есикова М. М. Об определении правового статуса крестьянского землевладения и землепользования в пореформенной России (до 1903 г.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2013. Спец. вып. № 44. С. 44–48.

39. Есиков С. А., Есикова М. М. Правовой статус подворного землевладения и землепользования в тамбовской деревне в пореформенное время (1861–1905 гг.) // Вопросы современной

науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. Спец. вып. № 38. С. 39–45.

40. Есиков С. А., Есикова М. М. Роль кооперации в повышении аграрной культуры (конец XIX – начало XX вв.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2 (19). С. 32–39.

41. Есиков С. А., Есикова М. М. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880–1917 гг.). СПб.: Нестор, 2008. 180 с.

42. Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский нэп» (организация и деятельность «союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920–1921 гг.) // Отечественная история. 1993. № 4. С. 60–72.

43. Есиков С. А., Канищев В. В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (г. Вологда, 12–16 сентября 2000 г.). М., 2000. С. 6–9.

44. Есиков С. А., Канищев В. В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда: Русь, 2001. С. 6–23.

45. Есиков С. А., Канищев В. В. Об эволюции крестьянских хозяйств в годы нэпа (на материалах Центрального Черноземья) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1994. С. 156–158.

46. Есиков С. А., Косов Р. В. Источники изучения общинного и личного крестьянского землевладения на микроуровне в пореформенный период. 1861–1904 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: материалы Междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 329–338.

47. Есиков С. А., Кузнецова Э. Н. Голод 1932–1933 гг. в Тамбовском крае. Тамбов, 1992. 17 с.

48. Есиков С. А., Протасов Л. Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57.

49. Есиков С. А., Старостин М. Е., Щербинин П. П., Фролов С. А. Религиозные настроения в крестьянском социуме в период Первой Мировой войны 1914–1918 гг. // Военный фактор в российской истории. Междунар. науч. конф. Сб. ст. Тамбов, 2009. С. 156–162.

50. Есиков С. А., Щербинин П. П. Государственная поддержка семей призванных на войну крестьян в период Первой Мировой войны 1914–1918 гг. // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. Междунар. науч.-практ. конф. Коломна, 2007. С. 86–91.

51. Есиков С. А., Щербинин П. П. Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 66–75.

52. Есиков С. А., Щербинин П. П. Продовольственные заготовки для армии в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX веках: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 75–79.

53. Есиков С. А., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В., АLEXИНА Е. В. Продовольственное обеспечение беженцев в период Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии) // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках: пороги безопасности: сб. ст. / ред. кол.: С. А. Есиков и др. Оренбург: ОРЛИТ-А, 2008. С. 81–87.

54. Есиков С. А., Щербинин П. П., Щербинина Ю. В., АLEXИНА Е. В., Свиридов В. В., Старостин М. М., Хорошун К. И. Крестьянское восприятие Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российское село в XIX–XX веках: сб. ст. междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Есиков. Тамбов: ТГТУ, 2009. С. 59–66.

55. Захарцев С. Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период нэпа (1921–1928 гг.): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2003. 23 с.

56. Кабанов В. Г. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки: автореф. дисс... к. ист. н. Саратов, 2011. 24 с.

57. Камордин В. В. Православная концепция политического и социально-экономического развития России конца XIX – 40-х гг. XX в.: автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2002. 21 с.

58. Кознова И. Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: автореф. дисс... д. ист. н. Самара, 2005. 39 с.

59. Кондрашин В. В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.: автореф. дисс... д. ист. н. Самара, 2001. 41 с.

60. Косов Р. В. Крестьянская земельная собственность Тамбовской губернии в структуре частного землевладения (1861–1906 гг.) (Опыт микроисторического анализа): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2000. 16 с.

61. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина»: документы и материалы. Тамбов, 1994. 333 с.

62. Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002. 944 с.

63. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы / Серия: Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2003. 408 с.

64. Лю Ин. Торгово-экономические связи России и Китая в Маньчжурии и на русском Дальнем Востоке в первой трети XX века: автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2001. 22 с.

65. Мавлюдов И. Н. Татарская деревня в 1920-е гг.: традиции и новации (по материалам Пензенской и Саратовской губерний): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2005. 24 с.

66. Малофеева Е. Ю. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.): автореф. дисс... к. ист. н. Тамбов, 2001. 17 с.

67. Мирясов А. В. Мотивация труда рабочих промышленных предприятий России в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2002.

68. Музычук В. С. Формирование аппарата ответственных работников Тамбовской губернии в 1918–1921 гг.: автореф. дисс... к. ист. н. Воронеж, 2005. 21 с.

69. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921 гг.: Документы и материалы / Серия: Крестьянская

революция в России. 1902–1922 гг.: Документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2006. 1000 с.

70. Николашин В. П. Социализация земли в Тамбовской губернии и переустройство тамбовской деревни (1917–1918 гг.): автореф. дисс... к. ист. н. Тамбов, 2010. 23 с.

71. Окуда Х. XX век и сельская Россия // Родина. Российский исторический журнал. 2005. № 10. Россия и Япония: от Путятина до Путина.

72. Олиферовская И. В. Крестьянство и власть в Центральном Черноземье накануне и в годы коллективизации (1927–1933 гг.): автореф. дисс... к. ист. н. Саратов, 2006. 22 с.

73. Особенности российского земледелия и проблемы расселения: материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов: ТГТУ, 2000. 363 с.

74. Пеньков А. В. Российская деревня в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (на материалах Тамбовской области): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2002.

75. Роголина Н. Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М.: Энциклопедия российских деревень, 2010. 256 с.

76. Сафонов А. А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): автореф. дисс... к. ист. н. Воронеж, 1997.

77. Свищев М. А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.

78. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обзор подгот. В. В. Бабашкин // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 46–78.

79. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар. Обзор подгот. В. В. Бабашкин // Отечественная история. 1995. № 6. С. 143–178.

80. Соловьев В. Ю. Русская крестьянская община в пореформенный период 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья): автореф. дисс... д. ист. н. Саратов, 2009. 42 с.

81. Старостин М. Е. Единоличные крестьянские хозяйства накануне Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области 1937–1941 гг.): автореф. дисс... к. ист. н. Тамбов, 2011. 24 с.

82. Сухова О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг.

(По материалам Среднего Поволжья): автореф. дисс... д. ист. н. Самара, 2007. 54 с.

83. Тамбовская энциклопедия / гл. науч. ред. Л. Г. Протасов. Тамбов: Администрация Тамбовской области. Тамбов: ООО Изд-во «Юлис», 2004. 704 с.

84. XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925. Стенографический отчет. М. – Л., 1926. 1032 с.

85. Шадский О. Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920): «Предантоновщина»: автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2000. 24 с.

86. Яковлева Л. Е. Развитие постоянной повинности в России в XVIII–XIX вв.: автореф. дисс... к. ист. н. Саратов, 2008. 20 с.

87. Esikov S. A. The Characteristics of The Tambov Region in Nineteenth Century // *Historia Agriculture* 28. Where the Twain Meet. Dutch and Russian Regional Development in a Comparative Perspective 1800–1917. Ed. Pim Kooij. Groningen / Wageningen, 1998. P. 7–15.

ГЛАВА I.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Война – явление многомерное. В ней находят отражение почти все стороны жизни общества, спроецированные на экстремальную ситуацию конфликта с внешним миром, с другими социумами. Общество в мировой войне вынуждено мобилизовывать весь свой ресурсный потенциал – экономический, социальный, оборонный и т.д. Но в ряду этих ресурсов ключевым оказывается собственно человеческий потенциал в различных его проявлениях: это и демографические характеристики страны, определяющие ее мобилизационные возможности, и «качество» населения, включающее его культурный, образовательный уровень.

Первая мировая война – трагедия человечества, унесшая миллионы жизней, – носила исключительно разрушительный характер, потребовала величайшего напряжения материальных и духовных сил конфликтовавших сторон. Россия оказалась глубоко втянутой в водоворот военных событий, определивших ее собственную историческую судьбу. Начавшаяся на русско-германском фронте как наступательная операция, война с 1915 г., когда военные действия развернулись на исконной российской территории, стала терять наступательный характер, переходя в продолжительную оборонительную кампанию. В военном отношении в итоге Первой мировой войны Россия не потерпела поражения.

Случилось так, что в силу сложившихся трагических обстоятельств – непопулярности войны, умноженной революционной пропагандой, и катастрофическим недостатком вооружения, испытываемым армией в первые полтора года военных действий, наступившей в октябре 1917 г. социалистической революции, закрывшей интерес к войне, – за пределами нашей памяти остались многие значительные события внутренней жизни общества и страны в целом, достойные глубокого изучения и исторического осмысления.

Для того чтобы обеспечить конкурентоспособность в окружавшем капиталистическом мире, России с ее самодержавным режимом и опутанным крепостническими пережитками помещичьим землевладением предстояло сделать экономический рывок. На рубеже XIX–XX вв. она осуществила модернизацию, техническое и энергетическое перевооружение экономики, уже сравнительно глубоко интегрированной в мировое капиталистическое хозяйство.

В последние десятилетия XIX в. существенно менялась международная экономическая конъюнктура. Темпы промышленного развития России на рубеже веков были скорректированы проводившейся правительством политикой индустриализации. Позитивные изменения в экономике происходили на фоне активной законотворческой деятельности правительства. Неизменным оставалось вмешательство государства в экономические процессы.

Перед Первой мировой войной аграрный сектор российской экономики находился на подъеме. Впервые за многие десятилетия темпы роста сельскохозяйственной продукции обгоняли темпы роста численности населения. В 1885–1900 гг. соответствующие показатели составили 2,5–2,6 % и 1,3–1,4 %, в 1900–1913 гг. – 2,9–3 % и 1,9–2 % [20, с. 68]. В 1885–1913 гг. урожайность зерновых культур выросла в 1,7–2 раза, при этом примерно 2/3 увеличения были связаны с расширением обрабатывавшихся площадей.

Приведенные данные вовсе не означают, что российское сельское хозяйство переживало период расцвета. Было немало нерешенных проблем и кризисных явлений, которые накаляли обстановку в деревне. В целом аграрное развитие имело противоречивый, но явно поступательный характер. Это был умеренный и трудный рост, где решающее значение принадлежало крестьянскому производству.

Хозяйственный подъем в одних губерниях соседствовал с падением народного благосостояния в других. В 1911–1915 гг. 32 губернии не могли обеспечить потребление продовольственного зерна в пределах 18 пудов на человека в год (минимальный показатель). Из них 6 губерний нуждались

в товарном зерне в течение 1–2 месяцев, 17 губерний могли обеспечить себя продовольственным зерном на 6–8 месяцев в году, 6 губерний обеспечивали свои потребности на 4–6 месяцев, а 3 губернии – только в течение 1–4 месяцев [18, с. 483]. Снабжение этих 32 губерний полностью зависело от остальных 18, которые имели излишки продовольственного зерна, причем сосредоточены они были всего в 6 губерниях, включая Тамбовскую (13,5 млн. пудов) [там же, с. 483–484].

Накануне войны 2/3 губерний Европейской России не могли обеспечить свои продовольственные потребности за счет собственного производства и зависели от привозного хлеба. До сих пор существующий в литературе тезис о наличии в стране накануне и в ходе войны хлебных излишков является не более чем мифом. В сравнении с высокоразвитыми странами Россия имела довольно низкие показатели сельскохозяйственного производства. Если урожайность зерновых в России в 1912 г. составляла 34,8 пуда с десятины, то в Германии – 66, во Франции – 80 [19, с. 244].

Сокращалось и производство зерновых хлебов на душу населения. В Тамбовской губернии в 1857–1863 гг. на душу населения производилось 5,2 четверти, в 1909–1913 гг. – 5,0 четверти [40, с. 127, 129]. Действительные проблемы русского сельского хозяйства состояли в его технической слабости, низком уровне производительности труда и урожайности культур, в отсталой агротехнике. Производительность труда в сельском хозяйстве росла ежегодно на 1,5%, т.е. вровень с приростом населения, который обгонял увеличение посевной площади. Отставание в 3 и более раза в производстве на душу населения от европейских стран и пятикратная разница в урожайности были не только результатом плохих климатических условий или абсолютного малоземелья, но и преобладания натурального хозяйства с неправильной организацией территории, принудительным севооборотом, экстенсивным производством [23, с. 12].

Самой популярной зерновой культурой России была озимая рожь. В начале XX в. по ее производству страна занимала 1-е место в мире, но в основном за счет обширных посевных

площадей. Ежегодно под рожь отводили около 50 % всех посевных земель. Однако ее урожайность в России значительно отставала от других стран. Так, в среднем за 1906–1910 гг. с одной десятины в Бельгии получали 147 пудов, в Германии – 113, во Франции – 70, в США – 68, а в России – лишь 46 пудов. Основные причины низких урожаев ржи – недостаток питательных веществ в почве, низкое качество обработки, сильная засоренность полей [35, с. 79].

Страна имела низкую среднедушевую норму потребления хлеба. В начале XX в. значительная часть сельского населения балансировала на грани недоедания. При норме в 5 тыс. калорий (с учетом большой степени расхода энергии при тяжелом физическом труде) в начале XX в. на одного едока в день приходилось в среднем 4,5 тыс. калорий, причем 84,7 % из них были растительного происхождения (включая 62,9 % хлебных). Более 70 % всех расходов крестьянской семьи, шедших на личное потребление, являлись расходами на питание [22, с. 128–129, 131].

Подавляющее большинство населения России составляло крестьянство. На его долю в социальной структуре страны приходилось почти 78 %, а в Европейской России – 84,16 % [24, с. 219]. В великорусских губерниях крестьяне в преобладающем количестве страдали от малоземелья. Аграрное перенаселение, составлявшее в 1913 г. 32 млн. человек (55,9 % трудоспособного населения села) [20, с. 69], испытывало проблему безработицы. Это способствовало обострению социальной напряженности. Разрешение проблемы малоземелья в массовом сознании крестьян и прогрессивных кругов общества связывалось в основном с отчуждением избыточной земли у крупных землевладельцев.

При всех недостатках проводившейся аграрной реформы (запоздалость, сохранение малоземелья, высокое налогообложение, усиление пауперизации) ее основной итог состоял в укреплении экономических основ мелкотоварного крестьянского хозяйства, в проявившемся процессе осереднячивания деревни. Середняцкое хозяйство оставалось экономически слабым.

Центр тяжести сельскохозяйственного производства с начала XX в. переместился в крестьянское хозяйство. В общей посевной площади страны крестьянским посевам принадлежало около 90 %. Однако они в значительной мере находились на помещичьей земле, арендовавшейся на тяжелых условиях. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6 % совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства.

Индустриализация крайне слабо затронула аграрную сферу: механизация сельского хозяйства России (соотношение машин, механизмов, с одной стороны, и живой рабочей силы, составлявшей силу крестьянина вместе с силой рабочего скота, – с другой) накануне войны достигала 24 %. В Англии она равнялась 152 %, в Германии – 189 %, в США – 420 % [16, с. 29].

В начале XX в. Россия вступила в решающую стадию модернизации. Процесс управления страной значительно усложнился по сравнению с серединой XIX в., когда было введено местное самоуправление. Это привело к перераспределению объема компетенции между различными уровнями управления обществом и к изменению места и роли земств в политической структуре российской государственности. Власть делегировала значительную часть своих полномочий земским учреждениям, расширив этим сферу административного надзора за ними и существенно увеличив их субсидирование.

Начавшиеся процессы частично были отражены уже в новом Земском положении 1890 г., которое стало закономерным этапом развития земского законодательства с точки зрения более последовательной реализации государственной теории самоуправления и заложило юридические основы для дальнейшего совместного развития органов земского самоуправления и государственного управления.

Изменение реального статуса земств стало особенно заметным в период думской монархии. Введение представительного строя положило начало взаимодействию власти с общественностью, в том числе и земской. Развивалось оно весьма противоречиво, но при правительстве П. А. Столыпина в этой сфере сказались заметные перемены.

Необходимо рассмотреть социальный состав земских учреждений Центральной России. Он формировался в соответствии с Положением 1890 г., которое закрепило сословное начало в земском представительстве. Избирательная система, будучи одним из наиболее слабых мест нового земского законодательства, обеспечивала преобладание крупного и среднего дворянства и ограничивала представительство крестьян и городских предпринимателей. В центральных губерниях в период думской монархии дворянская курия делегировала в земства в три с половиной раза больше гласных, чем разночинная; крестьяне-общинники избирали менее трети всех гласных. В то же время необходимо отметить, что преобладание дворянства, как наиболее подготовленного к общественной деятельности сословия, было в значительной мере обусловлено историческими условиями России конца XIX – начала XX в., когда имущественный ценз одновременно был и цензом образовательным.

В условиях быстрой капитализации страны избирательная система, основанная на сословных принципах, приходила в противоречие с новой российской действительностью. Вследствие сокращения дворянского землевладения падала численность избирателей по первой курии, а рост крупной буржуазии способствовал увеличению количества полноцензовых избирателей по второму собранию: в трехлетие 1909/1910–1912/1913 гг. в центральных губерниях на каждого избираемого гласного по первому собранию приходилось в среднем 2,9 полных ценза, а по второму – 23,5. Осуществление аграрной реформы приводило к появлению слоя крестьян-собственников, которые тоже требовали увеличения своего представительства в земствах.

Осознавая новые потребности развивающегося общества, правительство искало пути постепенного расширения круга земских избирателей. Был предпринят ряд мер, способствовавших увеличению крестьянского представительства в земствах. По указу от 5 октября 1906 г. отменено право губернатора назначать уездных гласных от крестьян из числа кандидатов, избранных от сельских обществ. Крестьянские

кандидаты получили право выбирать гласных сами, как это было до 1890 г., что повысило интерес крестьян к земским выборам.

К серьезным изменениям в социальном облике земств должны были привести проекты реформ, разработанных правительством П. А. Столыпина. Основной акцент в них был сделан на создание низших земских структур волостного и поселкового самоуправления и изменение избирательной системы. Предполагалось ликвидировать сословное разделение курий, понизить имущественный ценз вдвое, что позволило бы расширить социальную базу земских учреждений. Важное внимание уделялось координации функций органов самоуправления и управления на уездном уровне. Аналогичные цели ставил проект, разработанный в Министерстве внутренних дел в 1914 г. Этим реформам, однако, не суждено было осуществиться.

Мировая война внесла свои коррективы в политическую жизнь страны, а также оказала серьезное влияние на социально-экономическую сторону ее существования. По мнению Б. Д. Бруцкуса, особенно большого прогресса достигло российское народное хозяйство накануне мировой войны [2, с. 13–14].

С чем же подошла Тамбовская сельскохозяйственная губерния к началу войны? В 1913 г. она занимала по величине 19-е место в ряду 50 губерний Европейской России – 58 511 кв. верст. Тамбовская губерния относилась к одной из наиболее густонаселенных в стране. Среднегодовой прирост ее сельского населения в начале XX в. составлял 1,9% [26, с. 14], что на 0,4% превышало аналогичный показатель по Центральной России. В связи с этим неуклонно возрастала плотность населения. В 1912 г. на 1 кв. версту приходилось постоянного крестьянского населения 87 чел., в 1917 г. – 97,1 [27, с. 22]. Самая высокая плотность населения отмечалась в северных уездах. По мере продвижения на юг она снижалась.

Население губернии составляло 3 757 235 человек, причем основной частью были сельские жители, чуть больше 7% жило в городах. Губерния состояла из 12 уездов

с городами – уездными центрами: Тамбов, Борисоглебск, Елатьма, Кирсанов, Козлов, Лебединь, Липецк, Моршанск, Спасск, Темников, Усмань, Шацк; заштатный город Кадом не имел уезда. Населенных пунктов – сел, деревень, поселков, хуторов – числилось более 3300. Кроме русского населения, в губернии проживала мордва – чуть больше 3%, татары – 0,8%.

Посевные площади составляли 2 488 223 дес. Больше всего сеяли озимой ржи – 1 134 994 дес., овса – 635 253 и проса – 442 019 дес. Под картофель отводилось не так много – 113 440 дес. Посевы овощных культур составляли 1,6 тыс. га [13, с. 5].

Тамбовская губерния издавна славилась своими лошадьми. К 1 января 1913 г. в губернии было 172 конезавода, в которых содержалось 3723 рысистых лошади, 5841 упряжная, 385 верховых. Больше всего конезаводов было в Тамбовском уезде – 41. Всего же в губернии насчитывалось более полу-миллиона лошадей [1, с. 30].

В 1909 г. в промышленности страны начался подъем, затронувший и Тамбовскую губернию. В предвоенные годы общий объем ее промышленного производства почти удвоился. Ведущими оставались отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья. Особенно быстро развивалось мукомольное производство. В 1913 г. мельницы губернии давали продукции по стоимости больше, чем вся промышленность края в конце XIX в. Быстрыми темпами также росли суконная, сахарная, табачная, маслобойная отрасли. Одновременно уменьшалась роль винокуренной промышленности, что было положительным экономическим явлением. В годы предвоенного промышленного подъема увеличился выпуск продукции металлургических предприятий губернии, но по объему производства металлургия и другие отрасли тяжелой промышленности по-прежнему существенно уступали перерабатывающим отраслям [13, с. 6].

Однако общий уровень промышленного производства губернии перед войной оставался низким. В 1913 г. губерния давала 2% всей продукции промышленности Европейской России. Число промышленных заведений с начала века

увеличилось незначительно – до 231, а численность занятых на них рабочих едва превышала 20 тыс. Кроме них, в губернии в 1913 г. было около 19 тыс. железнодорожников. Мало изменилось и размещение промышленности. По-прежнему самым крупным промышленным пунктом губернии оставалось с. Рассказово, где работало около 5 тыс. рабочих-текстильщиков. Несколько табачных фабрик и новая суконная – братьев Асеевых появились в Моршанске, где насчитывалось свыше 300 рабочих. Столько же рудокопов и металлургов работало на Сырском и Романовском рудниках, Сокольском чугуноплавильном заводе вблизи Липецка. Около 1,5 тыс. рабочих было в Борисоглебске. По несколько сот – в Тамбове, Козлове, Кирсанове и Темникове. В других уездных городах фабрик, заводов и промышленных рабочих не было вовсе. Имелись лишь кустарные заведения. Крупные отряды железнодорожных рабочих трудились в депо и мастерских Козлова, Тамбова, Борисоглебска. Большинство промышленных заведений губернии было разбросано по селам и деревням. Тамбовские рабочие были тесно связаны с землей [31, с. 91–92].

Война повлияла на состояние промышленности и рабочего класса. Многие предприятия были переведены на обслуживание армии. В сообщении от 18 декабря 1915 г. Липецкого чугунолитейного и механического завода Тамбовскому военно-техническому комитету содержались отчеты о возможности производства ежемесячно чугунных снарядов и чугунных ручных гранат [11, д. 3, л. 199]. В списке предприятий, увеличивших производство, значились суконные фабрики Торгового дома братьев М. и В. Асеевых и суконная фабрика С. П. Суворова [10, д. 52, л. 109]. В журнале заседаний Тамбовского губернского и Моршанского уездного объединенных военно-технических комитетов (1915–1916 гг.) обсуждались вопросы изготовления ручных гранат, штыков и других предметов снабжения армии – заводами, ремесленным училищем, а противогазов – ученицами местных женских гимназий [11, д. 5]. 9 февраля 1916 г. Липецкому чугунолитейному и механическому заводу был распределен заказ на снаряды к 9-сантиметровому бомбомету [там же, д. 3, л. 60, 93].

Появились новые заводы. 5 мая 1914 г. Главное артиллерийское управление направило представление в Государственную думу об отпуске средств в сумме 14 092 303 руб. на строительство и оборудование нового порохового завода [8, д. 1, л. 4–54]. Так рядом с Тамбовом вырос новый рабочий поселок, где трудились около 8 тыс. человек. В Козлов из Риги была эвакуирована жестяно-коробочная фабрика общества «Бирман и Франк». На новом месте ее владельцы открыли консервную фабрику, обслуживавшую нужды армии.

Однако нехватка сырья и топлива привели к закрытию многих предприятий. В итоге их общее число в годы войны сократилось. Почти все владельцы чугунолитейных заводов, суконных, пенькопрядильных фабрик, лесопильных, винокуренных, крахмальных заводов, мельниц, типографий, включая в анкеты «Сведений о производительности за 1915 год промышленного заведения» данные о числе рабочих – мужчин, женщин, малолетних, подростков – и стоимости произведенной продукции, отмечали снижение объема производства по причине недостатка рабочих рук и затруднений в снабжении сырьем [10, д. 36. л. 71–130]. Тем не менее, численность рабочих в губернии выросла на 3 тыс. Изменился и кадровый состав рабочего класса. Заметно сократилась доля взрослых мужчин, составлявших в 1916 г. менее половины фабрично-заводских рабочих. В армию были призваны наиболее квалифицированные и опытные мастера. Почти пятую часть всех рабочих составляли дети. Мировая война ухудшила положение трудящихся. В 1913–1915 гг. заработок тамбовского рабочего вырос примерно на 20 %, а цены на основные предметы потребления удвоились [31, с. 93].

Хлебный рынок в предвоенные годы характеризовался преобладающей ролью крестьянских хозяйств при их низкой товарности. Товарность зерновых основывалась на относительно низких нормах потребления крестьянских масс. Поэтому любое колебание в потреблении, особенно в сторону его повышения, приводило к серьезным изменениям товарности, что неминуемо вызывало кризис хлебного рынка.

Начавшаяся война резко усилила потребность в координации всех участников хозяйственной жизни. Централизованное руководство экономикой, характерное для Российского государства и в мирное время, стало еще активнее внедряться в практику. Меры по координации производственно-хозяйственной деятельности государство стало проводить уже с первых дней войны. В отчете Тамбовского губернского присутствия по продовольственной части «О ходе продовольственного дела в Тамбовской губернии за 1914 год» констатировалось, что весна и лето 1914 г. по климатическим условиям были неблагоприятными для роста всех культур и сбора урожая, который в большинстве уездов был удовлетворительным и ниже среднего. Крестьянским учреждениям губернии были предоставлены льготы по возвращению долгов по выделенным ранее продовольственным ссудам. За счет губернского продовольственного капитала пострадавшим от неурожая крестьянам выдавалось зерно для обсеменения полей на урожай 1915 г. [7, д. 1991, л. 118–119].

Повышенное внимание привлекали проблемы устойчивого снабжения армии и страны продовольствием. Тыловая Тамбовская губерния, как и в предыдущих войнах, снова стала опорной базой фронта, поставляя продовольствие, боеприпасы, лошадей. Согласно указу от 24 июля 1914 г., она была объявлена на положении чрезвычайной охраны. 30 июля – повсеместно введены прямые государственные хлебные закупки. Здесь государство руководствовалось стремлением по возможности ближе подойти к производителю, минуя многочисленных посредников.

31 июля 1914 г. в циркуляре министра внутренних дел губернаторам предлагалось «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости» [15, с. 159]. Так в практику начало внедряться таксирование.

23 августа 1914 г. тамбовский губернатор А. Салтыков подписал постановление, которым запрещалось при продаже как оптом, так и в розницу повышение в целях спекуляции и чрезмерной наживы цен на продовольствие и фураж и вообще на

главнейшие предметы потребления. Виновные в нарушениях, согласно постановлению, должны были подвергаться аресту и заключению под стражу на срок до 3-х месяцев или штрафу до 3 тыс. рублей [6, д. 9090, л. 153–154]. Однако Елатомская городская дума упредила губернатора, установив еще 12 августа таксу на основные продовольственные товары.

Таксировка цен входила первоначально в компетенцию губернатора, городских дум и управ, уездных исправников. К октябрю 1914 г. во всех уездах были установлены предельные цены на продовольственные товары. Но поскольку определение такс исходило из уровня действовавших цен, т.е. резко завышенных, таксировка фактически подтверждала их правомерность. Так, Лебедянская городская дума в сентябре 1914 г. утвердила следующие цены: на крупитчатый хлеб не дороже 8 коп. за фунт, на первачевый первый хлеб не дороже 7 коп. за фунт, что почти вдвое превышало уровень июньских цен [там же, д. 8773, л. 3 об.; д. 9090, л. 110].

Так как таксы издавались на уездном уровне и действовали в пределах одного административного района, то они брали во внимание лишь уездные рыночные цены без учета таковых в соседних административных районах. Из-за несогласованности такс продукты стали перегонять с одного рынка на другой, усилилась спекуляция, рыночные цены возрастали. Хотя таксы пересматривались ежемесячно в сторону повышения, они не поспевали за ростом свободных цен. Если таксирование приводило к некоторому сдерживанию розничных цен, то оптовые, наоборот, росли. Более того, таксировка вела к дезорганизации рынка [12, с. 42].

В целом за военные месяцы 1914 г. цены на продовольствие в Тамбовской губернии увеличились на 30 %. Наибольший их рост отмечался на рожь (с 62 до 92 коп. – 48 %), овес (с 50 коп. до 1 руб. 4 коп. – 180 %), пшено (с 1 руб. 13 коп. до 1 руб. 45 коп. – 55 %), т.е. на продукты потребления для армии нехватки продовольствия (кроме его дороговизны) не наблюдалось [6, д. 9449, л. 59].

По мере ухудшения экономической ситуации в стране все больше усиливалось вмешательство государства

в хозяйственную жизнь, а вместе с ним росла неуправляемость экономических процессов. В целях искоренения спекулятивных сделок и обеспечения хлебозаготовок 17 февраля 1915 г. вышло Положение «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота», наделившее местные власти новыми правами – запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупувавшиеся для армии, реквизировать продукты по пониженным на 15 % ценам [15, с. 66–67].

Запреты вывоза руководителями губернии и уездов издавались без всякого согласования с окружающими районами и сопровождались таксированием, запретами скупки и торговли отдельными товарами. В первую очередь это касалось хлеба. Административные районы, как известно, не совпадали с районами традиционного хозяйственного оборота. В итоге мукомолья начинали испытывать недостаток зерна (например, Борисоглебск). В уездных городах как центрах потребления стали отмечаться перебои в снабжении продовольствием.

Заметно ухудшилось положение с хлебозаготовками. Скупка торговцами хлеба у крестьян, разного рода спекулятивные сделки получили массовое распространение. Так, в Моршанске, была широко развита ссыпка хлеба частниками, скупавшими его прямо на дорогах, так что в город попадала только его незначительная часть. В связи с этим уполномоченный Главного управления землеустройства и земледелия по закупкам в Тамбовской губернии продуктов для армии просил губернатора запретить скупку хлеба на дорогах за пределами города [12, с. 43].

Предоставленное местным властям Положением 17 февраля 1915 г. право реквизиций использовалось довольно редко. В 1915 г. его задействовал уполномоченный ГУЗЗ в Борисоглебском и Спасском уездах в отношении торговцев и крестьян, имевших товарный запас хлеба, завывшавших установленную таксу и задерживавших хлеб в надежде на дальнейшее повышение цен [6, д. 9449, л. 58 об., 59]. Главным

образом, властями применялась угроза реквизиций как устрашающий фактор.

Уже зимой 1915 г. сельское хозяйство начало испытывать недостаток рабочей силы. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., из деревень и сел Тамбовской губернии в армию было призвано 384 736 чел., что составляло 47,6 % мужчин трудоспособного возраста. Фактически тамбовская деревня лишилась половины своих тружеников, вследствие чего 137 879 крестьянских хозяйств остались без работников [21, с. 9–12]. На помощь семьям, оставшимся без основных кормильцев, приходили земства. Так, в докладе от 1 марта 1915 г. Темниковской уездной земской управы экстренному земскому собранию об оказании помощи в обработке земли семьям призванных на военную службу говорилось о поддержке земства, которая выражалась в выделении семян для посева, орудий для обработки полей и уборки урожая, организации яслей для детей, чьи матери находились на полевых работах [9, д. 129, л. 54 об.]. На заседании Моршанского чрезвычайного уездного земского собрания 7 марта 1915 г. обсуждался вопрос о помощи семьям призванных в армию в обработке полей и уборке урожая, организации яслей для детей призванных, об увековечении памяти погибших установкой досок с их именами в церквях. Также был заслушан доклад о расходах земства с августа 1914 г. на выдачу пособий семьям призванных, на содержание раненых в земских больницах и других расходах, вызванных войной [там же, д. 129, л. 68, 92–94].

Недостаток рабочей силы в крестьянских хозяйствах частично компенсировался за счет внутренних резервов деревни – сокращения масштабов отходничества и занятий неземледельческими промыслами, а также усиления применения женского труда.

Цены на рабочие руки в сельском хозяйстве резко подскочили вверх. Так, по сравнению с 1914 г. при зимнем найме 1915 г. они выросли на 60 %, а при летнем – на 70 % [6, д. 9449, л. 186]. На основании этого тамбовский губернатор в отчете за 1915 г. утверждал, что «вообще нужда исчезла,

чувствовалось, что деревня богатеет, и вследствие этого цены на сельскохозяйственные продукты стали неудержимо расти» [там же, д. 9449, л. 202]. Он недооценивал казенные пайки семьям призванных в армию и результаты закрытия винных лавок. Эти меры способствовали поддержанию благосостояния семей. Однако в этом же отчете обращалось внимание на частое отсутствие промышленных товаров первой необходимости и их дороговизну. Поэтому повышение зарплаты являлось чисто номинальным и не соответствовало безудержному росту цен.

На общем фоне донесений за январь – февраль 1915 г. полицеймейстеров и уездных исправников о «спокойном настроении» населения в городах и уездах Тамбовской губернии обособленно стоят рапорты тамбовского и темниковского исправников. В первом говорилось, что среди жителей замечается «неудовольствие против чрезвычайно повышающихся цен на все товары, в особенности на жизненные продукты, а также высказывается неудовольствие нижних чинов, отпущенных из действующей армии в отпуск по случаю болезни или ранений, на то, почему им не дается паек на пропитание, как их семьям». Во втором рапорте отмечается, что «мобилизации ратников среди отдельных лиц стали вызывать некоторое неудовольствие» и что в отношении полицейских стражников «население стало высказываться за то, что стражники излишни и что их следует отправить в действующую армию» [там же, д. 9105, л. 1–16 об., 19–20]. Борисоглебский исправник в своем отчете за февраль 1915 г. сообщал, что люди выражают возмущение сильным подорожанием предметов первой необходимости. О том же рапортовал и тамбовский уездный исправник, добавляя, что «среди крестьянского населения высказываются надежды на то, что царь наделит крестьян землею, отобрав таковую у крупных помещиков, и поделит земли, принадлежащие немецким подданным» [там же, д. 9106, л. 1–19].

В рапорте тамбовского уездного исправника о настроениях населения за апрель 1915 г. говорилось, что «среди рабочих на фабриках замечается неудовольствие низкой за работу платой, которая не увеличивается, несмотря на сильное

вздорожание всех жизненных продуктов и изделий; особенно неудовольствие это наблюдалось среди рабочих суконной фабрики бр. Асеевых в селе Рассказове, на которой администрацией уменьшена сдельная плата вальщиков». В то же время козловский полицеймейстер доносил, что местные владельцы вынуждены были пойти на уступки после того, как «некоторые рабочие пекаря, не нарушая хода работы, предъявили требования к хозяевам о повышении заработной платы ввиду дороговизны жизни». Кроме того, что среди местных жителей наблюдается недовольство вздорожанием предметов первой необходимости, борисоглебский уездный исправник отмечал, что «в некоторых местах, при отводе к одному месту отрубных участков земли, со стороны крестьян-общинников, главным образом среди членов семей лиц, призванных на войну, высказывается недовольство на отвод земельных участков к одному месту и желание, чтобы выделы были произведены по возвращении призванных по мобилизации» [там же, д. 9109, л. 1–15].

В донесении от 18 июня 1915 г. тамбовского губернатора в Департамент полиции МВД говорилось о волнениях среди жителей ряда сел Борисоглебского уезда, протестующих против работ по выделу отрубных земельных участков, и о других проявлениях недовольства населения Тамбовской губернии, в частности, ростом цен на «жизненные припасы», низкой заработной платой (Тамбовский и Моршанский уезды), а также о несостоявшемся намерении осуществить немецкий погром (г. Козлов). Далее губернатор особо остановился на волнениях, происшедших в мае в Борисоглебском уезде среди крестьян сел Чигорака, Сергиевки, Никольского, Архангельского и Малых Алабух, «ввиду предполагаемого выдела некоторых крестьян на отрубные участки». Крестьяне-общинники, «главным образом, жены призванных в ряды армии, собравшись толпой, воспрепятствовали землемерам производить землеустроительные работы по выделу отрубов, требуя приостановления этих работ до возвращения призванных на войну. Хотя полицией соответствующие меры были приняты и порядок восстановлен, но слух об этих волнениях

быстро распространился по всему уезду и принят общинниками сочувственно» [там же, д. 9108, л. 16–16 об.].

Нельзя не учитывать и то, что финансирование войны вело к усилению прямого налогообложения крестьянства. Были ужесточены требования к взысканию всех видов налогов, активнее применялись всевозможные санкции. Так, в 1915 г. в 3 598 селах произведены описи движимого имущества неплательщиков, в 311 селах продано за недоимки движимого имущества на сумму 19 052 руб., в 643 случаях у недоимщиков было отобрано и сдано в аренду посевных площадей на 11 201 руб. В итоге за 1915 г. окладных сборов поступило в казну на 18 % больше, чем в предыдущем 1914 г. [там же, д. 9449, л. 59].

Острота положения в тамбовской деревне сглаживалась благодаря хорошим урожаям в сравнении с неблагоприятными в сельскохозяйственном отношении итогами 1913 г. В целом за годы войны посевные площади в губернии не сокращались, а урожайность зерновых на крестьянских полях в 1914–1915 гг. оставалась приблизительно на одном уровне. Снижение урожайности и падение сбора зерновых началось в 1917 г. В то же время росло число беспосевных крестьянских хозяйств: в 1917 г. 110 866 хозяйств – их пятая часть – не имели посевов. С 2,5 % общего числа хозяйств в 1912 г. до 8,1 % в 1917 г. возросла доля безземельных хозяйств [21, с. 14].

В военные годы произошли изменения в животноводстве. В начале войны в России возникли проблемы со скотом. Дело в том, что по скоту, шедшему на мясо, она была беднее, чем любое воевавшее европейское государство: в 1911 г. в России на 100 жителей было 30 голов крупного рогатого скота, в Германии – 31, в Австрии – 32, в Венгрии – 35, во Франции – 36,5; свиней в России – 9 голов, Германии – 34, Австрии – 23, Венгрии – 36, Франции – 17.

В России существовало вынужденное вегетарианство сельского населения, видевшего мясо на своем столе лишь 5–6 раз в году. У деревенских жителей расходовалось 0,3 пуда 13 фунтов мяса на едока в год [25, с. 33]. Несмотря на реквизиции крупного рогатого скота, его поголовье в годы

войны не уменьшилось, но изменились показатели его наличия у разных групп крестьян. Увеличилось с 24,8% до 26,1% число бескоровных хозяйств [21, с. 13]. Одновременно выросло количество однокоровных. В этом сказалось стремление зажиточных крестьян избавиться от лишнего скота, т.к. однокоровные освобождались от реквизиций, в то же время многие бескоровные хотели обзавестись в трудные годы коровой-кормилицей. О заметной натурализации крестьянского хозяйства свидетельствовало двукратное увеличение поголовья коз и свиней [14, с. 58–66].

В связи с продолжавшимся ухудшением хозяйственного положения в стране административный механизм перераспределения сельскохозяйственной продукции продолжал раскручиваться. Организационный каркас централизованного регулирования составили образованные в августе 1915 г. четыре Особых совещания, в том числе и по продовольственному делу. Они имели широкие полномочия и опирались на разветвленную сеть местных органов. Осенью 1915 г. был создан институт местных уполномоченных представителей Особого совещания по продовольственному делу.

Отсутствие стимулов к реализации хлеба потребителям по доступным ценам толкало правительство на путь расширения круга централизованно снабжаемых потребителей – в него, помимо армии, были включены предприятия, работавшие на оборону. Затем стали также снабжаться и особо нуждавшиеся слои населения. В итоге было принято решение о введении твердых цен на все хлебные сделки [12, с. 44–45].

В начале июля 1915 г. впервые была проведена примерная разверстка предполагавшегося к заготовке количества хлеба по губерниям на 1915–1916 гг. В Тамбовской губернии планировалось заготовить 12 млн. пудов овса и 6 млн. пудов ржаной муки [17, с. 357]. Однако серьезных усилий к выполнению этих планов предпринято не было. Законом 17 августа 1915 г. Особое совещание по продовольственному делу установило твердые цены на хлеб, обязательные исключительно для правительственных закупок. В октябре в дополнение к закону председателю Особого совещания были переданы

регулирующие функции в области продовольственных цен в пределах империи и предоставлено право устанавливать цены без согласования с совещанием [15, с. 160–161].

Твердые цены преследовали цели облегчения хлебозаготовок и сдерживания роста хлебных цен. За основу их уровня были приняты средние рыночные цены с небольшой надбавкой, которая назначалась с расчетом на весеннее повышение спроса, символизируя в то же время определенную компенсацию за принудительный порядок продажи хлебных продуктов. Твердые цены вводились постепенно: 5 октября 1915 г. – на овес, 6 декабря – на рожь, 3 января 1916 г. – на пшеницу, 6 февраля – на ячмень. Для Тамбовской губернии установленные цены выглядели следующим образом: овес – 1 руб. 10 коп. за пуд, рожь – 1 руб. 20 коп., пшеница – 1 руб. 70 коп. за пуд [17, с. 384, 376, 379, 387]. Карательной мерой в случае нарушения указа по-прежнему являлась реквизиция зерна с понижением закупочной цены на 15 %.

Твердые цены устанавливались, как правило, «в высшем размере» в сравнении с рыночными. В Тамбовской губернии при рыночной цене на рожь в 1 руб. 16 коп. за пуд утверждена была цена в 1 руб. 20 коп., на овес – 1 руб. 8 коп. и 1 руб. 10 коп. [там же, с. 384, 376]. Поэтому на первых порах твердые цены сразу же повлекли за собой повышение рыночных и некоторое оживление торговых операций.

В целом же введение твердых цен желаемых результатов не принесло, цены продолжали расти. Так, в Тамбовской губернии к началу 1916 г. на пшеницу они выросли на 71 %, на рожь – на 39 %, на овес – на 16 %.

Правительственные мероприятия 1915 года – запрет вывоза и установление твердых цен на хлеб – нанесли первый и весьма сильный удар по свободному рынку, несмотря на то, что роль государства в хозяйственной жизни страны оставалась весьма велика. Это был важный момент в становлении жесткой системы административного регулирования. За ним последовали новые шаги.

Между тем положение с хлебозаготовками ухудшалось. 9 сентября 1916 г. председатель Особого совещания

по продовольственному делу утвердил новые продовольственные цены. Для Тамбовской губернии на рожь и овес была установлена цена в 1 руб. 58 коп. за пуд. Местные органы предлагали несколько отличные цены: на рожь – 1 руб. 57 коп., овес – 1 руб. 66 коп. В то же время рыночные цены были заметно выше [там же, с. 357]: 2 руб. 17 коп. за пуд ржи и 1 руб. 63 коп. за пуд овса [там же, с. 389, 394].

С конца 1915 г. важной задачей местной администрации и земств стала борьба с дороговизной. Создававшиеся с этой целью продовольственные комитеты и потребительские общества закупали самостоятельно продовольствие для нужд городского населения, минуя посредников. В своей работе они опирались на частный торговый аппарат. Их деятельность, наряду с распределением, сводилась к корректировке продажных цен. А это и означало регламентацию хлебной торговли в условиях местного рынка [6, д. 9449, л. 59–60, 205 об]. Однако положение дел к лучшему не изменилось. Более того, летом 1916 г. снабжение городского населения губернии хлебом резко ухудшилось вследствие нежелания производителей продавать его по твердым ценам. В Козловском, Усманском и Кирсановском уездах пришлось весьма осторожно прибегать к реквизициям [5, д. 215; 11, д. 9449, л. 25, 27; д. 9406]. Ярким показателем кризиса проводившейся продовольственной политики стала резолюция проходившего в Тамбове в июне 1916 г. съезда кооператоров о необходимости введения в губернии карточной системы как одной из мер борьбы с дороговизной [15, с. 208].

В конце августа 1916 г. была предпринята погубернская разверстка хлебов для кампании 1916–1917 гг. В Тамбовской губернии предполагалось заготовить 20 000 пудов ржи. В конце осени 1916 г. отчетливо проявился неудовлетворительный ход хлебозаготовительной кампании. Продовольственное положение армии и населения заметно ухудшилось. 29 ноября управляющий Министерством земледелия А. Риттих подписал, а 2 декабря было опубликовано постановление «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной» [12, с. 47].

7 декабря 1916 г. последовало окончательное определение губернских поставок. Разверстка по Тамбовской губернии устанавливалась в следующих размерах: рожь – 24 592 тыс. пудов, овес – 5 225 тыс. пудов, просо – 4 650 тыс. пудов. Ее предполагалось провести в сжатые сроки. Однако сам размер разверстки оказался необоснованным. Со всей определенностью об этом заявил председатель Тамбовской губернской земской управы Ю. В. Давыдов: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах» [16, с. 261].

В положении о разверстке отсутствовали принципы ее исчисления в уездах и волостях. Поэтому на местах власти распределяли ее весьма произвольно, что вело к повышению норм потребления, отказам и протестам против разверстки. Так, в волостях Козловского уезда этот вопрос рассматривался на сельских сходах, разъяснения давали земские начальники. После обстоятельного обсуждения принимались приговоры в основном следующего содержания: «Причитающееся количество ржи с сельских обществ, разверстанное волостным сходом, сельские общества поставить не могут, а поставят то количество ржи, которое окажется лишним сверх необходимого количества для питания семей крестьян и прокорма скота» [6, д. 9669, л. 1].

По разверстке Козловской уездной земской управы Изосимовская волость должна была сдать 42 644 пуда ржи, сельские сходы приговорили поставить лишь 10 834 пуда. Жидиловская волость «как малоземельная и имевшая большое количество едоков» от поставок ржи с надельных земель была освобождена. В сообщениях же из Павловской, Сергиевской, Никифоровской и других волостей отмечалось, что разверстка хлебов прошла благополучно, хлеб поступает исправно [там же, д. 9669, л. 1 об., 4–7].

Полное отсутствие стимулов к выполнению разверстки обрекало ее на невыполнение. Вопреки расчетам правительства намеченные сроки нарушались. На 25 декабря 1916 г. Тамбовская губерния по объему поставок выполнила

продразверстку на 67,2% [там же, д. 9669, л. 1 об.]. Это было признаком срыва. Правительство приняло решение о продлении сроков взимания разверстки до 1 марта 1917 г. Но и в этот период выполнение хлебной повинности шло низкими темпами. В январе 1917 г. Тамбовская губерния должна была отправить 7980 вагонов, реально же ушло 1555, что составило 19,5%; в феврале – соответственно 6010 и 1425 (23%); в марте – 5353 и 3670 (68,5%) [17, с. 420]. В стране нарастал продовольственный кризис. Сложность положения деревни в военное время состояла не в производстве (хотя и там было немало проблем), а в дезорганизации рынка. В связи с переводом промышленности на военный лад и сокращением выпуска потребительских товаров цены на необходимые в крестьянском хозяйстве промышленные изделия постоянно росли. Эти товары часто были недоступны не только из-за дороговизны, но скорее в связи с невозможностью доставить их на места из-за плохой работы транспорта.

Во всей экономической политике правительства просматривалась защита промышленности. Рост цен на сельскохозяйственную продукцию и практика несогласованного их таксирования в начале войны (так, в Тамбовской губернии к концу 1914 г. цены на все продукты первой необходимости повысились на 30% по сравнению с 1913 г., а к концу 1915 г. – на 65% в сравнении с 1913 г. [6, д. 9449, л. 207]) привели к дезорганизации рынка, предопределили меры правительства по усилению государственного регулирования хозяйственной жизни.

17 февраля 1915 г. был издан закон, наделивший местные власти правом запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, устанавливая предельные цены на хлеб и фураж, закупавшиеся для нужд армии, реквизировать продукты по сниженным на 15% ценам. Постоянно вводились твердые цены на продукцию сельского хозяйства, но этого не делалось по отношению к товарам промышленного производства, что вызывало естественное недовольство в первую очередь сельского населения. Твердые цены вызывали возмущение у крестьян, так как ситуация

складывалась не в их пользу, поскольку возрастал и дальше разрыв между закупочными ценами на продовольствие и на промышленные товары в пользу последних. С этим мириться они не хотели и отказывались продавать свою продукцию по твердым ценам. Поэтому нередко можно было наблюдать картину, когда крестьяне разворачивали свои возы с зерном от ссыпных пунктов, узнав о новых твердых ценах. Зерно у них покупалось перекупщиками по более высокой цене, что, естественно, крестьян устраивало. Значительная часть хлеба шла бесконтрольно, и создавалась сложная продовольственная ситуация в стране.

Правительство, оказавшись не в состоянии решить этот острый вопрос, искало пути для смягчения продовольственного кризиса в стране. С этой целью появился ряд указов, ограничивавших потребление тех или иных продуктов. Так, в июле 1916 г. одним из них провозглашалось введение в стране (во вторник, среду, четверг и пятницу) мясопустных дней. Никто не имел права в эти дни продавать и покупать мясopодукты. Нарушители указа привлекались к ответственности. В августе 1916 г. были установлены твердые закупочные цены на скот в живом весе и мясо, в сентябре – на рожь, пшеницу, овес, ячмень. Более того, министр земледелия 30 сентября издал распоряжение о предельных ценах нового урожая 1917 г. В октябре было подписано постановление о новых предельных ценах на сахар.

Другим отрицательным следствием войны стало увеличение налогов, согласно закону от 24 декабря 1914 г., что привело к росту недоимок и усилению социальной напряженности в деревне. Росли также натуральные повинности, особенно в прифронтовых районах. Покупательная способность населения соответственно уменьшалась как из-за увеличения налогов, окладных платежей, так и дополнительных расходов, связанных с войной.

В качестве одной из мер борьбы с дороговизной осенью 1915 г. поднимался вопрос о применении карточной системы распределения продуктов. Но он на первых порах был отклонен. Летом следующего, 1916 г. Особое совещание по

продовольственному делу решило изучить, как на местах осуществлялись меры по регламентации распределения продуктов. Собранные сведения показали чрезвычайную пестроту форм этого распределения. Потребность в продуктах измерялась случайными показателями. Единственным, что объединяло эти способы регламентации, была стихийность их возникновения.

Лишь в октябре 1916 г., то есть с большим опозданием, Особым совещанием был рассмотрен проект карточной системы, который не сопровождался гарантией обязательного удовлетворения тем или иным продуктом. Кроме того, проект игнорировал интересы сельского населения.

Между тем уже летом 1916 г. карточная система существовала в 34 губерниях, а в одиннадцати велась подготовка к ее введению. Продвижением в жизнь карточной системы занимались не государственные, а различные общественные организации [15, с. 206].

Карточная система не была единой. К середине 1916 г. она действовала практически везде и перестала быть явлением городской жизни. Она появилась в селах Вятской, Пермской, Пензенской, Оренбургской, Тверской, Тамбовской и ряда других губерний, где значительную роль приобрели кооперативные организации, сосредоточившие в своих руках распределительные функции. Как правило, нормы потребления для города и села не совпадали и в городе были выше. Так, в Ельце и Елецком уезде карточки на пшеничную муку для горожанина предусматривали месячную норму в 10 фунтов, для сельского жителя – 3 фунта. снабжение сельского населения проводилось в несколько этапов: мука передавалась обычно союзу кооператоров, а от него – кредитному или потребительскому обществу, которое работало в непосредственном контакте с крестьянством [там же, с. 209].

Российская деревня стала главным резервуаром для армии. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., из 47 губерний Европейской России в армию ушло 10 932,6 тыс. человек. По 50 губерниям и областям мобилизованные составляли 47,7 % всего трудоспособного мужского

населения сельских местностей. Так, из Московской губернии призвали 44 %, из Киевской – 37 %, Тамбовской и Томской – 42 %, Вологодской – 36 %, Саратовской и Уфимской – 30 %, Амурской – 43 %. Из 15,8 млн. мобилизованных в русскую армию к осени 1917 г. свыше 12,8 млн. были призваны из деревни. В связи с затянувшейся войной все более ощутимым становился ущерб от потери работников самого трудоспособного возраста. В европейской части страны из 17,6 млн. лиц взрослого мужского населения, занимавшихся до войны сельскохозяйственным трудом, за период войны было призвано в армию более 11 млн., или почти 60 % [39, с. 119].

Вместе с мобилизацией людей происходила военно-конская мобилизация, реквизиция повозок и упряжи, что ослабляло позиции крестьянских хозяйств. Из-за нехватки рабочих рук страдали помещичьи хозяйства, в особенности те, которые использовали наемных рабочих. С 1914 по 1916 гг. посевная площадь в них сократилась на 21,2 %, в то время как в крестьянских хозяйствах – на 10,4 %.

Оставшиеся взрослые рабочие мужчины были не в состоянии, даже при напряженной помощи труда женщин, стариков и детей, обработать всю землю для удовлетворения потребности страны в продовольствии и кормах. Вследствие острой нехватки рабочей силы посевная площадь культур в 49 губерниях Европейской России, составлявшая в начале войны 80 млн. дес., уменьшилась в 1916 г. до 73,5 млн. дес., т.е. на 8 % [32, с. 128]. Естественно, что недостаток рабочих рук мог быть смягчен усиленным использованием сельскохозяйственных машин, однако снабжение ими деревни в годы войны резко сократилось.

Крестьяне настойчиво ставили вопросы об отпуске из армии на период сельскохозяйственных работ военнослужащих, в первую очередь специалистов: кузнецов, слесарей и др., то есть тех, от кого зависела подготовка техники и инвентаря к работам. Министерство земледелия в 1916 г. добилось временного отпуска с тыловых работ Юго-Западного фронта нескольких сот тысяч крестьян на время уборки урожая, что, несомненно, смягчило нехватку рабочих рук. В Тамбовскую

губернию в июле 1916 г. было командировано 100 тыс. нижних чинов для работы в крестьянских хозяйствах. В Араповскую волость Тамбовского уезда уездное земство направило 70 солдат для сельскохозяйственных работ. Командами по 10–15 человек их размещали по селам. Каждый солдат скашивал в день по 0,5 десятины ржи. Их хорошо кормили и платили в день по 75 коп. Управляющий Министерством земледелия А. А. Риттих в декабре 1916 г. представил в правительство записку об отсрочке от призыва ратников ополчения и специалистов, занятых в сельском хозяйстве, в связи с острым недостатком рабочих рук [33; 34].

Например, в Симбирском уезде в 1915 г. из-за нехватки рабочей силы не вся земля была засеяна. Сам процесс сева и обработки почвы стал удлиняться, нанося вред урожаю. Из-за дождливой погоды летом и осенью к обмолоту хлебов приступили только в середине октября. Процесс молотбы затягивался до зимнего времени. По этой же причине затягивалась работа с доведением зерна до рынка и сдачи его для нужд армии. В связи со сложившейся обстановкой довольно широкое распространение получила помощь мира: так, в Рязанской губернии в 1914 г. с помощью мира и соседней озимые поля солдатских семей были обсеменены в 34 % случаев, но в 1915 г. – только в 8 %. Главная причина – нехватка рабочих рук: «нет никаких помочей, потому что некому – все на войне», «миром помощь не оказывалась – сами с трудом убирали», «помогало общество, но очень мало – сами с трудом убирали» [36, с. 398].

В то же время, по данным известного экономиста Н. П. Огановского, в Европейской России на начало 1916 г. – не менее 8–9 млн. малоземельных хозяйств, в которых до 11–12 млн. рабочих «околачивается без толку». Увеличение производительности труда каждого из таких работников только на 2 дес. посева дало бы в результате расширение посевной площади России на 22–24 млн. дес., т.е. повышение сбора на почти 1 млрд. пудов [38, с. 67].

Между тем в стране значительно возросла потребность в обеспечении хлебом армии и населения, при резком

увеличении его потребления вооруженными силами. Если в 1914 г. в армию было поставлено 390 тыс. тонн муки, 56 тыс. тонн крупы и 877 тыс. тонн овса и ячменя, то в 1916 г. отправлено 3530 тыс. тонн муки, 583 тыс. тонн крупы и 4910 тыс. тонн овса и ячменя [36, с. 399].

Можно утверждать, что война вызвала кризисные явления, связанные с острой нехваткой рабочих рук, особенно в южных и восточных районах Европейской России; скотоводство понесло наибольший ущерб в Нечерноземье и западных районах.

Значительные изменения повлекла война и в крестьянском землевладении и землепользовании. Сократился процесс мобилизации земли через Крестьянский поземельный банк. Так, во втором полугодии 1913 г. банком было продано крестьянам 449,4 тыс. десятин (100%), в первом полугодии 1914 г. – 392,5 тыс. дес. (87%), во втором полугодии 1914 г. – 281,5 тыс. (63%), в первом полугодии 1915 г. – 197,0 тыс. (44%), во втором полугодии 1915 г. – лишь 142,6 тыс. (32%). Банк сократил не только продажу земли, но практически свел на нет и ее собственную покупку: в 1913 г. банком было приобретено 202 тыс. десятин, в 1914 г. – 83 тыс. дес., в 1915 г. – 17,7 тыс. [25, с. 37–38]. Кроме того, Крестьянский банк совершенно не обращал внимания на тот факт, что по посредническим сделкам, где крестьяне имели большую свободу выбора форм землевладения и землепользования, процент купленных в единоличную собственность земель за годы войны постоянно падал.

В 1914 г. свои земельные наделы продали 222,7 тыс. крестьян, за первое полугодие 1915 г. – еще 79,1 тыс. [там же, с. 39–40]. Все эти почти 300 тыс. крестьянских хозяйств принадлежали к малоземельным и маломощным. А это означало, что обезземеливание нижних слоев деревни продолжалось. Названные процессы свидетельствовали о росте обезземеливания и без того малоземельных крестьян, падении покупки помещичьих земель и сокращении аренды, уменьшении общей площади крестьянского землевладения. Однако нужда в земле оставалась.

Как известно, в годы войны отмечалась тяга населения к кооперированию. Факт стремления крестьянства к кооперативному объединению не подлежит сомнению. В этом сказалась традиционная привычка совместного выживания в лихую годину. Кредитная кооперация занимала одно из ведущих мест на селе. На 1 января 1914 г. она объединяла 36,6 % крестьянских хозяйств. Причем районы с более высоким уровнем развития капитализма в сельском хозяйстве и общей культуры земледелия отличались и более высоким процентом охвата крестьянских хозяйств кредитными кооперативами: в южных губерниях – 57 %, в юго-западных – 51 % [37, с. 180].

Значительный рост числа сельских кредитных кооперативов вовсе не означал, что деревня в годы войны богатели и вкладывала деньги в кредитные общества. Современники неоднократно говорили: раз в деревне завелись свободные деньги – значит, она действительно богата. По этому поводу вятский крестьянин член Государственной думы С. А. Калинин в 1916 г. заявлял: «Деревня разорена, она не имеет главной своей опоры – рабочих рук, рабочего инвентаря (снаряжения), скота. Многие восхищаются тем, что деревня наполняет государственные сберегательные кассы... Да, крестьяне несут свои деньги в сберегательные кассы, но деньги эти выручены при ликвидации (сокращении) хозяйств» [3, с. 58–59].

Еще более четко выразился по этому поводу крестьянин Раненбургского уезда Рязанской губернии: «Богатство деревни в нынешнее время таково: вкладов (в кредитные товарищества) переполнено, ссуд не берут, да и некуда брать, на ссуду в нынешнее время ничего не купить и не сделать. Продана лошадь солдаткой за 100–200 р., это будет вклад, а купить – за эту же лошадь требуется заплатить 400 или 500 р., а после войны, думаем, дороже. Коротко и ясно, насколько разбогатели» [3, с. 58–59]. В отчете тамбовского губернатора отмечалось, что «кассы мелких кредитных учреждений переполнились деньгами вследствие отсутствия спроса на них, отсутствия оборотов, и стали сокращать прием вкладов, ибо платежи процентов на вклады являлись убыточными» [6, д. 9449, л. 215]. Верно заметил один тамбовский земский

деятель: «В настоящее время наша деревня бедна знаниями, некультурна и бедна капиталами, поэтому надо открывать прежде всего сельскохозяйственные общества и кредитные кооперативы с долгосрочными ссудами» [29, с. 8].

Кредитные кооперативы стали вести попутно со своей основной деятельностью снабженческо-сбытовые операции. В связи с тем, что в годы войны уменьшились возможности для приобретения машин, удобрений, племенного скота и других средств интенсификации сельского хозяйства, ссудные операции подверглись значительному сокращению. Место ссудной операции в кредитных кооперативах заняла посредническая. К примеру, многие кредитные кооперативы практиковали выдачу хлебных ссуд как для обсеменения, так и для продовольствия. Однако во многих из них руководство занималось ростовщической деятельностью. Это происходило следующим образом: у местного купца закупался хлеб, нередко сомнительного качества, уплата денег производилась не при приеме хлеба, а, как правило, осенью, т.е. через несколько месяцев после него, по этой причине хлеб приобретался не по обычной цене, а с надбавкой по 6–10 копеек на пуд. В связи с тем, что уплата производилась не сразу, а через несколько месяцев, хлеб должен был выдаваться членам товарищества по той же цене, по которой был куплен, лишь с надбавкой по 1–2 коп. за ведение дела. Но на практике во многих кредитных кооперативах брали со своих членов за хлебную ссуду по 12%, т.е. так же, как при обычной денежной ссуде. В итоге получалось, что хлебная ссуда обходилась члену товарищества в 25–30% [28, с. 222–223].

Были, конечно, и кооперативы, в которых дело выдачи хлебных ссуд организовывалось правильно и ссуды выдавались с целью оказания помощи и некоторой выгоды своим членам. Можно привести также немало примеров, когда кооперативы оказывали необходимую помощь не только своим членам, но и окрестному населению. Например, Ливенским союзом кредитных кооперативов Орловской губернии был открыт завод земледельческих машин. Это связывалось со значительными потребностями местного населения

в предприятии, где можно производить ремонт сельскохозяйственных машин и орудий. В 1916 г., в течение полугода после открытия завода, были выполнены требования 317 заказчиков, из которых 90 % приходилось на долю крестьян [4, с. 66].

Выход из тяжелого положения, созданного дороговизной предметов первой необходимости и нехваткой их в частнотоварном обороте, крестьянство искало в потребительской кооперации. В 1914–1917 гг. при продолжавшемся быстром абсолютном росте относительные показатели сельской потребкооперации снизились, однако в целом она прочно удерживала ведущее место в системе [37, с. 220].

Новым, характерным для военного времени явлением стало активное участие женщин в кооперативах. Так, в селе Комаровка Кобелякского уезда Полтавской губернии в 1916 г. состоялось учредительное собрание практически женского потребительского общества. Из 64 записавшихся в него членов было лишь четверо мужчин, в правление общества оказался избранным один мужчина, остальные шесть – женщины [3, с. 66].

Однако встречались и такие типы, которые по своему невежеству не доверяли кооперации, считали общественную лавку «замыслом антихриста». Известно, что многие крестьяне отказывались брать сахарные карточки, веря, что это антихрист производит перепись народа. Скажем, в Тамбовской губернии осенью 1916 г. в селах распространялись слухи, что «перепись на получение сахара – это восстановление крепостного права. Антихрист наложил на карточки свои печати» [30, с. 80].

С продовольственного вопроса пришлось начинать свою деятельность по регулированию хозяйственного положения Временному правительству. Новая власть пошла по тому же пути, но еще более решительно, издав 25 марта 1917 г. постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и его местных продовольственных органов». Итак, разразился продовольственный кризис, свидетельствовавший о несостоятельной продовольственной политике властей. Сложилась парадоксальная ситуация, когда в стране в целом и в Тамбовской губернии в частности недостатка в сельскохозяйственных

продуктах не было, а их дефицит остро ощущался, особенно в городах, и продовольствие стало в первую очередь предметом широкой спекуляции. В этих условиях власти предпринимали, казалось бы, необходимые меры. Однако они лишь усугубляли положение. И таксирование, и запреты вывоза, и твердые цены, и продразверстка оказались малоэффективными из-за своей частичности и ограниченности.

Для того чтобы остановить инфляцию, власти стали накладывать административные ограничения на рост аграрных цен, тогда как цены на другие товары росли довольно быстро. Это сопровождалось незаинтересованностью крестьянства в выпуске и реализации своей продукции. Свободный рынок ушел в подполье. Власть же отвечала новым административным нажимом, все сильнее концентрируя в своих руках снабженческо-распределительные функции – самый простой и грубый способ давления на крестьян. В результате усиливалась неуправляемость экономическими процессами и создавалась благодатная почва для социального взрыва.

Война оказала негативное влияние на многие стороны жизни российской деревни и сельского хозяйства, прежде всего на состояние его производственной базы, что имело следствием снижение уровня сельскохозяйственного производства, обеднение многих хозяйств, углубление социального расслоения и рост социальной напряженности в деревне. Война приостановила аграрную реформу, затормозив тем самым модернизацию поземельных отношений, была заморожена деятельность по техническому и технологическому обновлению производственной базы сельского хозяйства. Кроме того, война расшатала устои власти, показала неспособность руководства страны решать многие проблемы аграрной политики.

Список источников и литературы

1. Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. Тамбов, 1914. III справочный отдел. 1153 с.
2. Бруцкус Б. Д. Советская Россия и социализм. СПб., 1995. 229 с.
3. Волостное дело. 1917. № 2.
4. Волостное земство. 1917. № 2.
5. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 13.
6. ГАТО. Ф. 4. Оп. 1.
7. ГАТО. Ф. 26. Оп. 4.
8. ГАТО. Ф. 98. Оп. 2.
9. ГАТО. Ф. 143. Оп. 1.
10. ГАТО. Ф. 242. Оп. 1
11. ГАТО. Ф. 509. Оп. 1.
12. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998. 108 с.
13. Есиков С. А., Есикова М. М. Введение // К 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. Обзор фондов и документов Государственного архива Тамбовской области. Тамбов, 2014. С. 4–11.
14. Иванов А. А. Тамбовская губерния в годы Первой мировой войны // Вопросы аграрной истории Центрального Черноземья XVIII–XX вв. Межвуз. сб. науч. тр. Липецк, 1991. С. 58–66.
15. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. 384 с.
16. Китанина Т. М. Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика. Ч. 1. СПб., 2003. 148 с.
17. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов в России и его регулирование в годы войны и революций. М., 1991. 488 с.
18. Островский А. В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы Междунар. науч. colloквиума). СПб., 1999. С. 482–496.
19. Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000. 360 с.
20. Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. 368 с.

21. Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии 1917 г. (Население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь). Тамбов, 1921. 15 с.
22. Привалова Т. В. Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 128–146.
23. Рогалина Н. Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 10–22.
24. Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. 415 с.
25. Русские записки. 1916. № 5.
26. Сахаров А. Н. Сельскохозяйственные районы Тамбовской губернии. Тамбов, 1928. 151 с.
27. Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1923.
28. Сельскохозяйственная жизнь. Двухнедельный сельскохозяйственный, кооперативный и экономический журнал. Издание Тамбовского сельскохозяйственного общества. 1915. № 7–8.
29. Сельскохозяйственная жизнь. Двухнедельный сельскохозяйственный, кооперативный и экономический журнал. Издание Тамбовского сельскохозяйственного общества. 1916. № 1–10.
30. Современный мир. 1916. № 11.
31. Страницы истории Тамбовского края. Воронеж, 1986. 223 с.
32. Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. М. – Ставрополь, 2001. 288 с.
33. Тамбовский край. 1916. 16 июля.
34. Тамбовский край. 1916. 21 августа.
35. Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. 527 с.
36. Тутолмин С. Н. Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917 гг. // Человек и война. Источники, исследования, рецензии. СПб. – Кишинев – Париж: Нестор, 2003. № 6. С. 390–401.
37. Файн Л. Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк 1861–1930 гг. Иваново, 2002. 598 с.
38. Хитрина Н. Е. Конец столыпинской аграрной реформы // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М., 1999. С. 62–94.

39. Щагин Э. М. Воздействие Первой мировой войны на народное хозяйство России // Россия в мировых войнах XX века: Материалы науч. конф. М. – Курск, 2002.

40. Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянского и революционного движения в России. Сб. ст. М., 1961. С. 113–154.

ГЛАВА II. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Крестьянство в годы Первой мировой войны рассматривается на материалах Поволжья – внутренней окраины Российской империи, куда мы включаем Казанскую, Симбирскую, Пензенскую, Самарскую и Саратовскую губернии. Использование многофакторного подхода позволяет воспринимать этот регион как пространство, органично связанное главной водной артерией России Волгой и ее притоками, сетью железных дорог, активно формирующейся финансово-кредитной системой (банки и кредитная кооперация), а также функционированием земельного и хлебного рынков. В начале XX века этот регион представлял собой внутренне спаянную территорию. По данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., площадь Поволжья составляла 344 533,2 кв. версты. По этому показателю в числе лидеров числилась Самарская губерния, в которой насчитывалось 136 713,5 кв. версты. В регионе были представлены лесные, лесостепные и степные районы. В структуре населения преобладали крестьяне, их насчитывалось 9 424,3 тыс. человек. К 1914 г. численность крестьян возросла до 12 537,6 тыс. человек, а к 1917 г. в регионе проживало 13 188,1 тыс. крестьян [13, с. 60], что составляло свыше 82 % от общей численности всего населения Поволжья.

Рост населения связан с тем, что в годы Первой мировой войны миграционные процессы усилились. Миграция в этот период носила крайне противоречивый характер. С одной стороны, в действующую армию было призвано около 50 % трудоспособных мужчин как из города, так и из деревни. Неудачи русской армии привели к тому, что летом 1915 г. в Поволжье хлынула волна беженцев. Демографическая ситуация ухудшилась в период Великой русской революции, когда миграционные процессы стали носить турбулентный характер.

В Самарской губернии сельское население возросло с 3 558,6 тыс. человек (на 1 января 1914 г.) до 3 783,6 тыс. (на 1 января 1916 г.). В Саратовской этот показатель

составил 2751,3 (на 1 января 1914 г.) и 2877,2 тыс. человек (на 1 января 1916 г.). В Симбирской губернии сельское население увеличилось лишь на 36,5 тыс., в Казанской его рост достиг 82,2 тыс. человек с 60,0 тыс. (на 1 января 1916 г.).

В начале XX века из Симбирской губернии ежегодно уходило на заработки от 40 до 70 тыс. чел. [39, д.755, л. 138], из Саратовской – 142 тыс., Казанской – более 60 тыс., Пензенской – 58 тыс. человек [47, с. 205–206]. Если в мирный период рост населения в Поволжье происходил за счет естественного прироста, то в годы войны увеличение населения шло за счет беженцев. В военный период во всех губерниях Поволжья женщины численно преобладали. В Пензенской и Симбирской губерниях на 100 мужчин приходилось 120 женщин, в Казанской – 124, в Самарской – 122, Саратовской – 120 [подсчитано нами: 44, с. 21–22].

Изучаемая тема имеет обширную историографию. Но, как и в научной разработке каждой проблемы, здесь следует отметить то обстоятельство, что на темпы ее изучения воздействие оказывала социально-политическая ситуация в стране. А потому и историографическая ситуация менялась. И для нее характерны подъемы и спады. Интерес к аграрной истории в 60-е – первой половине 80-х гг. существенно возрос, что в значительной степени было обусловлено дискуссиями 60-х гг. XX века о характере аграрного строя России и о многоукладности экономики Российской империи начала XX столетия. Спад в разработке этой проблематики произошел во второй половине 80-х гг. XX в. в связи с перестройкой и становлением новой российской государственности. Но со второй половины 1990-х гг. мы можем констатировать увеличение доли исследований по аграрным вопросам. Изучение крестьянства периода Первой мировой ведется в рамках обобщающих региональных исследований. Среди них следует отметить монографии Д. В. Ковалева [18], С. А. Есикова [9], А. В. Перепелицына [31]. Новые материалы по этой проблеме содержатся в очерках истории республик и отдельных областей Поволжья [12; 30; 42]. Из обобщающих исследований особо стоит сказать о монографиях Н. Ф. Тагировой

и М. И. Роднова, в которых анализируется пространство и функционирование механизма хлебного рынка Поволжья и Южного Урала в начале XX в. [35; 36; 46].

Значительно активизировалось изучение хода и итогов Столыпинской аграрной реформы в Поволжье. В историографических статьях последних лет дан анализ диссертационных исследований, защищенных в XXI в. По данным И. В. Токарева, в 2001–2013 гг. было защищено более 20 кандидатских диссертаций по этой проблеме [48, с. 224]. Среди них – диссертации Р. Ф. Батыршина, Н. А. Дунаевой, Ф. Г. Зайнуллиной, Н. Н. Зорковой, С. Б. Котлерова, О. А. Прилуцкой, Е. К. Разиной, А. А. Трегуба, Р. В. Баумана, А. И. Саляниченко. Были защищены также кандидатские диссертации, в которых анализировалось общественное сознание, социальное поведение и протестное движение крестьян в годы Первой мировой войны.

Тогда же появился ряд исследований о деятельности региональных отделений Крестьянского поземельного банка. В настоящее время опубликован сборник документов и материалов, в котором содержится комплекс законодательных актов, регламентирующих проведение Столыпинской аграрной реформы, делопроизводственная документация о ее ходе в Самарской губернии, а также документы, характеризующие формы и направленность протестного движения крестьян против столыпинского землеустройства [10; 16; 20; 24].

В целом в современной литературе воссоздана панорама социально-экономического и социокультурного развития губерний Поволжья в 1914–1918 гг. Среди новейших исследований необходимо выделить коллективные монографии историков Поволжья, где дан анализ взаимодействия имперской власти с этносами и прослеживается ее роль в развитии экономики и культуры в регионе. Речь идет о монографии, изданной в 2012 г. в Саратове [29], а также исследованиях самарских историков, в которых раскрываются особенности вхождения региона в состав России и реализации государственной политики, направленной на преобразование пограничного пространства во внутреннюю окраину Российской империи [25; 26]. Значительное внимание в этих монографиях уделено

анализу деятельности коронной администрации и органов местного самоуправления, их практической работы.

В годы Первой мировой войны продолжали развиваться сложившиеся еще к концу XIX в. экономические типы хозяйств. В Поволжье преобладало общинное землевладение, а крестьянское надельное было преимущественно мелким. В регионе сохранялись сословные разряды крестьян – бывшие помещичьи, государственные и удельные. Каждая сословная категория имела свой размер надела. Более обеспеченными землей оставались государственные крестьяне. Для бывшей помещичьей деревни было характерно острое малоземелье.

Очень медленно шел процесс эволюции в помещичьих хозяйствах. В начале XX века удельный вес земли дворян, поступившей на региональный земельный рынок, резко возрос в связи с обострением социальных конфликтов в ходе Первой русской революции. Так площадь помещичьего землевладения в Самарской губернии уменьшилась с 926 041 десятин в 1905 г. до 540 786 в 1914 г. [56, д. 1474, л. 13 об.]. В этот же период убыль земель помещиков Саратовской губернии составила 583,3 тыс. десятин, но дворяне продолжали владеть 727,9 тыс. дес. земли. В Казанской губернии убыль помещичьего землевладения составила 118,2 тыс. дес. земли, но дворяне сохранили за собой 329,2 тыс. дес. [43, с. 607–608]. Несмотря на сокращение у помещиков региона земельных владений, в целом площадь дворянского землевладения в 1914 г. составляла 2 661,9 тыс. дес. земли. Если учесть, что в период Первой мировой войны процес мобилизации земли по существу сократился, то удельный вес дворянского землевладения составлял в 1917 г. в Казанской губернии 40,6 % от общего количества частновладельческих земель, в Симбирской – 47,5 %, Пензенской – 49,0 %, Саратовской – 43,1 %, Самарской – 14,5 % [14, с. 131].

В качестве покупателей дворянских владений выступали губернские отделения Крестьянского поземельного банка, которые затем продавали эти земли переселенцам из других районов Российской империи, планировавшим создать хуторские хозяйства. С 1907 по 1915 гг. крестьяне купили 1 401 260 десятин земли. По нашим подсчетам, частное крестьянское

землевладение в губерниях Поволжья увеличилось на 1 348 592 дес. земли, из них на долю единоличных хозяйств (из числа землеустроенных крестьян) приходилось 1 292 594 дес., на долю обществ и товариществ – 655 948 дес. земли.

Новые явления в жизни крестьян Поволжья ярко проявились в период проведения Столыпинской аграрной реформы, которая наибольший успех имела в степных уездах Самарской и Саратовской губерний. Но и в лесостепной полосе сельская поземельная община была в значительной степени деформирована в связи с укреплением земельных наделов в личную собственность. В лесных уездах в ходе реформы проводились землеустроительные работы по размежеванию сложных одноплановых общин, куда нередко входило несколько населенных пунктов. Речь идет о чувашской и марийской деревне. Одновременно с разверстанием таких земельных владений шел процесс выхода крестьян из общины. В связи с реализацией столыпинского земельного законодательства в 1907–1914 гг. на земельный рынок Поволжья поступило 751 431 дес. наделной земли, из них на долю Самарской губернии приходилось 511 961 дес., Саратовской – 107 074 дес. [15; 45].

В Казанской губернии с 1906 по 1915 гг. из общины вышло 33 038 крестьянских дворов, что составляло 8,8 % от общего количества хозяйств. Они получили в собственность 160 657 дес., или 5,1 % от всей площади наделной земли. Несколько выше были результаты процесса укрепления земли в Симбирской губернии. Из общины вышли 57 795 хозяйств, или 23,8 %, в их собственности оказалось 294 693 дес. земли – 18 %. В Самарской губернии число укрепленцев насчитывало 167 199 дворов, или 44 %. Они стали собственниками 207 585 дес., что составляло 30,9 %. В Саратовской губернии из общины вышло 92 299 дворов – 27,9 % [13, с. 158].

Следует также констатировать, что в ходе реформы на наделных, банковских и казенных землях создавались хуторские хозяйства. Более высокими темпы образования таких хозяйств на наделных землях были в Самарской и Саратовской губерниях. Так, на 1 января 1916 г. в Самарской губернии насчитывалось 91 044 хуторских и отрубных

хозяйства на площади 2011 515 дес. земли, а в Саратовской – 64 337 хозяйств, в распоряжении которых находилось 733 765 дес. земли.

Столыпинская аграрная реформа придала мощный импульс развитию капиталистического земледелия и внедрению новых агроприемов, использованию усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и формированию аграрной инфраструктуры – строительству элеваторов, росту кооперативных учреждений. Но реализация земельной реформы быстро натолкнулась на сопротивление сельской поземельной общины, которая использовала широкий арсенал средств (от отказа утверждать на сельских сходах приговоры о выходе крестьян из общины до вооруженного сопротивления при проведении землеустроительных работ). А в 1915 г. аграрная реформа была прервана в связи с потоком требований солдат русской армии приостановить выход из общины до окончания войны.

В военное время землеустроительные органы при проведении работ встретились с растущим сопротивлением народа. Вследствие призыва в армию трудоспособных крестьян в составе участников протестных выступлений произошли качественные изменения. Теперь здесь стали преобладать женщины. Поэтому в выступлениях присутствовала большая взрывчатость и эмоциональная окраска. Крестьяне требовали прекратить землеустройство, мотивируя это тем, что в армии находятся главы семейств и поэтому некому будет отстаивать их интересы по земельному вопросу. Сопротивление выливалось в силовое прерывание деятельности землемеров и столкновения с властями [22, д. 3015, л. 22; 57, д. 2047, л. 52; 40, с. 129–130].

В то же время крестьяне надеялись получить после войны частновладельческую землю бесплатно. В сообщениях жандармских унтер-офицеров, отчетах начальников жандармских управлений и губернаторов имеются многочисленные указания на то, что в годы войны на крестьянство влияли письма мобилизованных в армию солдат. В ноябре 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского управления

сообщал в Департамент полиции: «...во многих местах Казанской губернии крестьяне прекратили переделы земли на новые души, а также отказывают до окончания войны выходам отдельных домохозяев на отруб» [22, д.2962, л. 50].

Солдаты, мобилизованные из Саратовской губернии, в письмах к родным требовали отказываться от утверждения приговоров, составленных сходами до войны [1, с. 333]. В Инсарском уезде Пензенской губернии с начала войны до Февральской революции вышло из общины лишь 557 хозяйств [8, с. 11]. Крестьянские сходы повсеместно отказывались утверждать приговоры об укреплении земли. Начался процесс возвращения укрепленной земли в общину.

Первая мировая война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству и ускорила процесс социального расслоения крестьянских хозяйств. Выделим факторы, оказывавшие деструктивное воздействие на процесс дифференциации поволжской деревни. К числу таковых следует отнести сохранение главного пережитка крепостничества – помещичьего землевладения и возрастающего малоземелья крестьянских хозяйств, который был обусловлен разделом крестьянских семей. Сказывался также экстенсивный характер ведения земледельческого производства. В ходе реализации Столыпинской земельной реформы частное крестьянское землевладение увеличилось, тем не менее, большая часть крестьян продолжала настаивать на сохранении сельской поземельной общины, что выступало в качестве инерционного фактора, тормозящего внедрение в земледельческую практику новых агроприемов, способствующих интенсификации земледелия.

В 1914 г. оценочное бюро Самарского губернского земства провело перепись крестьянских хозяйств в 11 селениях Новоузенского уезда. Она охватила 1036 дворов [57, д.52–58]. На основе 25-процентной выборки, в которую вошли 252 подворные карты, нами проведен анализ хозяйственной состоятельности с выделением пяти социальных групп крестьянства. По нашим подсчетам удельный вес пролетарских хозяйств составил 13,1%, полупролетарских – 15,7%,

мелкотоварных – 21,5 %, середняцких – 24,9 %, в группу посе­вщиков-фермеров, ведущих товарное земледелие, вошли 23,8 % дворов.

Соотношение социальных слоев крестьянства в райо­не торгового зернового земледелия свидетельствует о более высоком уровне развития капитализма в сельском хозяйстве. Среди пролетарских и полупролетарских дворов было боль­шое число крестьян, которые не обрабатывали свои земель­ные наделы. Они, сдавая их в аренду, нанимались на срочные работы к местным крупным посе­вщикам. В число пролетар­ских хозяйств входили крестьянские дворы переселенцев, чьи владельцы существовали за счет найма на сельскохозяйствен­ные работы.

Процент зажиточных хозяйств в Новоузенском уезде был выше, чем в Самарском и Ставропольском, а также в уездах Пензенской и Симбирской губерний. Как правило, помимо на­дельной земли, эти хозяйства снимали землю в аренду, используя труд или срочных, или поденных сельскохозяй­ственных рабочих. Социальное расслоение крестьян в Новоу­зенском уезде протекало более быстрыми темпами, удельный вес бедноты, как уже говорилось выше, составлял 51,3 %, се­редняков – 24,9 %, группы крупных посе­вщиков-фермеров – 23,8 % [14, с. 276].

Несмотря на разницу удельного веса высшей группы кре­стьянства как в степных уездах, так и в лесостепных и лесных зажиточное крестьянство занимало господствующее поло­жение в деревне. Оно концентрировало в своих руках наиболее плодородные земли и расширяло посе­вы торговых зерновых культур. В немалой степени укреплению позиций зажиточно­го крестьянства способствовали развитие кооперации и по­мощь со стороны правительственных учреждений и земств.

Ускорился процесс пролетаризации крестьянства в связи с мобилизацией запасных, реквизициями скота, сокращени­ем посевных площадей. В крестьянских общинах шел процесс обогащения кулаков, скупщиков, ростовщиков. О начавшей­ся деградации крестьянского хозяйства вообще свидетель­ствует рост числа безземельных и беспосевных крестьянских

дворов. В 1917 г. в Самарской губернии насчитывалось 93 480 безземельных (17,8 %) и 97 482 (18,5 %) беспосевных хозяйства. Посевные площади в Саратовской губернии за первые два года войны сократились с 2 663 тыс. дес. до 2 320 тыс. дес., то есть почти на 16 %. Основная масса крестьян все более разорялась. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г., в Саратовской губернии из общего количества 405 495 крестьянских хозяйств насчитывалось 17 920 безземельных, 61 422 беспосевных, 216 448 хозяйств не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря и 54 795 – никакого скота. В Казанской губернии безземельные дворы составляли 5,7 %, беспосевные – 7,6 %; в Симбирской удельный вес безземельных дворов достиг – 9,0 %, беспосевных – 12,2 %; в Пензенской безземельных насчитывалось – 4,4 %, беспосевных – 7,8 %; в Саратовской безземельных – 11,4 %, беспосевных – 21,2 %. Как видим, соотношение безземельных и беспосевных хозяйств показывает, что почти во всех уездах (за исключением территории современной республики Чувашии, где Первая мировая война не оказала столь губительного воздействия) процент беспосевных хозяйств был выше процента безземельных дворов.

За годы войны произошли количественные и качественные изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом. Невосполнимые потери деревня несла в связи с постоянными реквизициями скота для нужд русской армии. Отметим, что в ходе реквизиций у крестьян отбирали лишь молодых и здоровых лошадей, что усугубляло ситуацию в крестьянских хозяйствах. Беднота на полученную компенсацию не могла купить стоившую вдвое больше лошадь. 78 103 крестьянских хозяйства Самарской губернии не имели скота вообще, а 107 483 двора остались совсем без рабочего скота. Вместе с тем, если беднейшие крестьяне и середняки нередко отдавали последнюю лошадь, то в зажиточных хозяйствах наблюдался рост численности рабочего скота. Например, в Пензенской губернии число однолошадных крестьянских хозяйств сократилось до 41,3 %, двухлошадных – возросло до 17,5 %, а в многолошадных хозяйствах их число увеличилось

до 4,1 % [1, с. 202–203]. Из года в год возрастал удельный вес хозяйств без рабочего скота. К 1917 г. этот показатель в Саратовской губернии составил 34,4 %, в Пензенской – 36,8 %, в Казанской – 22,9 %, в Самарской – 23,3 % [32, с. 50–53].

Правительственные заготовки крупного рогатого скота также разоряли крестьянские семьи. В Саратовской губернии на 100 жителей приходилось 25 голов нагульного скота. В других губерниях его было еще меньше. Поэтому заготовки удовлетворяли спрос города и армии на одну треть. Сократились посевные площади, которые некому и нечем стало обрабатывать. Кроме того, росла крестьянская задолженность по денежным и натуральным налогам.

Политика Крестьянского поземельного банка в годы войны не изменилась. Как и прежде, банк отдавал предпочтение единоличным покупателям. Так, в 1916 г. отдельные домохозяева – покупатели доплачивали наличными к ссуде 7 % покупной цены земли, товарищества – 15,6 % и сельские общества – 22,1 % [1, с. 326]. Банк продолжал активно взыскивать недоимки, так как крестьяне, в значительной мере под влиянием писем солдат, перестали погашать взносы. В этой связи Крестьянский банк в годы войны отбирал у крестьян земли больше, чем до ее начала [там же, с. 327]. Из-за войны переселение из Казанской губернии сократилось в 5 раз, Пензенской – в 10, Самарской и Симбирской – в 11 раз. Его приостановила мобилизация крестьян на войну, ухудшение их материального состояния.

Из-за свертывания промышленного и кустарного производства сельскохозяйственного инвентаря и машин и сокращения их импорта из-за границы возросло число хозяйств, которые не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря. В Саратовской губернии этот показатель достиг 53 % [28, с. 32].

О степени социального расслоения поволжской деревни можно судить на основе вторичной обработки данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. [59]. Такой эксперимент с использованием математических методов провел по 5 уездам Уфимской губернии М. И. Роднов. Учитывая, что значительная часть первичных

материалов переписи была утрачена в период Великой российской революции, мы провели обработку опубликованных данных и группировку дворов по посевной площади, количеству рабочих лошадей и коров. В связи с тем, что данные не позволяют выделить крестьянские дворы с посевом до 5 десятин, в группу бедноты включены хозяйства, засевавшие 6 десятин земли, безлошадные и однолошадные, бескоровные и имеющие одну корову на двор. Хозяйства, засевавшие от 6 до 13 десятин земли, отнесены к середнякам. Они имели по две-три лошади и коровы. В высшую группу вошли дворы с посевом свыше 13 десятин. У них было более 4 лошадей и коров на каждое хозяйство.

При всей условности такой группировки следует констатировать, что в Саратовской и Самарской губерниях процесс социального расслоения крестьян протекал быстрее, чем в Казанской, Пензенской и Симбирской, а также в губерниях Центральной России. Это было обусловлено не только влиянием Первой мировой войны, но и сохранением патриархальных отношений в деревне лесной полосы Поволжья. На долю беднейших хозяйств здесь приходилось более 70 %, тогда как в Европейской России этот показатель достиг 65 % [14, с. 280]. Процесс разорения крестьянских хозяйств усилился и в лесостепной зоне Поволжья. Средняки здесь составили 23,4 %, кулаки – 6,6 %. Иначе шел процесс эволюции крестьянских хозяйств в степной зоне в Самарской и Саратовской губерниях – районах с высоким уровнем развития аграрного капитализма. Удельный вес бедноты достигал 55,5 %, середняков – 25,4 %, зажиточных верхов деревни – 20,6 %. На основе изучения итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. можно выделить три группы уездов. В уездах Казанской, Симбирской и Пензенской губерний, входивших территориально в состав лесной полосы Поволжья, в социально-экономическом строе крестьянских хозяйств сохранялись патриархальные отношения, что обусловило тормозящее воздействие на темпы капиталистической эволюции.

Война выявила негативные стороны формирования нового слоя крестьянина-собственника, который желал

получить максимально возможную выгоду от использования земельного участка и применял хищнические методы обработки земли, что неминуемо снижало уровень товарности крестьянского хозяйства. «...Домохозяин, освободившись от общины, начинает вести на своем участке еще более хищническое хозяйство, пуская его несколько лет подряд под посев однородных растений... Поля таких хуторян и отрубников представляли из себя сплошные пространства сорной растительности, преимущественно овсяга, между которой лишь кое-где проглядывали отдельные экземпляры засеянных культурных злаков» [41, с. 270–271].

К числу важных факторов следует отнести и то, что в годы Первой мировой войны нарушился товарообмен между городом и деревней. В связи с переводом промышленности на выпуск продукции для нужд действующей армии резко сократилось производство потребительских товаров и сельскохозяйственных орудий и машин, в которых сильно нуждалась деревня. В ходе войны были нарушены рыночные связи. Морские порты – закрыты для экспорта хлеба. В 1916 г. остро стала сказываться начавшаяся разруха на железнодорожном транспорте, что также негативно влияло на снабжение населения промышленного центра и столиц.

Внутренняя торговля хлебом также претерпела изменения. Государство вынуждено было взять на себя его заготовки для армии. Ситуация с производством хлеба в России выглядела следующим образом. Хлебный рынок и продовольственное положение в стране зависели от уровня урожая зерновых в товаропроизводящих регионах. Ситуация усугублялась в связи с неурожаем. Если говорить о неурожайных годах, то накануне войны в Поволжье и был такой год. В то же время 1 августа 1914 г. Совет министров поручил А. В. Кривошеину, начальнику Главного управления землеустройства и земледелия, закупку хлеба для армии, установив принципы непосредственной закупки у товаропроизводителей, и с этой целью было решено мобилизовать земства [11, с. 150].

18 августа 1914 г. самарским губернатором Н. В. Протасьевым был образован комитет по заготовке хлеба на военные

нужды и предприняты меры по установлению контроля над заготовкой продовольствия для армии в уездах губернии. В случаях заготовки продовольствия в отдаленных районах комитет назначал специальные комиссии. Устанавливались средние закупочные цены. Для предупреждения спекуляций при повышении цен, по распоряжению главноуполномоченного закупка хлебов переносилась из одной местности в другую [41, с. 267–268].

Самарская губерния оставалась одним из основных хлебопроизводящих районов Российской империи и исправно снабжала армию и города продовольствием. Исключительно урожайным был 1915 г., а 1914, 1916 и 1917 гг. – неурожайными. В 1914 г. в губернии собрали 151 млн. пудов продовольственных хлебов, в 1915 г. – 227 млн., в 1916 г. – 110 млн. В среднем за каждый год в этот период в губернии получали такое же количество зерна, как в 1911–1913 гг., и значительно больше, чем каждый год первого десятилетия XX века. В течение 1914 г. хлебные цены на оптовом рынке снижались. Прекращение экспорта зерна создало даже ситуацию наличия хлебных излишков. «Положение местного рынка угнетенное, пшеницу положительно некому продать кроме местных мукомолов» [там же, с. 269–270]. Газета «Волжское слово» отмечала: «Вместо ржаной муки закупается для размола пшеница, обесцененная теперь временным сокращением экспорта» [4, с. 2].

В 1916 г. на Ново-Хлебной площади закончилось строительство Самарского элеватора, второго по емкости в России. Оснащен он был по последнему слову техники. Все оборудование приводили в действие 90 электромоторов; у элеватора имелась собственная электростанция. Погрузку-выгрузку зерна осуществляли на нескольких площадках с помощью подъемных механизмов. Лаборатория контролировала качество и условия хранения зерна. Производительность элеватора была рассчитана на 32 тыс. пудов в час. В условиях все более затяжной войны, даже имея некоторые хлебные излишки, крестьяне начинали их придерживать. Происходило это не только по соображениям спекулятивной прибыли, но и из-за опасения остаться без продовольственных запасов в будущем.

Психологическая неуверенность крестьян в завтрашнем дне подкреплялась финансовыми факторами. Обесценивание рубля, его низкая обеспеченность промышленными товарами делали невыгодной для крестьянства продажу имевшихся у них зерновых излишков.

Между тем местные торговцы и биржевики с самого начала войны стремились придерживать продовольственные запасы в целях наращивания цен и получения сверхприбыли. Они опасались резкого понижения цен в связи с активной деятельностью банков. В обзоре Самарской губернии за 1914 г. указывалось: «...спекулянты, имея огромные запасы зерновых продуктов, начали сильно взвинчивать цены на них, распространяя на бирже и в правительственных сферах мнение, что повышение цен на зерно надо считать явлением вполне нормальным...» [41, с. 295–296].

Война заставила правительство активнее вторгаться в механизм рыночных отношений, что вызвало острое недовольство представителей бизнеса и биржевых комитетов. О росте противоречий в самарском бизнес-сообществе свидетельствуют воспоминания купца, в 1917 г. председателя Самарского биржевого комитета, а в дальнейшем министра колчаковского правительства по поставкам продовольствия К. Н. Неклютина. В период Первой мировой войны он был одним из экспертов от самарской зерновой биржи в составе правительственного комитета и принимал непосредственное участие в его работе. Он отмечал, что закупочные цены на зерно в 1915 г., устанавливаемые правительством, были чересчур низкими и не покрывали издержек на его транспортировку и обработку, а также соответствовали низкосортному зерну. Раздражение у многих поставщиков хлеба вызвала инициатива Башкирова, который на правительственном совещании в августе 1916 г. предложил продавать муку по 50 коп. за пуд. Фиксированные цены не устраивали биржевиков, и в этом они увидели корыстные интересы Башкирова, который как поставщик провианта в армию мог получать значительные прибыли, покупая зерно и муку у производителей по более низким ценам [23, с. 65–68, 82].

В ходе войны возникли чрезвычайные органы, которые выступали в качестве основных игроков на российском рынке. Речь идет о Союзе земств и городов, а император Николай II 17 февраля 1915 г. издал указ, который разрешил использовать при заготовке продовольствия введение триады – установление твердых цен, реквизиции и запрет на вывоз продовольствия из определенных местностей [11, с. 153]. В марте 1915 г. командующий войсками Казанского военного округа уведомил самарского губернатора о запрете вывоза зерновых культур из Самарской губернии.

Далее было созвано Особое совещание для обсуждения мероприятий по продовольственному делу. Попытка создать систему планового снабжения и ввести хлебную монополию не увенчалась успехом. Несмотря на то что продовольственных товаров, в том числе и хлеба, было достаточно, цены на продукты питания резко возросли в связи с начавшейся спекуляцией.

Губернская администрация и органы местного самоуправления уделяли снабжению горожан пристальное внимание. Еще в августе 1914 г. самарский губернатор Н. В. Протасьев объявил о недопустимости повышения цен на жизненно необходимые продукты питания и о введении штрафов за данные нарушения [41, с. 292]. Земство включилось в дело продовольственного обеспечения в августе 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны самарские губернаторы и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно, конфликтов не возникало. При помощи аппарата сельской и городской полиции губернская администрация постоянно следила за деятельностью местных самоуправлений и наблюдала за правильным исполнением населением всех предписаний. В 1914–1916 гг. городское население особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания властям не предъявляло (сельское население, естественно, обеспечивало себя само) и оставалось лояльным к ним; случаи протестного движения были единичны и связаны с привозными товарами (преимущественно сахаром) и спекуляцией.

Начиная с 1915 г. гласные Самарской городской думы стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. Была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта – 23 коп., первого сорта – 22 коп., второго – 20 коп., третьего – 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле. В сентябре 1915 г., несмотря на сопротивление торговцев, Дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного – до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта – до 5,5 коп., 2-го сорта – до 7,5 коп., 1-го сорта – до 9 коп. – и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления городской Думы.

Временно исполняющий должность губернатора Н. П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что Самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами в различных исполнительных комиссиях о снабжении горожан и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. он распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей» [50, д. 4, л. 51, 58].

21 ноября 1915 г. Н. П. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, подвергнутся штрафу в размере до 3 тыс. рублей или аресту до трех месяцев, а их заведения закроют. Подобные же постановления принимались и в соседних губерниях. В августе 1915 г. саратовский губернатор предупредил мукомолов, что за задержку отпуска муки потребителю будет наложен штраф 3 000 рублей или арест на три месяца. На другой день мука продавалась беспрепятственно. Но через несколько дней мукомолы представили городской думе условия, на каких они согласны отпускать муку для населения. Цены, тем не менее, росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от

7 февраля 1916 г., за последние два года они выросли почти в два раза. Купцы ради выгоды шли на ухищрения. Так, николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены [52, д. 198, л. 8–9, 26].

Постановлением Думы и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. Губернатор Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С. Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. уже губернатор Л. Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял Самарскую городскую управу в плохой работе [51, д. 1619, л. 1; д. 1549, л. 14; 53, д. 4, л. 239; 53, д. 226, л. 11]. Губернаторы России в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу – сплошь сами торговцы, а зачастую – наиболее злостные спекулянты» [19, с. 163].

В июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя она поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20 % всех его трат. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булки и плюшки. В январе – феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения городской Думой не рассматривалась [52, д. 198, л. 438, 600]. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран [там же, д. 197, л. 572–578].

Саратовская городская дума еще осенью 1916 г. высказалась за введение безымянной карточки с 12 отрезными талонами на муку, сахар и другие продукты. В начале 1917 г. Дума опять обсуждала вопрос о введении карточек на хлеб, а спустя месяц предложила отпускать по карточкам муку. Министр земледелия распорядился о сокращении нормы выдачи муки до 15 фунтов (6 килограммов) в месяц.

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Самаре в 1914–1917 гг. не зафиксировано. И все же следует констатировать, что случались так называемые бабьи бунты. Как правило, они были эмоционально окрашены и протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к рукоприкладству, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев покупателей женщин всегда был направлен против торговцев. С полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда те пытались утихомирить разбушевавшихся.

В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мяса. Далее события развивались согласно официальному документу так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок» [51, д. 1627, л. 7–9 об.]. В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки.

В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тысяч человек) направились громить лавки и магазины, выискивая и растаскивая прежде всего сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов [там же, д. 1627, л. 7–9; 17, с. 38]. С 23 по 29 июня 1916 г. в четырех смежных волостях – в районе с. Красный Кут Новоузенской волости – произошли разгромы торговых помещений женщинами-солдатками. «Во всех селениях, – отмечает губернатор А. А. Станкевич, – беспорядки

начинались одинаково: получив в волостном правлении пайки, солдатки отправлялись за покупками, войдя в лавку, сначала просили, а затем требовали понижения цены» [41, с. 152]. При согласии торговцев начиналась покупка по «дешевке», переходившая, как и в случае сопротивления торговцев, в самовольный разбор и унос товаров по домам. Земский начальник XI участка Новоузенского уезда С. Кишкин в рапорте самарскому губернатору А. А. Станкевичу отмечал, что беспорядки были вызваны нарушением торговцами ценовых ограничений, низким качеством товара и его дефицитом [там же, с. 146–152]. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии 10 (5 в городах и 5 в деревнях).

К числу негативных факторов следует отнести мобилизацию запасных в действующую армию, реквизиции скота, что обусловило сокращение посевных площадей. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., в губерниях Поволжья отсутствовало более половины трудоспособных работников. Значительная часть отсутствующих крестьян в деревне находилась в армии. Так, процент мобилизованных работников в Казанской губернии составил 44,9%, Пензенской – 46,7%, Самарской – 49%, Саратовской – 47,4%, Симбирской – 49,4% [32, с. 50–53]. Наибольшую потерю рабочей силы понесли семьи бедняков-пауперов и середняков, где в армию призывали последних работников. Зажиточные крестьяне в ряде случаев или откупались от призыва, или устраивались на работу на военные заводы. Все тяготы по ведению хозяйства легли на плечи стариков, женщин и детей. В Казанской губернии удельный вес хозяйств без наличия работников составлял 24,1%, Пензенской – 29,2%, Самарской – 32,3%, Саратовской – 30,7%, Симбирской – 32% [там же].

Уже в августе 1914 г. уездные предводители дворянства довели до сведения земских начальников и волостных правлений уезда циркулярное распоряжение о необходимости срочного созыва сельских сходов, на которых должен был обсуждаться вопрос об оказании помощи по уборке оставшегося на полях хлеба семьям мобилизованных крестьян [4, с. 3].

Сельские сходы составляли приговоры об оказании помощи всем нуждающимся семьям запасных, устанавливались повинности по подготовке и обработке земли под посев хлеба. Семена выделялись из общественных хлебозапасных магазинов [41, с. 278–279].

Мобилизации запасных привели к сокращению посевных площадей, так как оставшиеся в деревне женщины, старики и дети не могли обработать все площади земельных наделов. На это обращали внимание Новоузенское, Николаевское и другие уездные земства Самарской губернии [55, д. 1396, л. 114, 488 и др.]. Проблемы начинают ощущаться к лету 1915 г. Война ухудшила экономическое положение сельского населения, привела к росту задолженности помещиков по платежам Дворянскому банку, лишила рабочей силы дворянские имения, наемный труд резко подорожал.

В губернских администрациях и земских собраниях стал активно обсуждаться вопрос об использовании труда военнопленных в сельском хозяйстве, отмечались попытки найма беженцев на сельскохозяйственные работы [41, с. 279–280]. Часть дворян и в условиях военного времени думала только о том, как бы улучшить свое экономическое положение, уменьшить бремя долгов, отягощавших имения, и продолжала настойчиво просить правительство, Министерство финансов о предоставлении новых льгот и помощи. Саратовское губернское дворянское собрание (14 сентября 1915 г.) постановило ходатайствовать перед министрами – военным, внутренних дел, торговли и промышленности – и главным управлением землеустройства и земледелия об оставлении военнопленных в губерниях до окончания сельскохозяйственных работ, а по возможности, и до конца войны [2, с. 290]. Подобные предложения в категоричной форме раздавались и из других губерний. Особенно активно этот вопрос обсуждался на XI съезде уполномоченных дворянских обществ (10–13 марта 1915 г.). В выступлениях делегатов звучали требования безвозмездности работы военнопленных на государственных и общественных работах и удешевлении их содержания в имениях [27, с. 463–474; 3].

Для восполнения убыли рабочей силы на заседании Совета министров 15 января 1916 г. А. Н. Наумов предложил две меры: разрешить в России использовать труд китайских рабочих и предоставить землевладельцам на время сбора урожая воинские части. В результате к весне 1916 г. в распоряжении министерства имелось свыше 350 тыс. военнопленных, которые распределялись затем по хлебородным районам Европейской России [21, с. 454].

Спрос на военнопленных у дворян и крупных посевищников был огромный. Чрезвычайные губернские дворянские собрания, земские управы обращались с просьбами о содействии в присылке рабочих-китайцев на сельскохозяйственные работы, оставлении на зимние работы военнопленных. Эти просьбы были услышаны правительством. Например, к середине 1916 г. в частновладельческих хозяйствах Симбирской губернии использовался труд более 4 тысяч военнопленных и 653 беженцев [49, с. 45]. Тем не менее, помещики продолжали свертывать собственную запашку и увеличивать сдачу земли в аренду крестьянам.

Летом 1915 г. на сельскохозяйственных работах в Самарской губернии было занято 24 134 беженца и 31 627 военнопленных. В январе 1916 г. председатель Самарской губернской земской управы оценивал потребность в военнопленных для сельскохозяйственных работ в 66 500 человек [41, с. 285]. В целый ряд губерний был направлен запрос о возможности найма женщин-работниц, знакомых с сельскохозяйственным трудом.

В Саратовской губернии в 1916 г. на сельскохозяйственных работах было занято 23 219 военнопленных, в Симбирской – 7 863, Самарской – 31 627, Казанской – 10 380, Пензенской – 5 388 [5, д. 509, л. 8–14; 6, д. 2657, л. 37 об.; 7, д. 196, л. 17; 37, д. 3451, л. 1, 3; 38, д. 1039, л. 6; 54, д. 1396, л. 428]. Следует иметь в виду, что количество военнопленных, занятых в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян, возрастало в период проведения сельскохозяйственных работ и сокращалось осенью и зимой. В целом в указанных выше хозяйствах работало около 80 тыс. военнопленных. Кроме

того, использовался труд беженцев. Например, летом 1916 г. в Самарской губернии было занято 2434 человека, Саратовской – 9261, Казанской – около 10000, Симбирской и Пензенской – более 5000 человек [40, д. 17, л. 170].

Спрос на рабочие руки был настолько велик, что помещики обращались к коронной администрации с просьбами о привлечении на сельскохозяйственные работы солдат. В этой связи штаб Казанского военного округа определил перечень войсковых частей, к которым должны были обращаться губернаторы для получения солдат, отпускаемых в деревню на сельскохозяйственные работы. В 1916 г. в имения Казанской губернии было направлено 1582 солдата, Симбирскую – 511, Саратовскую – 1905, Самарскую – 1170, Пензенскую – 1045. Всего округ послал в губернии Поволжья 6517 человек [55, д. 1346, л. 89–95]. По нашим подсчетам, в годы Первой мировой войны в помещичьих экономиях побывало более 155 тыс. военнопленных, беженцев и солдат русской армии.

Однако подобные меры не могли полностью решить проблему нехватки рабочей силы в деревне, так как труд привлекаемых к работам беженцев и военнопленных был менее производительным, к тому же их число значительно уступало количеству мобилизованных крестьян. О кризисных явлениях в сельском хозяйстве свидетельствует сокращение посевных площадей, главным образом за счет ярового клина. К лету 1916 г. посевная площадь в Самарской губернии уменьшилась, по сравнению с 1913 г., на 766,3 тыс. дес. И уже летом раздаются просьбы отсрочить очередную мобилизацию новобранцев в армию, «так как оставшаяся часть населения ни в коем случае не справится не только с наступающей уже осенней пашней... но не в состоянии будет убрать и обмолотить урожай текущего года» [41, с. 373–374].

Наиболее полные данные о численности постоянных и временных сельскохозяйственных рабочих в 1917 г. имеются в издании Самарского земства [34, с. 12–13]. В уездах губернии насчитывалось 82058 постоянных наемных рабочих, в том числе в районах торгового зернового земледелия: Новоузенском уезде – 23,1 тыс., Николаевском – 16,8 тыс.,

Бузулукском – 12,6 тыс. Число временных рабочих достигло 105 тыс. человек, из них в Новоузенском уезде – 23,0 тыс., Самарском – 19,1, Николаевском – 18,7. Итак, количество наемных рабочих в Самарской губернии превышало 187 тыс. человек. Вместе с тем, дефицит рабочей силы составлял 167,8 тыс. человек [там же, с. 13].

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., число наемных рабочих, занятых в экономиях и хозяйствах фермерского типа, доходило до 250 тыс. человек, а с учетом крестьян, нанимающихся на временную работу, – 350–400 тыс. [33]. Большую часть сельскохозяйственных рабочих притягивали районы товарного земледелия, где развивались хозяйства по принципу фермерских.

В условиях затяжной войны обстановка на продовольственном рынке страны обострялась. Административное ценовое регулирование, введение обязательных поставок, реквизиции, нехватка трудовых ресурсов дестабилизировали ситуацию на хлебном рынке страны. Поставки продовольствия в Москву, Санкт-Петербург и другие регионы страны были весьма проблематичны в связи с отсутствием хороших подъездных путей, недостатком вагонов, низкой пропускной способностью железных дорог.

Первая мировая война ускорила возрастание архаики в хозяйственной сфере земледельческого производства этого района. В группе уездов, входящих в зону лесостепной полосы, негативное воздействие оказывали факторы, связанные как с Первой мировой войной, так и с сохранением помещичьего землевладения и живых остатков крепостничества, что обусловило инерционность эволюции аграрной сферы этого региона. Но все же темпы аграрного капитализма здесь были несколько выше, а земледельческое производство, примыкавшее к рынкам сбыта, железнодорожным станциям, пристаням, активнее втягивалось в рыночные отношения. Наконец, в степной полосе – зоне торгового зернового земледелия – фермерские хозяйства сумели быстро приспособиться к экстраемальным условиям военного времени, но и здесь война наложила отпечаток на эволюцию хозяйств.

Список источников и литературы

1. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. 384 с.
2. Баринаева Е. П. Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара, 2002. 364 с.
3. Баринаева Е. П. Дворянская ментальность: испытание Первой мировой войной // Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2014. Ч. 1. С. 14–24.
4. Волжское слово. 1914. 26 августа. № 183 (2061).
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 6.
6. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 1.
7. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 10.
8. Дорожкин Н. В., Фирстов И. И. Мордовия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск, 1958. 71 с.
9. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998. 120 с.
10. Журавлева М. Д. Крестьянство Среднего Поволжья в годы первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: автореф. дисс... к. ист. н. Саранск, 2001. 21 с.
11. Земский феномен. Политологический подход / В. Ф. Абрамов, К. Мацузато, А. А. Ярцев. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. 198 с.
12. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1–6. М. – Самара, 2000.
13. Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. 199 с.
14. Кабытов П. С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма: дисс... д. ист. н. Куйбышев, 1982.
15. Кабытов П. С. Последний реформатор Российской империи. М., 2007. 192 с.
16. Казанцев А. А. Динамика массовых настроений в Российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): автореф. дисс... к. ист. н. Пенза, 2005. 24 с.

17. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

18. Ковалев Д. В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века на материалах Московской губернии. М., 2004. 312 с.

19. Красный архив. М. – Л., 1929. Т. 2.

20. Люкшин Д. И. Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: автореф. дисс... к. ист. н. Казань, 1995. 21 с.

21. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2.

22. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 2. Оп. 1.

23. Неклютин К. Н. От Самары до Сиэтла. Воспоминания. Самара, 2011. 208 с.

24. Ниманов Н. Б. Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): (на материалах Марий Эл, Мордовии, Чувашии): автореф. дисс... к. ист. н. Самара, 1994. 26 с.

25. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории: монография / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2013. 360 с.

26. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара, 2014. 2540 с.

27. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2002. Т. 3. 912 с.

28. Октябрь в Поволжье. Саратов, 1917.

29. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под. ред. В. Л. Данилова и П. С. Кабытова. Саратов, 2010. 356 с.

30. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917). Т. 2. Ч. 2. / ред. И. В. Порох. Саратов, 1999. 432 с.

31. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005. 171 с.

32. Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 5 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921.

33. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 2. М., 1923.

34. Продовольственная статистика Самарской губернии 1917 г. Вып. 1. Самара, 1918.

35. Роднов М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 225 с.

36. Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008. 258 с.

37. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 395. Оп. 2.

38. РГИА. Ф. 457. Оп. 1.

39. РГИА. Ф. 1290. Оп. 21.

40. РГИА. Ф. 1322. Оп. 1.

41. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сб. документов. Самара, 2014.

42. Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2-х кн. / под ред. П. С. Кабытова и Л. В. Храмова. Самара, 1993.

43. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917.

44. Сельское население в России в XX веке. М., 1923.

45. Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии. Сб. документов и материалов. Самара, 2012. 314 с.

46. Тагирова Н. Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 1999. 312 с.

47. Тихонов Б. В. Переселение в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. 215 с.

48. Токарев И. В. Столыпинские аграрные преобразования в отечественных диссертационных исследованиях первого десятилетия XXI века // Крестьянский мир: Новые источники и методологические подходы. Уфа, 2013.

49. Третьякова Г. А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний Центрально-земледельческого района и Поволжья): дисс... к. ист. н. Куйбышев, 1990.

50. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 61.
51. ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36.
52. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1.
53. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 63.
54. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 131.
55. ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1.
56. ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 2.
57. ЦГАСО. Ф. 817. Оп. 1.
58. ЦГАСО. Ф. 4468. Оп. 1.
59. Экономическое расслоение крестьянства в 1917–1919 гг. Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 3. М., 1922.

ГЛАВА III.

ПРОВЕДЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ КАМПАНИЙ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

«Мировой пожар», охвативший в 1914–1918 гг. половину земного шара, вызывает огромный интерес научного сообщества по причине беспрецедентного социально-гуманитарного и цивилизационного воздействия на судьбы участников этого конфликта.

За четыре долгих года войны в народном мировосприятии произошло диаметрально-противоположное смещение оценочных суждений: война-праздник превратилась в войну-катастрофу. Характер войны, ее символы и знаковые образы во многом не поддавались расшифровке в рамках традиционной картины мира российского крестьянства, что стало одним из определяющих факторов крушения идей государственности, правопорядка, а следовательно, активизации глубинных пластов архаичной (первобытной) культуры. Реалии военного времени обнажили до крайности основной конфликт современности, в латентной форме присутствовавший в российской истории весь пореформенный период: традиционная крестьянская ментальность столкнулась с мощнейшими вызовами индустриальной эпохи, угрожавшими самому существованию ее базовых конструктов, и ответила привычным набором форм обыденного и массового сопротивления, задействовав априори присущие родовому сознанию компенсационно-защитные механизмы.

Ретроспектива истории Первой мировой войны в оценках историософских концепций конца XX в. выглядит просто угрожающей и предрекающей крушение основ старого и рождение в крови, муках и ненависти нового мира. Именно эта война, по словам известного писателя и мыслителя XX в. Э. Канетти, не считаясь с хронологией, стала подлинным началом века двадцатого – века масс, их выхода на авансцену истории в качестве ее субъекта, их стихийных или управляемых

порывов, созидательных или разрушительных деяний, побед и поражений [37, с. 196].

В современной российской историографии аксиомой, не требующей доказательств, становится тезис об определяющем воздействии Первой мировой войны на процесс распада государственности: «...не будь Первой мировой войны, в 1917 г. не произошло бы крушения Российской империи и тем более победы советской власти со всеми вытекающими отсюда для нашей страны и всего мира последствиями» [87, с. 120]. Обращение к подобным оценкам итогов войны далеко не случайно и определяется общей тенденцией к гуманизации методологии истории, росту приоритетности культурно-антропологического подхода, новой культурной или новой социальной истории [82, с. 8–41]. В этом контексте и крах государственности, крушение империи становится результатом не столько военного поражения, сколько следствием «полного разлада между властью и уставшим от войны, хозяйственной разрухи и правительственной неразберихи обществом» [87, с. 120].

Кардинальные изменения в историографии Первой мировой войны пришлось на первое десятилетие 2000-х гг. Именно в этот период разворачивается активная деятельность Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ), возглавляемой в настоящее время Е. Ю. Сергеевым¹. Главными задачами данной общественной организации являются: возрождение и развитие отечественной исторической науки по проблемам Первой мировой войны; установление и расширение творческих контактов между историками и объединяющими их организациями России и других стран, занимающимися исследованиями проблем Первой мировой войны; содействие распространению в российском обществе новых знаний о роли нашей страны в Первой мировой войне, истоках и последствиях милитаризации государств, протестных социальных движениях [93]. Интерес исследователей сфокусировался на решении проблем, недостаточно освещенных в советской историографии, как то:

¹ Устав РАИПМВ был принят 10 декабря 1992 г., изменен 25 декабря 2009 г.

истории самого военного конфликта, оборонной политики имперского правительства, международных отношений в период 1914–1918 гг. и т.д. Предпринимаются попытки создания обобщающих работ по истории крупнейших войн XX века. Так, в 2002 г. вниманию научной общественности был представлен четырехтомник, посвященный двум мировым войнам XX столетия [46; 47]. Исторический очерк начального этапа мировой войны, развернувшейся в первой половине XX века (по мнению авторов, беспрецедентная связь между Первой и Второй мировыми войнами ставит под сомнение существующую периодизацию конфликтов такого уровня, само деление по порядковым номерам), охватывает самые различные аспекты изучения: происхождение, истоки кризиса, его итоги и последствия, боевые действия, экономику, социально-политическое взаимодействие, социокультурные, национально-психологические и цивилизационные факторы войны.

В последние годы исследователями отмечается многоаспектность и систематичность, широта предметных характеристик в научных изысканиях по истории Первой мировой войны. Множество работ посвящено собственно военно-историческим сюжетам, в том числе и военной биографике (Д. Ю. Козлов, В. Б. Каширин, Д. Г. Мартиросян, С. Г. Нелипович, А. Б. Асташов, Е. Ю. Сергеев, А. А. Болтаевский, И. Н. Гребенкин, С. С. Жебровский, В. Л. Кожевин, Е. Ю. Копылов, Л. В. Ланник, И. В. Нарский, В. Л. Герасимов, В. Г. Кикнадзе, Г. М. Ипполитов, А. И. Ушаков, В. П. Федюк, В. Ж. Цветков). Продолжается изучение общественно-политической проблематики (О. Р. Айрапетов, Б. И. Колоницкий, И. Б. Белова, С. В. Букалова, М. Д. Журавлева, А. А. Казанцев, Т. А. Кижаява, О. Ю. Сорокина и др.). Важной частью исследований остается и состояние российской экономики военного периода, ее военного потенциала, промышленности и аграрного сектора (В. С. Михайлов, О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гуцин, Т. М. Китанина, Н. Н. Машкова, Е. М. Петровичева и др.) [26].

Вместе с тем, следует признать, что на этом фоне постоянного расширения предметной области исследований оказалось практически незамеченным либо представленным

лишь в качестве части, аспекта общей проблематики самое массовое и грандиозное событие Первой мировой, коренным образом изменившее весь привычный ход повседневной жизни, фактически определившее судьбу Российской империи, – мобилизационные кампании русской армии и флота летом – осенью 1914 г. Мобилизация происходила в условиях незавершившихся модернизационных процессов и затронула многомиллионную массу в основном крестьянского населения страны, что не могло не повысить риски сохранения социально-политической стабильности.

Справедливости ради следует отметить, что вопросы организации и проведения военно-мобилизационных мероприятий в период Первой мировой войны имеют под собой давнюю историографическую традицию. Первый опыт анализа мобилизационных кампаний, вписанный в широкий контекст общевойсковой проблематики, был представлен в воспоминаниях и исследованиях непосредственных участников описываемых событий [12; 13; 30; 43]. В оценках русских генералов мобилизация стала главным мерилем подъема национального чувства: «...96 % подлежащих призыву явились к воинским начальникам. Между тем, трудные условия, в которых находился точный учет чинов запаса, заставлял предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой может быть до 10 %. Следовательно, уклонения от мобилизации почти не было» [12, с. 81]. Констатируя же факты проявлений «темных сторон мобилизации» (уклонения от призыва, беспорядки среди запасных), Н. Н. Головин вслед за С. К. Добrorольским отмечает, что первое явление было нехарактерным для крестьянства («в противоположность нашим привилегированным слоям»), а второе – свидетельствовало «не о нежелании идти на войну, а лишь о малой культурности наших народных масс» [там же, с. 83; 14]. Обнаружив столь масштабный патриотический порыв, крестьянство откликнулось на призыв скорее неосознанно, действуя согласно определенному политическому обряду под лозунгом «За Веру, Царя и Отечество», прочно вписанным в структуру религиозных чувств русского народа. На ритуальные

аспекты восприятия массовым сознанием войны указывает и утверждение, что русский народ к ней оказался не подготовлен психологически: «Главная масса его – крестьянство едва ли отдавала себе отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему неясны. Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все то, что от него требовала власть; он терпеливо и пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания» [там же, с. 81, 85].

Анализируя проведение военно-мобилизационных мероприятий, в качестве одного из важнейших факторов, препятствовавших успешной реализации поставленных задач, исследователи назвали перемещение миллионов призванных в условиях неразвитости транспортной инфраструктуры и огромных расстояний до театра военных действий. Как отмечает А.С. Лукомский, возглавлявший мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба в 1909–1913 гг., ничтожное число железнодорожных линий выступало фактором, «...крайне затрудняющим как мобилизацию, так и сосредоточение отмобилизованных частей к границе. Особенно затягивалось сосредоточение. Согласно составленным расчетам, отмобилизованным частям, расквартированным внутри России, пришлось бы у станций посадки на железные дороги ждать значительное время очереди перевозки...» [43, № 5, с. 111].

Серьезные затруднения в процессе формирования боеспособных подразделений вызывала и низкая степень подготовленности призывников, а также их возраст (в дополнение к слабости офицерского корпуса). На примере комплектования второочередных дивизий это убедительно показал П.Н. Симанский: «Выяснилось, что люди, являющиеся на пополнение второочередных дивизий, более старших возрастов, оказались, вследствие невнимательного отношения к повторным сборам мирного времени, совершенно лишенными военных знаний и совсем отвыкшими от дисциплины» [81, с. 135–136]. 3 августа 1914 г. он запишет в своем дневнике: «Вид призываемых только терпимый. Много стариков. Обещание направлять к нам исключительно молодых, задерживая стариков

в запасных батальонах, по-видимому, не выполняется. Что, впрочем, хорошего могут сделать наши воинские начальники, эти предназначенные к сдаче в архив капитаны и старые штаб-офицеры». По мнению автора, «...нагруженные семьями, полные заботы о них, податливые к болезням, а зачастую уже хронически больные, далекие от сознания обязанности защиты отечества и преисполненные странными понятиями, что защищать следует лишь свою Пермскую или Тамбовскую губернию, к которой противник все равно не дойдет, ратники эти были плохими солдатами и это отлично сознавали сами. “Какие из нас сражатели” – слышно было в рядах Красноставского полка. – “Не приведи господь, только знамена умели терять” – раздавался голос, имея в виду бои Луковского полка, во время которых полковое знамя при отходе последних рот попало в руки австрийской кавалерии» [там же].

В советской историографии участие крестьянства в военно-мобилизационных кампаниях было жестко ограничено контурами классовой борьбы. Но, несмотря на то, что исследователям крестьянского движения приходилось констатировать резкий спад протестной активности на начальном этапе войны, беспорядки в ходе мобилизации были использованы в качестве аргумента в пользу «пораженческих» настроений крестьянства. Сам факт погромов рассматривался как проявление резко негативной реакции крестьянства на объявление войны [1; 5; 27]. Косвенным указанием на масштабы недовольства являются статистические данные о жертвах участников волнений среди призывников. Так, по данным А. Б. Беркевича, за период мобилизации с 19 июля по 1 августа 1914 г. при подавлении выступлений были убиты и ранены 505 человек со стороны «мятежников» и до 106 должностных лиц. Волнения, вызванные мобилизацией и именуемые в полицейских документах «пьяными бунтами», в традициях марксистской методологии истории были промаркированы как «стихийное выражение ненависти народных масс к грабительской войне, затеянной империалистами» [5, с. 40–41].

Только в начале 2000-х гг. появляются признаки историографического разворота от следствий к первооснове,

к изучению воздействия ключевого фактора социальной динамики – всеобщей мобилизации. Нельзя не приветствовать заметный рост интереса к данной проблематике со стороны новой генерации исследователей в регионах. Так, весьма конструктивную объяснительную модель анализа мобилизаций как индикатора настроений крестьянской массы и ее восприятия «большого мира» и государственных задач, управленческого потенциала власти и основных точек социально-политической напряженности предлагает в своей монографии А. В. Посадский [74, с. 157]. Одним из главных противоречий концептуального построения данной проблематики становится двойственность, двуединость процесса: при чрезвычайно высокой мобилизационной готовности общества и подъеме национального самосознания имели место погромные выступления, нередко сопровождавшиеся человеческими жертвами. Разрешить это противоречие стало возможным в процессе регионализации исследований, а также посредством обращения к социально-психологическим аспектам проблемы, учета «ментальной», мотивационной стороны поведенческих стратегий крестьянского населения. В этом ключе и решена проблема всеобщей мобилизации 1914 г. в монографии А. В. Посадского. На основе широкой источниковой базы (только фонд Саратовского ГЖУ позволил автору выявить 27 случаев проявления погромных настроений и беспорядков, спровоцированных мобилизацией) исследователь раскрывает основные параметры напряжений, вызванных всеобщим характером процесса и спровоцировавших активизацию кризисных поведенческих стратегий в сознании традиционного общества [там же, с. 7–9]. По мнению автора, мобилизация стала инструментом перехода крестьянина в некое маргинальное состояние, которое при формировании больших скоплений в городах перед поступлением на военную службу и задавало тон социальной агрессии в том случае, если появлялись препятствия для реализации поведенческих стереотипов традиционного социума. С другой стороны, мобилизация оказалась препятствием и для структур государственного управления

и демонстрировала бедность бюрократических сил при значительной степени бюрократизации [там же, с. 145, 155].

Как отмечает А. В. Посадский, ключевая проблема мобилизации состояла в органичном соединении целенаправленных централизованных усилий государства и низовой, прежде всего крестьянской, самоорганизации, корректирующей и дополняющей их. Если организационные усилия «сверху» были неадекватны (крестьянин видит леность, равнодушие, нерачительность, нецелесообразность), то вследствие амбивалентности крестьянской ментальности процесс самоорганизации может вылиться в деструктивное русло. Если же крестьянин видел «сверху» распорядительность и самоотверженность, то «даже самые болезненные накладки преодолеваются с помощью самих крестьян и не приводят к катастрофе» [там же, с. 156]. Рассматривая мотивы крестьянской самоорганизации, А. В. Посадский отмечает: большое значение примера города; анклавно-кустовой характер самоорганизации при большой роли удачного примера, почина, в частности соседей; ревнивое наблюдение при отклике на государственные распоряжения за равенством и справедливостью [там же, с. 157].

Таким образом, анализ эмоционально-психологического состояния человека на войне позиционируется в последние два десятилетия в качестве одного из определяющих факторов развития общественных систем, более того, происходит оформление подобных исследований в новое особое направление в историографии [92, с. 208]. Первым собственно историческим произведением, в котором комплексный анализ массовой ментальности и поведения в эпоху Первой мировой войны выстроен на этих основаниях, можно назвать монографию О. С. Поршневой [72]. Ей принадлежит и первая попытка терминологического и историографического исследования проблемы массовых настроений в период Первой мировой войны [73].

История ментальности, в понимании автора, является одной из неотъемлемых частей социальной истории, требующей непредвзятого исторического анализа посредством реконструкции социального поведения, массового сознания

и психологии исследуемых общественных групп. Важнейшим аспектом анализа при этом становится выяснение взаимосвязи менталитета и различных форм человеческой деятельности [72, с. 12–14].

В монографии широко представлены возможности использования методик по изучению массовых источников, основанных на количественном анализе. Это позволило автору реконструировать процесс эволюции содержания массовых настроений на протяжении всего рассматриваемого периода, а также на основе вычисления коэффициента корреляции определить взаимообусловленность отдельных суждений и представлений.

Анализ ключевых особенностей психологического феномена человека на войне и механизмов формирования образов военной действительности представлен также в монографии Е.С. Сенявской. В проблемно-тематическом ракурсе автор приводит экстремальные условия повседневного быта в качестве основных факторов, определяющих характер и особенности трансформации поведенческой практики военнослужащих [79]. Поведение солдат на войне стало также предметом изучения А.Б. Асташова. Корпус источников, привлеченных им, впечатляет: его исследование основано на данных около 400 отчетов, сводок и докладов 33 военно-цензурных отделений. Большая выборка, по которой работали цензоры, программа подготовленных сообщений, образовательный ценз позволяют рассматривать материалы цензуры как важный источник для изучения настроений и поведения солдат в годы войны [2, с. 72].

Однако более детальный анализ историографических аспектов проблемы менталитета (социальных представлений) и поведения масс в условиях мировой бойни свидетельствует о незавершенности процессов не только в сфере методологических поисков, но и формирования корпуса источников. Казалось бы, 1990-е гг. продемонстрировали значительный шаг вперед в деле освоения зарубежного опыта изучения вопросов менталитета и социальной психологии: состоялся ряд научных форумов, появляются работы отечественных авторов по

теории менталитета. Но и по сей день можно констатировать, что перспективы объединения теории с практикой конкретно-исторических исследований достаточно туманны. Это становится заметным уже на уровне использования специальной терминологии: возможно, синонимичность применения таких понятий, как восприятие, массовые или общественные настроения, самосознание, политическое сознание, менталитет, мировоззрение, при определенных условиях очевидна, тем не менее, столкновение родственных наименований общего предмета исследования объективно формирует потребность выявления иерархических связей, взаимоподчиненности, возможностей взаимодействия структур общественного сознания. Например, О. С. Поршнева считает необходимым разграничить понятия социальной психологии и истории ментальности. К последней категории автор относит изучение содержания представлений и установок, а также обусловленных ими способов социального поведения. Предметом же социальной или исторической психологии О. С. Поршнева называет массовидные проявления социально-психологической динамики, а также механизмы возникновения определенных состояний [72, с. 19]. А по мнению Е. С. Сенявской, жесткая необходимость противопоставления изучения менталитета и массовой психологии вообще отсутствует, так как в реальной жизни объекты их исследования невозможно отделить друг от друга [80].

Невнимательность к репрезентативности источников объективно ведет к фрагментарности и описательности изложения. Так, в одной из статей орловского исследователя В. А. Холодова задача измерения особенностей мировоззренческого восприятия войны осуществляется на материалах местной периодической печати. В итоге возникает образ глубоко религиозного и монархически ориентированного народа, горящего желанием заступиться за сербов и положить свою жизнь на алтарь отечества. Руководствуясь мнением священнослужителей, оказалось довольно проблематичным четко определить даже хронологический рубеж трансформации патриотических и заступнических настроений в пацифистские [89]. С другой стороны, в статье Л. А. Шайпака «описания

стихийных выступлений запасных уже в первые дни мобилизации» стали основанием для вывода о том, что «патриотические настроения не были преобладающими в сознании тех солдат, которые были оторваны от привычного уклада деревенской жизни. Русско-японская война с ее тяжелыми последствиями, Первая русская революция 1905–1907 гг. и недовольство политикой самодержавного правительства давали о себе знать, будоражили солдатские умы и вызывали в их сердцах острое недовольство новой войной “за веру, царя и отечество”». По данным исследователя, на сборные пункты Казанского военного округа в начале августа 1914 г. явилось без уважительных причин 22 700 человек. Кроме того, сказались больными еще 173 809 человек, или 28,4 % всех призываемых по 14 уездам округа [91, с. 94–95].

При рассмотрении проблем, связанных с историко-антропологическим прочтением Первой мировой войны, нельзя не отметить выход в свет многотомного издания, посвященного социальным аспектам истории этого военного конфликта. Речь идет, прежде всего, о формулировке исследовательских проблем, а также об анализе факторов трансформации массовых настроений [11]. Так, обращаясь к теоретическим аспектам военной истории, И.С. Даниленко рассуждает о возможных причинах отсутствия поддержки обществом идеи войны до победного конца, апеллируя к пассивности народа и просчетам государственной пропаганды. Позволяют усомниться в такой характеристике особенностей русской ментальности, как осадная психология и готовность и привычность участия в военных конфликтах, приведенные автором статистические данные по доле военных лет в истории европейских народов. В этом отношении Россия ничуть не выделяется на общем фоне остальных государств. В частности, процент военных лет до XX в. в России составил 46, в Англии – 56, во Франции – 50 [28, с. 14, 31].

Структурирование факторов социально-психологической динамики, благоприятствовавших переходу от Великой войны к Великой революции, представленное в разделе, выполненном С.В. Тютюкиным, способствует акцентированию внимания последующих исследователей на ключевых сюжетах

в содержании массовых настроений. Так, в качестве важнейших тенденций, вызванных воздействием мировой войны, автор называет демографические сдвиги, изменение роли женщин и молодежи, кризис института семьи, деградацию нравственных норм, превращение человека с ружьем в одну из ключевых фигур политической жизни страны [87, с. 120, 122, 158–159], что подтверждается в работах других исследователей. Так, в статье А. Б. Асташова отмечается, что структура солдатского понятия «мы и они» не исчерпывается образами внешнего и внутреннего врага, а включает в себя и беженцев, и рабочих, и, что представляется важным, крестьян старшего поколения, оставшихся дома в деревне [2, с. 83].

По мнению С. В. Тютюкина, в массовом сознании Первая мировая война стала полнейшей неожиданностью и расценивалась как грандиозное стихийное бедствие и Божья кара за людские грехи. Беспрецедентный взрыв недовольства самых широких слоев населения действиями царского правительства приходится уже на 1915 г., а последний всплеск патриотических настроений в армии и в тылу, который сменился затем глубоким пессимизмом и даже чувством безнадежности, вызывают сообщения о Брусиловском прорыве [87, с. 125–126, 131].

В целом нельзя не приветствовать заметный рост интереса к данной проблематике, проявившийся в начале 2000-х гг., введение в научный оборот новых источников по этим вопросам [14; 49; 89]. Тем не менее, во многих отношениях исследовательское поле остается ограниченным простой констатацией признаков падения патриотических настроений и роста проявлений массового недовольства вплоть до десакрализации монарха, а также пересказом источников, отражающих массовые представления лишь опосредованно. А ведь на сегодняшний день уже апробирована методика использования количественных методов исторического анализа и новейших междисциплинарных подходов.

В последние годы в научной литературе заметным явлением становится расширение предметной области исследований, что выступает признаком перехода историографии вопроса на новый уровень развития. Одним из важнейших

параметров научного анализа является изучение реакций крестьянской цивилизации на вызовы военного времени, начиная от мобилизационных кампаний и заканчивая деградацией хозяйственной жизни деревни, опосредованной все тем же всеобщим призывом нижних чинов и ополченцев.

В одной из своих работ к рассмотрению мобилизационного потенциала Северного края и негативных последствий массовых военных мобилизаций обращается Т.И. Трошина [85]. Сравнительный анализ, выявление региональных особенностей проведения мобилизаций в Северном крае и Центральной России имеет высокий научный потенциал, позволяющий вскрыть максимально возможное число факторов и определить силу и направленность воздействия последних. Так, по словам Т.И. Трошиной, в период мобилизации власти ожидали огромный наплыв в северные губернии мужчин-отходников призывного возраста, что могло создать крайне напряженную ситуацию. Ведь первая после введения всеобщей воинской повинности массовая мобилизация запасных в 1904 г. была фактически сорвана из-за их повального пьянства. В 1914 г. власти учли прежние ошибки, и сбор запасных в уездах прошел спокойно, без существенных эксцессов [там же, с. 34–36]. В числе негативных последствий мобилизации исследователь называет процессы социальной дифференциации, в частности ровесников-земляков. По данным Т.И. Трошиной, к концу войны до 16 % лиц призывного возраста пользовались разного рода отсрочками или работали на оборонных предприятиях. Мобилизация по-разному отразилась на населении земледельческих и приморских уездов. К примеру, из северных уездов Архангельской и Олонецкой губерний, благодаря портовым и дорожным работам, было мобилизовано около 40 % крестьян, в то время как из земледельческих уездов – 55,3 %. Менялось и отношение к солдатам, возвращавшимся домой: общее восприятие северной деревней демобилизованных солдат было пренебрежительным и даже негативным [там же, с. 266–268, 275].

Появляются работы, посвященные непосредственно анализу образа врага в массовом сознании российского общества

в годы Первой мировой войны, растет интерес исследователей к изучению функционального предназначения фронтовых эпистолий, их влияния на процессы коммуникации и массовые настроения населения тыловых регионов, а психология человека с ружьем раскрывается через призму литературных образов периода 1914–1918 гг. [35; 36; 40]. Тем самым можно отметить актуализацию теоретических и источниковедческих аспектов интересующей нас проблематики.

Столетняя годовщина начала военного конфликта, отложившегося в сознании современников как «Великая» или «германская» война, явилась мощным стимулом для подлинного открытия этой эпохи, переосмысления оценок и выводов. Одним из важнейших направлений исследовательской работы становится скрупулезный поиск и введение в научный оборот новых документальных и визуальных источников по истории Первой мировой как на центральном, так и региональном уровне.

В 2014 г. широкой аудитории были представлены дневники и воспоминания непосредственных участников Первой мировой войны: А. Я. Семакова, ротного писаря, принимавшего участие в боях в Восточной Пруссии, нижнего чина, георгиевского кавалера Е. В. Тумиловича, описавшего эпизоды Брусиловского прорыва, прапорщика К. В. Ананьева, запечатлевшего в своей памяти сражения осенью – зимой 1916 г. [68]. Опубликованные материалы позволяют детализировать, оповседневить военную историю, создать ее историко-антропологический ракурс, в том числе и относительно отдельных аспектов проведения мобилизационных кампаний.

Уникальным проектом, не имеющим аналогов в пензенской исторической науке, стала подготовка к выходу двухтомного сборника документов, отразившего все многообразие «ликов» военной действительности [51; 52]. Издание создано при активной поддержке коллектива ГБУ «Государственный архив Пензенской области», но главная заслуга выхода в свет выполненного на академическом уровне сборника принадлежит его ответственному составителю и главному редактору В. В. Кондрашину. Открывает издание обширный

очерк, характеризующий основные события и процессы Первой мировой войны в региональном аспекте. Автору удалось сфокусировать внимание будущих исследователей на ключевых направлениях анализа исторического материала [39]. Важнейшим разделом сборника стала подборка документов, посвященных организации и проведению мобилизационных мероприятий. В аналитическом экскурсе, предваряющем коллекцию документальных источников, автор отмечает, что началом отсчета военного времени для жителей Пензенской губернии становится 16 июля 1914 г.: именно в этот день был обнародован циркуляр местного губернатора А.П. Лилиенфельда-Тоаля о предстоящей мобилизации. Исследователю удалось выяснить, что всеобщая мобилизация в губернии началась раньше официального объявления – 17 июля 1914 г., что создало дополнительные организационные препятствия для отправки призывников [там же, с. 12].

В 2014 г. активизировалась работа научных форумов, выбравших своим ракурсом проблематику Первой мировой войны. Так, аспектам источниковедческого анализа была посвящена работа научно-практической конференции, организованной Российским обществом историков-архивистов и объединившей зарубежных и российских исследователей Первой мировой войны. В ходе обсуждения были обозначены, в том числе, и региональные особенности формирования корпуса источников по интересующей нас тематике [34; 75]. Вместе с тем, необходимо признать, что вопросы организации и проведения мобилизационных кампаний по-прежнему представлены в научных докладах лишь фрагментарно, в основном, как отголоски, последствия, прямые и косвенные результаты процессов, затронувших многомиллионную массу российского крестьянства и городского населения [6].

В преддверии 100-летия начала Первой мировой войны практически в каждом регионе прошли научно-практические конференции, посвященные этой памятной дате. Историков, представивших результаты своих исследований, объединила необходимость осмысления последствий военного конфликта в российском и всемирном контексте. Одним из наиболее

представительных по географии участников стал научный форум в Архангельске, пожалуй, единственном регионе в современной России, по территории которого проходила линия фронта в период Великой войны [70]. Так, в докладе Т. И. Трошиной были затронуты вопросы, связанные с организационными мероприятиями государственных структур по снижению социальных издержек, вызванных проведением всеобщей мобилизации. Усиление социальной активности государства, по мнению автора, приходится на предвоенные годы: это и пакет законов 1912 г., касавшихся поддержки семей мобилизованных в случае военных действий, и антиалкогольные кампании, финансируемые из государственного бюджета. Однако, несмотря на существовавшие на момент начала войны и нормативную базу, и опыт социальной поддержки отдельных групп населения, результаты усилий государства, как отмечает автор, оказались плачевными. В этих условиях, скажем, казенное пособие, «призванное смягчить падение уровня жизни в связи с потерей взятого на войну кормильца, в реальности способствовало имущественному расслоению солдатских семей» [86].

Значимым событием для пензенской научной общественности стало проведение 10–11 июня 2014 г. международной научно-практической конференции «Первая мировая война в истории российской нации». Участие признанных авторитетов в сфере военной истории, аграрных отношений, крестьяноведения, истории повседневности (среди них: Брюс В. Миннинг (США), Н. С. Тархова, П. С. Кабытов и др.) позволило раскрыть важнейшие закономерности и взаимосвязи в истории той всемирной катастрофы, определить направления и сформировать программу последующих научных поисков [69]. В работах участников конференции были представлены и сюжеты, связанные с проблемой всей совокупности организационных мероприятий по проведению мобилизационных кампаний. В частности, С. В. Белоусов рассмотрел содержание и порядок реализации мобилизационных планов в отношении Пензенской губернии. По данным автора, уже 18 июля 1914 г. в Пензе на базе 45-й дивизии началось формирование второочередной 80-й пехотной дивизии, а на базе 45-й

артиллерийской бригады – 80-й артиллерийской бригады [3, с. 5]. Анализируя деятельность органов местного самоуправления в период Первой мировой войны, О. А. Сухова непосредственно обращается к проблемам участия Пензенской городской думы в проведении мобилизационных кампаний. В числе конкретных решений в этом отношении: создание Попечительства по призрению семей нижних чинов, призванных на военную службу, организация проводов из Пензы воинских частей (поднесение икон, выделение средств для раздачи нижним чинам, изготовление знамен для ополченческих дружин и пр.) [83, с. 146].

Определенным итогом научных изысканий в деле изучения региональных аспектов истории России в эпоху Первой мировой войны стало появление коллективной монографии «Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны» [4]. Основная задача исследования раскрывается посредством анализа наиболее значимых аспектов социокультурного взаимодействия, в том числе и на примере проведения мобилизационных кампаний, вызвавших ломку повседневных практик как государственных структур и органов самоуправления, так и рядовых обывателей города и деревни, потенциальных нижних чинов и ополченцев. По мнению авторов, масштабные мобилизационные кампании, затронувшие в основном сельское население губернии (46,7% трудоспособных мужчин Пензенской губернии были призваны в действующую армию), стали фактором колоссальных социально-демографических сдвигов, влияние которых ощущалось в регионе и многие десятилетия спустя: это и появление устойчивой тенденции к углублению пролетаризации деревни, и трансформация гендерных ролей и пр. [там же, с. 276–277].

Таким образом, результаты развития российской историографии Первой мировой войны в целом и мобилизационных кампаний в частности свидетельствуют и о значительных успехах в ряде направлений, как то: введении в научный оборот новых комплексов архивных документов, источников личного происхождения (дневниковых записей, мемуаров, эпистолий); серьезных изменениях в сфере методологии

изучения проблемы (заметна тенденция к усилению междисциплинарности исследований – на стыке гуманитарных и общественных наук), обращении к историко-антропологическому ракурсу в общем контексте истории и социологии повседневности, менталитета и социальной психологии и т.д.; появлении значительных работ (научных статей, монографий) обобщающего характера. Серьезные достижения в области исследований о Первой мировой войне, несмотря на проявляющуюся порой конъюнктурную актуализацию, доминанту социально-политической проблематики, позволяют уверенно обозначить параметры исследовательского поля по решению задачи создания комплексного труда, посвященного истории военно-мобилизационных мероприятий в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья.

* * *

Событием эпохального значения, кардинально изменившим весь ход российской истории, стала Первая мировая война. Известие о начале мобилизации в провинциальном обществе было встречено с оптимизмом и радостным возбуждением. Ведь в контексте «очищающего» значения войны возрождение традиционных представлений народа (о месте и роли России в мировой истории, о прекращении розни во имя защиты Отечества – словом, всего того, что лежало в основе нравственного идеала еще в период формирования великорусской народности) должно было способствовать преодолению в общественном сознании состояния «межвременья», дезориентированности, вызванного темпами и масштабами российской модернизации. Указ об объявлении всеобщей мобилизации от 18 июля 1914 г. выглядел привычным средством восстановления единства в обществе, исправления нравственности, возрождения лучших качеств национального самосознания. Как уже говорилось, по данным В.В. Кондрашина, точкой отсчета военных испытаний, выпавших на долю пензяков, стала публикация циркуляра губернатора А.П. Лиленфельд-Тоалья о предстоящей мобилизации 16 июля 1914 г. Сама мобилизация началась в губернии 17 июля 1914 г., на день ранее официально объявленной [39, с. 12].

Газеты твердили «о воспитательной роли войны» – якобы «увязнувший среди повседневных мелочей ум человеческий вдруг поднимается на такую высоту...». Появились предложения «не открывать винных лавок на все время войны», сообщалось о «совершенно трезвых свадьбах и похоронах», о том, что уборка хлебов шла «нынешний год даже успешнее чем прежде, так как не было гulyных дней» [59].

Удушающая затхлость общественной атмосферы сменялась всеобщим ликованием и радостным оживлением, а массовые манифестации по случаю объявления войны напоминали по своей форме масленичные народные гулянья [84, с. 291]. В Пензе, 18 июля, узнав об объявлении мобилизации запасных в действующую армию, манифестанты «числом не менее 2000 преимущественно интеллигентной публики и учащейся молодежи, с пением гимна “Боже, Царя храни” и криками “Ура” в 11 часов вечера пришли из города в лагерное расположение 177-го Изборского полка с большими портретами Государя Императора и с национальными флагами». Командир полка был встречен овацией, многократными криками «Ура». После произнесения торжественной речи, приличествовавшей случаю, его подняли на руки и долго качали. Затем «в сопровождении музыки» манифестанты направились в Венденский полк. И наконец, прошествовав по улицам города до ул. Троицкой, разошлись около 2 часов ночи. «Порядок все время был образцовый» [54].

Патриотический порыв охватил не только губернский центр. 24 июля по почину уездного земства состоялась патриотическая манифестация в г. Инсаре. Утром в присутствии представителей местных властей и чиновников в здании земской управы был отслужен молебен «о даровании победы», после которого «толпы народа с портретами Государя Императора, национальными флагами и оркестром отправились к собору». Местные торговцы в знак солидарности закрыли магазины и лавки. От Соборной площади с пением «Спаси, Господи, люди твоя» манифестанты двинулись по главной улице города к воинским казармам [56].

На станции Канаевка Городищенского уезда 6 декабря 1914 г., по инициативе служащих железной дороги, был отслужен торжественный молебен о здравии государя и даровании победы русским войскам. Присутствовали не только служащие, но и большая масса крестьян. После молебна началось шествие с государственными флагами и пением гимна [62].

Отношение «деревни» к «грядущим историческим событиям» современники характеризовали почти как «религиозное». 22 июля 1914 г. с амвона многочисленных храмов Пензенской губернии «при огромном стечении молящихся» приходские священники огласили манифест об объявлении войны, становясь предвестниками новой эры. Во многих населенных пунктах о начале войны узнали одновременно с началом мобилизации. Так, в с. Дегилевка Саранского уезда, где местные жители не выписывали газет, к тому же в страдную пору и села-то своего не покидали (да и до волостного правления – 12 км), крестьяне пребывали в полном неведении относительно военных действий. Здесь известие об объявлении войны вызвало настоящий шок. После молебна, когда «народная масса при звоне колоколов запела хором “Спаси, Господи”, многие под влиянием нахлынувших чувств навзрыд плакали» [55; 57; 58].

Менялись, казалось, и ставшие уже привычными поведенческие стереотипы деревенского жителя: «Прежде, в пьяное время, читать было некогда – досуги целиком уходили на пирушки, сплетни, драки и, в лучшем случае, сон... Теперь желанным гостем в деревне стал “книгопродавец-разносчик” и, помимо модных новинок (вроде “Как чорт выдумал Вильгельма” и т.п.), охотно берутся книжки географического и исторического характера, а также религиозные». С наступлением трезвости будто и хулиганство умерло своей естественной смертью [53]. Крестьяне стали интересоваться политикой, ходом военных действий, усилилось доверие к печатному слову. По сообщениям корреспондентов «Вестника Пензенского Земства» из Керенского уезда, «поразительно изменилась психология крестьянства, исчезло равнодушные к общественным явлениям. Крестьяне стали с большим

интересом относиться к военным событиям, газеты берутся нарасхват. Деревенские жители с нетерпением ждут книжек о войне. Среди крестьян организуются сборы в пользу раненых и на нужды войны. Жертвуют не только деньги, которых почти нет у крестьян, но и продукты собственного хозяйства: пеньковую пряжу, холсты, полотенца. В некоторых селах образуются крестьянские комитеты, которые организуют сборы. Односельчане помогают семьям мобилизованных с уборкой урожая. Наблюдается повсеместная трезвость. Все надеются, что русское общество с достоинством и во всеоружии встретит испытания грядущего времени и выйдет победителем из борьбы с бедствием, как наши воины придут с победой, и готовы отдать все свои силы и средства и Родине и солдату» [9].

Даже в небольших селах Пензенской губернии крестьяне, пострадавшие от недорода хлебов, в 1914 г. готовы были жертвовать на нужды войны последние запасы. Так, жители с. Нагорная Пелетьма Мокшанского уезда нашли возможность собрать 78 пудов хлеба и продали его с торгов, а вырученные средства пошли в сельское общество пожертвований.

Проведение мобилизационных кампаний в условиях начавшейся войны следует считать первым и, пожалуй, самым серьезным испытанием для российского общества. В целом, если верить данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проводившейся летом 1917 г., из сельских местностей 75 губерний и областей Российской империи было мобилизовано 12 861,4 тыс. человек, в том числе из 47 губерний Европейской России – 10 932,6 тыс. [1, с. 188–189].

В июле 1914 г. впервые в российской истории проводился действительно всеобщий призыв на военную службу: в самом начале войны деревня потеряла около 2,5 млн. человек, или 14 % всей мужской полнорбочей силы [5, с. 13]. В 1914 г. мобилизационные кампании в губернии проводились 17 и 28 июля, а также 20 сентября [18, д. 13, л. 368]¹.

¹ В ходе первой кампании были призваны все запасные – свыше 2 500 тыс. человек по всей империи. В ходе второй мобилизации, объявленной 21 июля, начался призыв ратников государственного ополчения 1-го разряда (в общей сложности – до 800 тыс. человек) [5, с. 12–13].

Становится очевидным, что в условиях войны основным фактором, угрожавшим не только сохранению социально-политической стабильности, но и разрывававшим пространство обыденной реальности, нарушавшим темпорально-пространственные характеристики повседневности, выступал стремительный рост миграционной активности населения, перемещений значительных масс людей, будь то ратники, военнопленные или беженцы. Само по себе увеличение концентрации людей в том или ином населенном пункте препятствовало эффективному удовлетворению повседневных потребностей, чем и создавало основу для возникновения массовых форм поведения (массовой паники, либо массовой агрессии).

Положение усугублялось и еще более осложнялось тем, что начало мобилизационной кампании пришлось на период страды при достаточно неблагоприятных видах на урожай 1914 г. в Европейской России. «Полный неурожай во многих местах губернии, – писал в докладе царю пензенский губернатор, – создал удрученное и несколько тревожное состояние духа» [5, с. 13]. Имела место и неразбериха с первым днем явки призванных, кроме того, в действие вводилось старое мобрасписание, расчеты по которому уже устарели [74, с. 21].

В кратчайшие сроки и в небывалых ранее масштабах местные власти вынуждены были решать огромное количество проблем как организационного (обеспечение сопровождения, питания и т.д.), так и идеологического характера (информирование призывников об условиях содержания их семей и пр.). Естественным результатом проведения «всеобщей» мобилизации при отсутствии периода апробации и согласования необходимых мероприятий силами целого ряда служб становятся сбои в решении организационных вопросов.

В этих условиях патриотический подъем, захвативший в июльские дни общественное сознание, был омрачен целым рядом случаев агрессивного поведения призывников, зафиксированных практически в половине всех губерний империи, главным образом в восточной части Европейской России. Наиболее масштабные выступления произошли

в Пензенской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Пермской и ряде других губерний.

Как отмечает А.В. Посадский, в Саратовской губернии в первые же дни мобилизации власти столкнулись с серьезными проблемами по размещению и продовольственному обеспечению призванных. Помещения, где предполагалось организовать ночлег для запасных (реальные училища, гимназии, школы), были явно для него не предназначены (спать приходилось на голом полу). Очагов для варки и кухонных помещений не хватало, так что обедали во много смен до позднего вечера. Не было и необходимого количества офицеров, и призывники оказались предоставлены сами себе. От массовых беспорядков спасало распоряжение губернатора об ограничении мобилизации только 1913 г. Согласно же распоряжениям Главного штаба, требовалось призвать ратников за 6 последних лет. И тем не менее, серьезные опасения городских властей вызывало любое промедление с отправкой призывников. Так, к концу июля 1914 г. в г. Сердобске было сосредоточено уже до 2000 ратников. Учитывая, что в ожидании отправки военнослужащих в городе находились и их родственники, исправник тревожился из-за угрозы погромов, требуя или скорейшей отправки запасных или их роспуска по домам для завершения полевых работ [там же, с. 64–65]. По данным Е. Ю. Семеновой, в июльский призыв 1914 г. в г. Бугульме Самарской губернии собралось до 11 тыс. запасных при численности горожан в 9 тыс., в Саратове – до 31,5 тыс. при населении в 242,4 тыс., в г. Аткарске Саратовской губернии призывников насчитывалось до 35 тыс. на 13,8 тыс. горожан, в Сердобске той же губернии – около 2 тыс. при 23,8 тыс. жителей города [78, с. 133].

Фактором радикализации массовых настроений в местах скопления запасных можно рассматривать и неразбериху с определением даты начала мобилизационных мероприятий. Так, в Пензенской губернии запасные нижние чины Липяговской волости были отправлены на станцию Кольшлей Рязано-Уральской железной дороги 17 июля. Администрация же последней, имея предписание о начале мобилизации 18 июля,

в посадке им отказала, вследствие чего запасные остались без довольствия. И только случайное стечение обстоятельств предотвратило угрозу погрома: в это время на станции находился член Пензенской губернской земской управы В. В. Вырубов, который из собственных средств выдал на питание нижним чинам 55 рублей («по расчету 25 копеек на каждого запасного») [51, с. 74].

Волнения, вызванные мобилизацией и именуемые в полицейских документах «пьяными бунтами», а в советской историографии «стихийным выражением ненависти народных масс к грабительской войне, затеянной империалистами» [5, с. 8]¹, были обусловлены рядом объективных причин.

Прежде всего, речь идет о существовании долговременной традиции регулирования сверхсильных переживаний, появление которых было спровоцировано возможной угрозой физической гибели. Как оказалось, в новых условиях реализовать прежний ритуал проводов в армию (напомним, что использование вина в крестьянской повседневной культуре носило знаковый, можно даже сказать сакрализированный характер, оценивалось как способ психологической релаксации мобилизованных) стало достаточно проблематично. Жесткое рассогласование, блокировка представлений массового сознания о востребованности и оправданности существования определенного поведенческого стереотипа, известного как «гульба» призывников, и наличной ситуации, представленной закрытием «казенок», в добавление к общей тенденции роста преступности и девиантных форм поведения в молодежной среде в конечном итоге вылились в погромные выступления. Объясняя действия призывников «взрывом озорских и буйных наклонностей в сельской местности», отмечая «уверенность в своей безнаказанности, по примеру таких же грабежей при мобилизации во время войны с Японией, когда нападения на винокуренные лавки и расхищение вина из них в Саратовской губернии почему-то не получили возмездия» [42, с. 122–123], местные власти невольно

¹ Аналогичные оценки встречаются и у А. М. Гребнева [27, с. 127].

фиксируют существование определенного поведенческого стереотипа, позволявшего регулировать массовые психические состояния.

В крестьянском сознании подобное поведение оправдывалось именно жертвенным характером войны («перед смертью все дозволено»). В образе «солдата» традиционно главной темой, обусловленной одним из первичных инстинктов человека, был «страх смерти», ощущение возможности или неизбежности которой снимало многие ограничительные запреты на поведенческие нормы патриархального общества. Первая мировая война, с ее позиционным характером, неясными целями и масштабностью социокультурного воздействия, вообще многократно усиливала звучание архаических образов. Именно массовость подобных суждений позволила С. Федорченко запечатлеть это в качестве литературного образа: «С водкой сердцу в кулак не вступить. Кабы водку не запретили, не добыть бы нам свободы» [88, с. 101]. Поэтому пути перемещения призванных были отмечены всевозможными эксцессами, связанными, главным образом, с поисками алкоголя. Так, 21 июля на станции Ртищево запасные Петровского уезда во время следования поезда разгромили казенку. По дороге в Пензу пьяные выбивали стекла и бесчинствовали на станциях. 22-го июля в Ртищево прибыли запасные Саратовского и Аткарского уездов и разгромили склад этой лавки [74, с. 65].

С другой стороны, проведение мобилизации в разгар полевых работ породило новое противоречие, сопряженное с представлениями о сезонности земледельческого труда и патерналистской схемой социальных связей, что находит свое отражение в требовании обеспечения семей запасных государственными пособиями [72, с. 111]. В документах местных ГЖУ особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение пособия вызывала ропот и возмущение среди «жен призванных» [90, д. 2127, л. 4]. Поэтому волнения в дни мобилизации имели место как в губерниях с плохим урожаем, так и, скажем, в Западной Сибири, где урожайность зерновых превысила прошлогодние показатели на 42% [5, с. 13].

Обращает на себя внимание, что самым непосредственным фактором радикализации массовых настроений становится распространение стереотипов деструктивного поведения среди крестьянской молодежи. Деревня пожинала плоды своей эмансипации. Пробуждение личности и стремление отстоять свое достоинство, развитие частной инициативы и предприимчивости расширяли рамки дозволенного, принятых моральных устоев и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной форме, что, в свою очередь, благоприятствовало количественному росту мелкой преступности [48, с. 38]. Рассматривая делопроизводственную документацию губернаторских канцелярий в отношении фиксации нарушений населением «Обязательных постановлений об усиленной охране...», изданных 27 июля 1914 г., исследователь невольно приходит к выводу о наращивании социальной конфликтности как своеобразной психологической реакции деревенского социума на начало войны. Перспективы грядущей мобилизации послужили дополнительным фактором снижения функции социального контроля применительно к общинной организации, а следовательно, роста проявлений девиантного поведения в подростковой среде [15, д. 7978, л. 37; д. 7979, л. 282–284; д. 7985, л. 70 и др.]. В дальнейшем, несмотря на существование официального запрета на ношение даже холодного оружия¹, не говоря уже об огнестрельном, широкое распространение в молодежной среде получают самодельные «курковые пистолеты», сопровождающие теперь хулиганские выходы деревенских подростков [там же, д. 8014, л. 26].

Косвенным указанием на масштабы недовольства являются статистические данные о жертвах участников волнений среди призывников. По сведениям А. Б. Беркевича, за период мобилизации, с 19 июля по 1 августа 1914 г., при подавлении выступлений было убито и ранено 505 человек со стороны «мятежников» и до 106 должностных лиц [5, с. 40–41].

¹ В Пензенской губернии обязательное постановление губернатора о воспрещении ношения холодного оружия датируется 6 сентября 1914 г.

18 июля 1914 г. призванные запасные Маисской волости Городищенского уезда Пензенской губернии в числе 215 человек разгромили по пути следования казенную винную лавку в с. Столыпине того же уезда и уничтожили там вино. Для обеспечения порядка губернатор направил туда роту пехоты. Но уже на следующий день в селе вновь была разгромлена казенная винная лавка. Многие призванные изменили маршрут следования, значительная часть их разбрелась по лесу [27, с. 127–128].

По свидетельству Краснослободского уездного исправника, 21 июля 1914 г., направляясь из г. Краснослободска в г. Троицк, партия запасных нижних чинов в числе 490 человек совершила нападение на казенную винную лавку с. Малый Азясь [15, д. 7988, л. 24–33]. В погроме участвовало практически все население села. Остановить толпу в 2000 человек двум чинам полиции не удалось. Крестьяне под руководством запасного Тимофея Мартынова нанесли побои охранявшим винную лавку стражнику Кузнецову и уряднику Мельникову и, выбив окна, стали расхищать вино. По словам продавщицы казенной винной лавки № 353 А. Л. Машковой, было расхищено спирта 19 сотых ведра и вина 76 ведра на сумму 702 рубля, лично принадлежавшего ей имущества на 20 рублей, уничтожена и поломана казенная обстановка на 5 рублей 50 копеек и кружка для сбора пожертвований на слепых. Погром становится общим для всего села делом. Так, в ходе дознания крестьянка с. Малый Азясь Ефимия Тимофеевна Токарева, 22 лет, отметила, что днем 21 июля она «действительно подняла с земли на улице около винной лавки две полбутылки вина, которые отнесла домой и распила с семейными» [там же, л. 31]. В результате столкновения полиция применила оружие, один из призывников был смертельно ранен [21, д. 138, ч. 49, л. 9].

Находившиеся на станции Инсар 20 июля 1914 г. запасные чины в количестве 1 105 человек пытались разнести железнодорожную станцию, трактир и казенную винную лавку. Вместе с провожающими их крестьянами они нанесли оскорбление командующему Казанским военным округом генерал-адъютанту Маврину. До крестьян власти вовремя не

довели принятое решение о закрытии винных лавок, они «не могли примириться с тем, что провожали своих детей на войну, не выпивши». Порядок наводили воинскими силами при содействии 5-го драгунского Каргопольского полка, 36 человек запасных были изолированы, 4 арестованы [16, д. 603, л. 76–77; 18, с. 128].

Министр внутренних дел телеграммой предупреждал Пензенского губернатора о его «бездеятельности» по отношению к самовольным действиям запасных чинов. Губернатор же в ответной телеграмме указывал, что не следует приписывать «случаи безобразия отдельных партий запасных бездействию властей. Безобразия прекращаются со всей возможной энергией». При этом губернатор заверил, что подобных фактов не повторится. На пунктах сбора и пути следования были сосредоточены полицейские чины и воинские части [27, с. 128].

Но уже через несколько дней губернатор вынужден был докладывать министру внутренних дел, что партия запасных нижних чинов количеством 1 400 человек по пути следования на станцию Арапово Наровчатского уезда вновь совершила нападение на винные лавки. В район волнений были срочно направлены стражники из Наровчата и Инсара для сопровождения призывников. В результате столкновения они открыли огонь по нападавшим, убив одного и ранив шестерых человек. Запасных силой загнали в вагоны [там же].

Эпицентром погромных настроений становится Саратовская губерния. «Объявление мобилизации, – отмечал саратовский губернатор, – сопровождалось высоким подъемом в городах и взрывом озорства и буйных наклонностей обычно спокойного населения сельских местностей. Крутые меры, вплоть до расстрела толпы в Царицыне и Вольске, обнародованные по телеграфу сведения об обеспечении семей запасных, а равно уничтожение казенного вина в течение нескольких дней восстановили порядок» [5, с. 17]. В г. Царицыне, где жертвы были наиболее многочисленными (21 июля погибло 20 и было ранено 24 участника выступления), процессу массовизации способствовало отсутствие достоверной

информации относительно выдачи пособия семьям запасных, и основную роль в беспорядках, вылившихся в разгром сборного пункта, сыграли здесь женщины – жены призывников [там же]. Как отмечает А. В. Посадский, события, повлекшие столь трагичный финал, первоначально развивались по «патриотическому» сценарию. Еще вечером 18 июля около 300 местных жителей и запасные нижние чины в поселке при заводе «Урал-Волга» устроили патриотическую манифестацию. Такая же манифестация общей численностью до 5 000 человек состоялась и в городе. По просьбе участников духовенство отслужило молебен. Запасные, принятые в этот день, в количестве 860 человек мирно отправились в лагерь местного полка. Но 21-го июля прибыли мобилизованные из уезда. Этим же утром при их участии толпа в несколько тысяч женщин потребовала немедленной выдачи пособий за мужей [74, с. 70].

Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происходившего, ощущение состояния фрустрации как блокировки всех надежд в дополнение к особенностям крестьянской психологии, выраженным склонностью к коллективным способам мышления и поведения, – вот перечень условий формирования определенного состояния сознания, при котором достаточно любого, даже самого незначительного повода для перехода социальной динамики на уровень агрессии. Сам повод в различных его вариациях, вызывавший проявления массового поведения, выполнял исключительно функцию провоцирования толпы на решительные действия и не отражал реального содержания социальных представлений и ощущений [15, д. 7979, л. 82]. Так, 24 июля, по распоряжению Саратовского акцизного надзора, в с. Сосновке продавцы при содействии полиции приступили к уничтожению вина в местной казенной лавке. Узнав об этом, крестьяне совершили нападение на казенку и расхитили до 65 ведер вина. В соседней Вертуновке сигналом к погрому стали слухи, что все казенное вино в Сосновке и на станции Тамала отчасти уничтожено, а отчасти расхищено, то же будет и в Вертуновке, так что нужно этим воспользоваться, а то зря пропадет. Под

влиянием этих слухов около закрытой лавки собралось до 2000 крестьян окрестных сел. Увещевания сельской администрации и полиции не подействовали. Окна в лавке были выбиты и за час крестьяне вынесли 372 ведра вина и 20 рублей. При розыске похищенного выяснилось, что большей частью вино было распито или передано в другие деревни [74, с. 66].

Все чаще в полицейских сводках фиксировалось преимущественное участие молодежи в погромных выступлениях. Например, в с. Солодче Саратовской губернии в разгроме казенки 26 июля 1914 г. участвовала в основном «все молодежь». В числе обвиняемых по делу о разгроме винной лавки в с. Переезде Аткарского уезда той же губернии 23 июля 1914 г. оказалось семь подростков 12–16 лет, освобожденных в дальнейшем от ответственности по малолетству, в том числе три девочки. В общей сложности к денежному штрафу или тюремному заключению было приговорено 43 чел., 18 из которых – в возрасте до 30 лет [24, д. 9469, л. 11–12].

Погромы казенных винных лавок и другие проявления деструктивного поведения, свойственные российскому крестьянству на начальном этапе войны, не имели в дальнейшем четко выраженной динамики и представляли собой, пожалуй, первую, во многом чисто эмоциональную реакцию деревни на ставшую суровой реальностью военную действительность. Однако крестьянин-ратник как носитель маргинальных этических идеалов, как своего рода простейший элемент толпы-массы надолго получит «прописку» в городах региона, и стереотип «солдатского» поведения постепенно превратится из аномалии в норму повседневной жизни [22, д. 60, ч. 7, л. 19–20; 15, д. 62, ч. 3, л. 4].

* * *

Несмотря на то, что Пензенская губерния находилась далеко от театра военных действий, в годы Первой мировой на ее территории располагались и формировались различные воинские части. В частности, еще в 1910 г. в Пензу и Пензенскую губернию из Виленского военного округа была передислоцирована 45-я пехотная дивизия. Расквартированные же до этого в губернии части (195-й пех. Оровайский и 196-й

пех. Инсарский полки) реорганизовывались и направлялись на Урал [32, с. 41–42]. По официальной информации, переброска войск с Вислы и Немана вглубь страны (V армейского корпуса и новой 46-й пехотной дивизии – из Варшавского в Московский военный округ, XVI армейского корпуса, куда входила и 45-я пехотная дивизия, – из Виленского в Казанский) была предпринята для того, чтобы «приблизить войска к местам их комплектования». Однако, по справедливому замечанию А. А. Керсновского, эта передислокация ничуть не ускоряла, а, напротив, даже замедляла боевое развертывание войск, так как в случае начала войны потребовалась бы переброска к западным границам всего личного состава дивизий, а не только призванных по мобилизации запасных, что привело бы к необходимости увеличения количества эшелонов. По мнению А. А. Керсновского, передислокация частей имела несколько иное значение: создать в центральной части России резерв в 5 дивизий на случай войны с Японией или Турцией, а также иметь войска для подавления возможных революционных выступлений в Поволжье [38, с. 473–474].

45-я пехотная дивизия (ком. ген.-лейт. И. Р. Гершельман) состояла из двух пехотных бригад. В первую входили 177-й пех. Изборский полк (ком. полк. князь Н. П. Стокасимов), располагавшийся в Пензе и имевший по две роты в Мокшане и Чембаре, и 178-й пех. Венденский полк (ком. полк. С. Н. Розанов), также дислоцировавшийся в Пензе. Во вторую – 179-й пех. Усть-Двинский полк, стоявший в г. Сызрань Симбирской губернии, и 180-й пех. Виндавский полк, находившийся в Саранске. Кроме того, в Пензе располагались 45-я артиллерийская бригада, 16-й мортирный артиллерийский дивизион и 29-й парковый артиллерийский дивизион.

В Ведомости Главного управления Генерального штаба о размещении войск в Пензенской губернии на 20 мая 1910 г. содержатся следующие сведения о расквартировании частей 45-й пехотной дивизии в Пензе. Штаб и два батальона 177-го пех. Изборского полка по прибытии в губернский центр должны были быть размещены в казармах 213-го пех. резервного Оровайского полка (т.н. Финогеевские казармы,

располагавшиеся близ вокзала Сызрано-Вяземской железной дороги у Ярмарочной площади), которые предполагалось отремонтировать к приходу войск. 3-й батальон размещался в т.н. ярмарочных бараках. 178-й пех. Венденский полк располагался в казармах 216-го пех. резервного Инсарского полка, находившихся у Тамбовской заставы в квартале Тамбовской, Суворовской и Пешей улиц. Для размещения 45-й артиллерийской бригады приспособлялись помещения для запасов обоих (213-го и 216-го) резервных полков [32, с. 36; 50, д. 538, л. 126–128, 131 об.–133]. Штаб 45-й пехотной дивизии находился на ул. Пешей (ныне ул. Богданова) в доме Мясоедова [77, д. 1, л. 2].

Уже 18 июля 1914 г. по мобилизационному плану в Пензенской губернии на базе 45-й дивизии началось формирование второочередной 80-й пехотной дивизии, а на базе 45-й артиллерийской бригады – 80-й артиллерийской бригады. После объявления мобилизации из каждого пехотного полка выделялось 19 офицеров, 1 военный чиновник и 262 нижних чина для комплектования полка 2-й очереди. Остальной личный состав, необходимый для пополнения полка до штатной численности военного времени, обеспечивался за счет призыва офицеров и нижних чинов запаса. Кроме того, при каждом полку в период мобилизации формировался запасной батальон 4-ротного, иногда 8-ротного состава, который в мирное время не существовал. Для его создания каждый пехотный полк выделял штаб-офицера, 6 обер-офицеров и 40 нижних чинов. Они составляли постоянный личный состав запасных батальонов, предназначенный для обучения призванных на военную службу чинов запаса и новобранцев, относившихся к переменному составу. Срок подготовки нижних чинов в запасном батальоне был около 1–1,5 месяца. После чего в составе маршевых рот они направлялись на фронт. В Пензенской губернии при 177-м пех. Изборском полку формировались 317-й пех. Дрисский полк (ком. полк. П.М. Будзилович) и 98-й запасной батальон, при 178-м пех. Венденском полку – 318-й пех. Черноярский полк (ком. полк. И.Ф. Лепик) и 99-й запасной батальон, при 180-м пех. Виндавском полку – 320-й

пех. Чембарский полк (ком. полк. Ильяшенко) и 101-й запасной батальон.

Пехотные дивизии 1-й очереди заканчивали свою мобилизацию на 8-й день. Уже 25–26 июля 1914 г. из Пензенской губернии началась отправка на фронт частей 45-й пехотной дивизии [19, д. 59, л. 6, 27–27 об.], которая вошла в состав XVI армейского корпуса (ком. ген. от инфантерии П. А. Гейсман) 4-й армии (командующий ген. от инфантерии барон А. Е. Зальца) Юго-Западного фронта (командующий ген. от артиллерии Н. И. Иванов).

Свое боевое крещение дивизия приняла в ходе Галицийской битвы. 10 августа 1914 г. 4-я армия (6 дивизий) двинулась в направлении на Перемышль. Ее базы совершенно не были оборудованы для столь дальней операции. Впрочем, наступать пришлось недолго. Навстречу из Таневских лесов шла вдвое превосходящая ее 1-я австро-венгерская армия генерала Данкля (12 дивизий). 11 августа под Красником XVI армейский и Гренадерский корпуса русской армии были разбиты. 12 августа 4-я армия стала откатываться к Люблину. В сражении при Краснике 109 тыс. русских войск при 352 орудиях противостояло 228 тыс. австро-венгров при 520 орудиях. Приказом от 22 августа 1914 г., а фактически с 12 августа, в 4-й армии произошли кадровые изменения. Генерал Зальца был смещен с занимаемой должности и заменен генералом от инфантерии А. Э. Эвертом. Командиром XVI армейского корпуса вместо генерала Гейсмана был назначен генерал от инфантерии В. Н. Клембовский.

В дальнейшем, в 1914–1915 гг., полки 45-й пехотной дивизии сражались под Люблином, Суходолом, Кельцами, на р. Сане, под Холмом, Вильной и у оз. Нарочь. В начале 1916 г. 45-я дивизия вошла в состав XIV армейского корпуса 1-й армии генерала А. И. Литвинова и находилась сначала в составе Северного, а затем Северо-Западного фронтов. К концу мая 1-я армия располагалась в районе Двинска. В 1917 г. XIV армейский корпус вошел в состав 5-й армии генерала Ю. Н. Данилова. 4–6 июля 45-я дивизия участвовала в подавлении вооруженного восстания большевиков в Петрограде [38, с. 491–763].

Второочередные дивизии должны были закончить свое развертывание между 15-м и 18-м днями после начала мобилизации. Вновь сформированная 80-я пехотная дивизия убыла из Пензенской губернии на фронт 7–9 августа [19, д. 59, л. 627–627 об.]. Она была направлена под Люблин, где шли тяжелые бои, на усиление 4-й армии. В декабре 1914 г. дивизия вошла в состав XXX армейского корпуса, который располагался вдоль главного хребта Карпат (от Турки до румынской границы) и вел упорные бои с противником за овладение Буковиной. В дальнейшем 80-я пехотная дивизия сражалась на Днестре и на Волыни, отличилась в ходе Брусиловского прорыва, действуя на Ковельском направлении. В конце ноября 1916 г. она была переброшена на Румынский фронт в Молдавские Карпаты и находилась там до окончания военных действий [38, с. 491–763].

После начала войны в Пензенской губернии стали формировать дружины государственного ополчения. В Пензе находился штаб 34-й бригады и дислоцировались 199-я и 200-я пешие дружины. В Инсаре располагался штаб 33-й бригады и формировались 194-я и 195-я пешие дружины, а также 33-я и 34-я ополченческие саперные полуроты. В Саранске дислоцировалась 193-я пешая дружина, в Нижнем Ломове – 196-я, в Мокшане – 197-я, в Городище – 198-я, в Чембаре – 201-я и 202-я, в Керенске – 533-я, в Краснослободске – 534-я, в Наровчатке – 535-я и 536-я пешие дружины. Все они были отправлены на фронт до конца 1914 г. [19, д. 59, л. 6, 12–12 об., 13–13 об., 16, 18–18 об., 21, 23, 27–27 об., 28].

Уже 16–20 октября началась отправка 34-й бригады государственного ополчения (199-й, 200-й, 201-й и 202-й пеших дружин). Она была направлена в г. Одессу и вошла в состав 7-й армии, которая имела задачей охрану побережья Черного моря и границы с Румынией. 13–16 апреля 1915 г. Пензенские дружины выступили из Одессы. 15–17 апреля они прибыли на ст. Новосельцы и походным порядком перешли границу Российской империи, вступив в пределы австро-венгерской Буковины. Уже в составе 9-й армии (командующий ген. от инфантерии П. А. Лечицкий) Юго-Западного фронта

(командующий ген. от артиллерии Н.И. Иванов) дружины приняли участие в наступлении вдоль р. Днестр.

26–27 апреля 1915 г. под фольварком Магалы состоялось боевое крещение Пензенских дружин. В сохранившихся письмах Н. Корнилина и А. Свиридова содержится описание этого боя. «Дорогие мама и батька, – писал ратник 200-й пехотной дружины Николай Корнилин домой в Пензу. – Сообщаю Вам о нашем славном бое в Буковине. Рано утром 26 апреля началась жаркая перестрелка между нашими дружинами и австрийцами. Перестрелка дошла до очень крупных размеров и вскоре превратилась в жаркий бой. Стойко и самоотверженно шла вперед наша дружина 200-я вместе с 203-й дружиной, как львы они делали наступление на австрийские деревни, впереди которых были расположены их окопы. Цель наступления наших была выбить австрийцев из окопов и занять все австрийские деревни <...>. Боже мой, что за день это был 26 апреля. Мне казалось, что треснет земля и небо упадет на землю: в воздухе непрерывный гул и грохот от взрывающихся снарядов <...>. Казалось, что все стонало. Вот под таким огнем наша славная дружина двигалась вперед и выбила австрийцев из их окопов, заняла их и вдобавок взяла 210 человек в плен. Заняв австрийские окопы и вытесняя австрийцев, которые стали отступать, наши солдаты из их же окопов открыли стрельбу по утекавшим врагам: масса легла австрийцев на поле брани. Наши тоже [понесли] здесь все-таки порядочный урон <...>. Представь, Ефимыч, как австрийцы боятся штыкового боя. Это видно из того, как только наши дружинники нагнали их и бросились в штыки, то австрийцы тут же не замедлили выбросить “белый флаг”. Разумеется из носового платка, прикрепленного к штыку из винтовки, и с криком “Христос Воскресе! Христос Воскресе! Пане солдате”, т.е. пан солдат, где наши и постарались забрать их в плен... Господи, сколько бы я мог сказать на словах, да разве все напишешь на бумаге <...>. Нет, я все-таки представить не могу, каков был этот денек <...>. Ну все же молодцы наши дружинники. Ей Богу молодцы. Ведь любо наступали они дружно, шли все цепью и в порядке, не отставая и не перегоняя друг друга, как

стена шли они на врага и геройски прогнали их далеко в свои пределы...» [20, д. 2, л. 273–274 об.].

В начале мая успешные боевые действия 9-й армии прекратились. В первых числах июня дружины вели ожесточенные бои в австрийской Буковине. Отступление соседней армии генерала Д. Г. Щербачева с Золотой Липы вынудило П. А. Лечицкого в 20-х числах июня начать отвод своих войск с занимаемых позиций.

Летом 1915 г. Пензенские дружины, к сентябрю переформированные в третьеочередные полки 102-й пехотной дивизии (407-й пех. Саранский и 408-й пех. Кузнецкий полки), вошли в состав вновь комплектуемого 39-го армейского корпуса (ком. ген. от инфантерии С. Ф. Стельницкий). 19 августа 1915 г. корпус был передан в состав 8-й армии (командующий ген. от кавалерии А. А. Брусилов). В 1916 г. он принял участие в Брусиловском прорыве, в ходе которого, в боях 23 мая, особенно отличился 407-й пех. Саранский полк, взявший 3 300 пленных и 8 пулеметов. В сентябре 1916 г. корпус был передан в состав Особой армии (командующий ген. от кавалерии В. И. Гурко) и принял участие в т. н. 5-м и 6-м Ковельских сражениях. В 1917 г. Особая армия находилась в Полесье [38, с. 491–763].

5–7 ноября 1914 г. из Пензенской губернии на Кавказский фронт были отправлены 193-я, 194-я, 195-я, 196-я, 197-я и 198-я пешие дружины (33-я бригада), в конце ноября – начале декабря туда же – 533-я, 534-я, 535-я и 536-я, а в феврале – марте 1915 г. убыли на фронт 550-я и 553-я пешие дружины, которые были сформированы в начале года [17, д. 247; 19, д. 59, л. 16, 38; 41, с. 186]. 33-я бригада ополчения была обращена на комплектование шести Пензенских стрелковых батальонов 2-й Закавказской стрелковой бригады, а также 23-го и 24-го Кавказских стрелковых полков.

К 1 января 1915 г. в городах Пензенской губернии продолжали оставаться довольно значительные гарнизоны. Самый крупный из них дислоцировался в Пензе. Здесь располагались 98-й, 99-й, 137-й и 140-й пехотные запасные батальоны, 688-я и 689-я пешие дружины, находились отдельные запаса и маршевых эскадронов Приморского драгунского

полка, Пензенская ремонтная комиссия артиллерийских лошадей, Команда выздоравливающих нижних чинов, Пензенский окружной эвакуационный пункт, Управление пензенского уездного воинского начальника, Пензенская конвойная команда, Управление коменданта железнодорожного участка станции Пенза, Управление начальника Пензенского отделения Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог, Управление Сердобского отделения Тамбово-Уральского жандармского полицейского управления железных дорог [19, д. 59, л. 9–9 об., 10]. В Инсаре дислоцировался 167-й пехотный запасной батальон, в Мокшане – 164-й, в Нижнем Ломове – 166-й, в Саранске – 101-й и 234-й пехотные запасные батальоны [там же, л. 12–12 об., 18–18 об., 23, 27–27 об.]. В апреле 1916 г. запасные батальоны были развернуты в запасные полки. На ст. Воейково Нижне-ломовского уезда находился запасной конный полк пограничной стражи [50, с. 35].

Численность гарнизонов была довольно значительной. Так, к октябрю 1915 г. в Саранске, где были сосредоточены 101-й и 234-й пехотные запасные батальоны, общее количество солдат насчитывало 13 496 человек, что «на несколько тысяч превышало взрослое население города» [71, с. 69]. По подсчетам Н. В. Полина, из запасных частей только двух уездных центров Пензенской губернии (Саранска и Инсара) за 1914–1916 гг. на фронт было отправлено 269 маршевых рот (около 74 тыс. человек) [там же].

Об особенностях содержания и обучения нижних чинов в запасных частях г. Пензы сохранились свидетельства В. А. Мишнина и Ф. Г. Матюшкина [29; 45]. Так, уроженец с. Кузоватово Симбирской губернии Ф. Г. Матюшкин, служивший в 137-м пехотном запасном полку, позднее вспоминал: «После двухнедельного карантина нас зачислили в стрелковые роты... В ротах ежедневно, кроме воскресных дней и религиозных праздников, проводились усиленные занятия по 12–15 ч., из них, как правило, больше половины времени уделяли на строевые занятия (муштровка), большое время уделяли также на словесность, совершенно мало времени было

на стрелковое дело и на тактические занятия... Срок обучения новобранцев был установлен около двух месяцев, но больше всего срок обучения зависел от военных событий на фронте. Затем отправляли их на фронт. За такой короткий срок обучения многие солдаты не осваивали элементарные знания военного дела, что необходимо знать солдату в боевой обстановке. Даже материальную часть винтовки, а это было личное оружие солдата, не могли освоить, как это положено. Да и не хватало их, так как на каждый стрелковый взвод выдавали по одной трехлинейной винтовке русского образца, а остальное оружие было заграничной марки (Гра, Виттерли, японки и наши старые берданки)» [45, с. 173–174].

В 1915–1917 гг. на основании приказов Верховного главнокомандующего и начальника штаба Верховного главнокомандующего проходило формирование дополнительных дружин ополчения. Известно, что в Пензенской губернии были образованы 724-я, 725-я, 726-я и 727-я пешие дружины.

К 1917 г. в Пензе дислоцировались 98-й, 99-й, 140-й и 241-й пехотные запасные полки, 688-я и 689-я пешие дружины, штабы 30-й пехотной запасной бригады и 55-й бригады государственного ополчения, Пензенский окружной эвакуационный пункт, Команда выздоравливающих нижних чинов, Управление пензенского уездного воинского начальника, Пензенская конвойная команда [10, д. 738, л. 15–15 об.]. В апреле 1917 г. в Пензенском гарнизоне насчитывалось свыше 53 тыс. солдат и офицеров [50, с. 35].

* * *

Мировая война стала мощнейшим фактором, нарушившим повседневную практику деятельности органов земского и городского самоуправления. С началом военных действий прежние формы работы наполнились чрезвычайным содержанием, появились не свойственные им ранее обязанности и полномочия. Также война послужила сильнейшим стимулом для самоорганизации земского и городского общественного движения. Первостатейным направлением деятельности земств и городов империи становится организация помощи «во всенародном деле призрения больных и раненых воинов».

Так, на свое первое в военную эпоху чрезвычайное заседание Пензенская городская дума собралась 22 июля 1914 г. Председатель собрания, городской голова И. Н. Ашанин зачитал присутствующим императорский Манифест об объявлении Германией войны России. Гласные в составе 24 человек выслушали его стоя [44, с. 34]. Патриотические настроения, ставшие в ту пору доминантой массового сознания, сформировали и первую реакцию думского корпуса: чтение телеграммы в зале заседаний прерывалось неоднократными возгласами «Ура».

Существо момента определял вопрос проведения мобилизационных кампаний. Со своей стороны Дума взяла на себя дополнительные обязательства по организации проводов из Пензы воинских частей. По ее решению каждой воинской части была поднесена икона с соответствующей надписью, из городского бюджета было выделено пять тысяч рублей для раздачи нижним чинам «взамен угощения».

Кроме того, было решено избрать попечительство по призрению семей нижних чинов, призванных на действительную службу. Гласный В. А. Герман, приглашая своих коллег принять участие в работе попечительства, отметил, что драматический кружок Народного театра имени В. Г. Белинского уже провел благотворительный спектакль, средства от которого в сумме 100 рублей были переданы городскому голове в пользу семей уходящих воинов.

В состав попечительства было избрано 12 гласных, в том числе: А. Г. Свинухов, И. В. Андреев, К. Т. Иванов, Е. П. Вострокнутов, С. П. Константинов, Н. Н. Мещеряков, И. И. Буров, Ф. И. Холмогоров, И. И. Сивохин, В. И. Севостьянов, В. А. Герман, В. М. Королько [там же, с. 35].

Не осталось местное самоуправление в стороне и от формирования государственного ополчения. В частности, в ответ на запрос губернатора от 22 октября 1914 года об изготовлении и передаче знамен ополченческим дружинам Городская дума выступила с инициативой об изготовлении одного из них. Еще 24 августа Николай II «Высочайше соизволил» передать знамена, пожалованные императором ополченцам в 1855 г. (зеленое полотнище с ополченческим крестом и надписью

«За Веру, Царя и Отечество») и хранившиеся до этого момента в кафедральном соборе, церквях и иных губернских хранилищах, в дружины формируемого государственного ополчения. В Пензенской губернии было скомплектовано пятнадцать дружин, в то время как наличных знамен было только одиннадцать [18, д. 733, л. 272–272 об.]. Стоимость работ по пошиву знамени составила 83 руб. 88 коп. [там же, л. 368 об.]. Два знамени для ополченческих дружин были изготовлены на средства губернского земства. В октябре 1914 г. состоялась их передача 196-й дружине в г. Нижнем Ломове и 535-й дружине в г. Наровчатке [33, с. 126]. Как отмечал в своей докладной записке наровчатский уездный исправник, 28 октября в г. Наровчатке в присутствии прибывшего из г. Пензы председателя губернской земской управы князя Кугушева и должностных лиц военного и гражданского ведомств, всего наличного числа ратников местных ополченческих дружин и большого числа посторонней публики состоялось вручение знамен 535-й и 536-й пешим Пензенским ополченческим дружинам. «По совершении в городском соборе молебствия и освещения знамен и приведения знаменосцев к присяге, Председатель Губернской земской управы князь Кугушев, Наровчатский городской голова Крюков и священник Троицкой приходской церкви последовательно обратились к дружинам с соответствующим событию словом. При чем князь Кугушев уяснил ратникам, какое значение для дружин имеет вручение им знамен. Торжество поднесения знамени прошло в полном порядке» [15, д. 7988, л. 486].

В 1915 г. в Губернскую земскую управу с просьбой изготовить ополченческие знамена обратились командиры 735-й и 736-й дружин, носивших название Пензенских, но расположенных в Самарканде, и командир 724-й пешей Пензенской дружины, находившейся в г. Хабаровске. Земство выделило на эти цели 684 руб. 79 коп. [31, с. 18].

Исключительные условия переживаемого военного времени потребовали от земского и городского общественного управления чрезвычайного напряжения сил и расходов как по оборудованию помещений, снабжению их инвентарем и пр.,

так и по призрению семей запасных нижних чинов и ратников государственного ополчения, призванных по мобилизации 17, 28 июля и 20 сентября 1914 г.

В кратчайшие сроки были произведены работы по устройству нар во всех казармах для запасных и ополченцев, а также военнопленных. Под временное жилье для размещения 199-й и 200-й дружин государственного ополчения, казачьей сотни, военнопленных был приспособлен ряд сараев, дополнительно возведены временные бараки. В полевом лагере для организации проводов войск был сооружен шатер, где проходили торжественные богослужения, во дворе воинского начальника устроена полевая кухня. На организацию угощения войскам, уходившим на фронт, было выделено свыше 800 руб. сверх ассигнованного Думой. По ее решению служащим городского общественного управления, призванным по мобилизации, было выдано ежемесячное пособие, а их семьи с августа по декабрь 1914 г. получали пособие в размере полумесячного содержания их кормильцев. В общей сложности непредвиденные расходы уже к концу ноября 1914 г. составили 4592 руб. 30 коп. [18, д. 733, л. 368–368 об.].

На основании закона 1912 г., семейства нижних чинов, находившихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или военных дружинах, пользовались правом на призрение за счет казны. Действие закона распространялось на ближайших родственников, как то: жену и не достигших 17-летнего возраста детей, отца, мать, деда, бабуку, братьев и сестер указанного лица, если они содержались за его счет. Общая стоимость пищевых продуктов, входивших в состав кормовой нормы, оценивалась в каждой губернии самостоятельно.

На заседании Пензенского губернского присутствия размер продовольственного пайка для семейств нижних чинов, призванных в армию, был определен 26 июля 1914 г.: 1 п. 28 ф. ржаной муки, 15 ф. гречневой крупы, 4 ф. соли и 3 ф. конопляного масла в месяц на одно «призреваемое» лицо. В соответствии со средними ценами по губернии, в денежном выражении пособие составило 3 руб. на одно лицо и 1 руб. 50 коп. на

ребенка, не достигшего 5-летнего возраста [7, с. 751–752]. Нижним чинам при полной или частичной утере трудоспособности вследствие ранения, а также их вдовам и сиротам назначались пенсии [8, с. 937–938].

При выдаче пайка уездными попечительствами устанавливался размер пособия на каждую семью. В Пензенской губернии функционировало 228 волостных попечительств, предназначение которых состояло в оказании помощи семьям воинов. Кроме того, для обслуживания солдатских семей непосредственно на территории населенных пунктов было создано 51 сельское попечительство. Таким образом, попечительская забота охватила практически все население губернии. По официальным данным, к маю 1915 г. пайком были обеспечены 271 259 семей на сумму 5 938 591 руб. [63, с. 2].

Помимо мер государственной поддержки, заботу о семьях мобилизованных проявляли различные общественные организации. В частности, в губернии действовал дамский комитет. Его председателем являлась супруга губернатора О.И. Евреинова. Благотворителями в фонд дамского комитета выступали частные лица. Так, в период с 23 июля по 2 августа 1914 г. различного рода пожертвования внесли около 50 лиц, от пензенского губернатора и архиепископа до купцов, служащих и ремесленников. Ежемесячно в кассу комитета поступало по несколько тысяч рублей. Суммы пожертвований варьировались от нескольких рублей до 100–150. Деньги распределялись на помощь семьям ратников и на поддержание материнства и детства [60, с. 2].

В Пензе действовал городской комитет помощи семьям воинов и раненым на войне. Его работа выражалась в выдаче денежного пособия, организации трудовой помощи, раздаче одежды и белья, отпуске дров, устройстве пунктов питания [61, с. 2].

Православная церковь также не осталась в стороне от широкого фронта благотворительной деятельности. Приходское духовенство выступало организатором полевых работ, распределяло среди нуждавшихся семей муку, топливо и т.д. [64, с. 906–909]. Буквально с первых дней войны повсеместно

стали возникать попечительские советы. К 1 октября 1914 г. на территории Пензенской епархии их насчитывалось уже 551. Спустя всего лишь три месяца численность советов выросла до 733. За это время было собрано 36 869 руб., оказано содействие 21 456 семействам [65, с. 284]. В течение 1915 г. помощь семьям призванных воинов составила: 38 542 руб., 1 052 пуда муки, 150 возов дров, 206 аршинов холста [66, с. 203–204]. В дальнейшем масштабы благотворительной помощи несколько снижаются. Так, в 1916 г. было собрано всего 17 800 руб. Сказывалось тяжелое экономическое положение в стране [67, с. 89–91].

* * *

Масштабные мобилизационные кампании, затронувшие в основном сельское население губернии, стали фактором колоссальных социально-демографических сдвигов, влияние которых ощущалось в российской провинции и многие десятилетия спустя. Деревня теряла основных работников: мужчин в возрасте от 20 до 40 лет. В общей сложности за годы войны из Пензенской губернии было призвано около 190 тыс. человек [10, с. 1049].

Характеризуя мобилизационную готовность населения, местные власти отмечали рутинность, привычность для крестьянского восприятия «частых призывов», «сознательность» сельских жителей в понимании необходимости последних. Такие оценки фиксируются в донесениях местных ГЖУ вплоть до осени 1916 года, когда настроение крестьян «заметно меняется». Содержание представлений подвержено воздействию как сезонного характера крестьянского восприятия, так и формированию новых образов, вызванных усилением тягот войны. Негативизм в оценках условий проведения мобилизации проявляется и в конце 1915 г., и в конце 1916 г. Однако основания для недовольства и в том, и в другом случае имеют ряд особенностей.

В частности, в 1915 г. критические высказывания крестьян относились к проблемам внутривнутриполитической жизни, были опосредованы проявлением обостренного чувства социальной справедливости и направлены против тех социальных

категорий, которые не подлежали мобилизации: «почему до сего времени не берут полицию... Полиции теперь делать нечего, народ стал трезв»; «богатым вон не хочется идти на войну, они и уходят на должности» [25, д. 1279, л. 70, 126].

Год спустя негативизм высказываний определялся уже ростом пораженческих настроений, что являлось более серьезным симптомом падения лояльности по отношению к существующему режиму: «Призыв “стариков” и “белобилетников” производит тяжелое впечатление и взрыв негодования к уклоняющимся на должностях... Частые призывы наводят на мысль о больших потерях» [там же, д. 1325, л. 243 об.]. Как можно заметить, в результате осознания взаимосвязи между масштабами призывных кампаний, отправкой на фронт тех категорий сельских жителей, которые не рассматривались в патриархальной традиции как ратники, и фиксацией особой формы обыденного сопротивления именно в отношении «ухода на должности» происходит перенос значения эмоционально окрашенного оценочного суждения. В оценках массового сознания в этих условиях каждый чиновник предстает потенциальным «беглецом» от тягот военной службы, а следовательно, маркируется как «чужой», «враг».

Прямым результатом мобилизационных мероприятий стало появление устойчивой тенденции к углублению процесса пролетаризации деревни. Так, число беспосевных хозяйств в Пензенской губернии к 1917 г. увеличилось на 92,7% (при росте числа наличных хозяйств всего на 7,1%)¹. Уменьшение посевной площади продовольственных культур у крестьян (за 1914–1916 гг. на 5,1 млн. дес., или на 9,8%) свидетельствовало о натурализации крестьянского хозяйства, одной из сторон которой являлось стремление обеспечить, прежде всего, продовольственные нужды собственного хозяйства за счет сокращения товарных ячменя и овса, а также ухудшения обеспеченности кормами [1, с. 280]. В то же время существуют статистические данные об увеличении норм потребления хлеба в крестьянских хозяйствах производящих губерний

¹ В % к числу наличных хозяйств, в частности, по Пензенской губернии: до войны – 4,3%; в 1917 г. – 8% [1, с. 227].

в период войны по сравнению с довоенным, в том числе и в результате дестимулирующего влияния фиксации цен на сельскохозяйственную продукцию. Это свидетельствовало о сохранении в военное время традиционной природы крестьянского хозяйства, в основе которого лежит потребительская мотивация производства, трудо-потребительский баланс [72, с. 137]. Рост цен на хлеб, его дороговизна также не способствовали качественным изменениям в структуре деревенского потребления, так как значительная часть крестьянского населения являлась потребителем хлебных продуктов, кроме того, рост цен на рабочие руки не покрывал по своим темпам рост товарных цен.

При рассмотрении вопроса о противопоставлении двух тенденций: обнищания деревни и, напротив, ее обогащения – важно помнить, что война породила кризис идентичности внутри сельского общества, разделив деревню на преуспевающих «спекулянтов», т.е. семей, не затронутых мобилизационными кампаниями, и «солдаток», подчас не имеющих возможности самостоятельно обрабатывать землю и превратившихся в полупролетарский-полумаргинальный слой, чье благосостояние зависело, главным образом, от размеров пособия, роста цен и дефицита продуктов¹.

Еще одним результатом мобилизационных кампаний становится изменение гендерных ролей в крестьянских семьях. Напомним, что к лету 1917 г. количество хозяйств, оставшихся без работников-мужчин, составляло в процентах: в Пензенской губернии – 29,2; в Самарской – 32,3; в Саратовской – 30,7; в Симбирской – 32,0 [1, с. 189]. Главой семьи, полностью зависевшей от регулярного поступления государственного пособия, становится женщина, «солдатка». Именно она остановила проведение аграрной реформы в российской

¹ По данным А. М. Анфимова, по 50 губерниям и областям число мобилизованных за годы войны составило 22,6% всех мужчин и 47,4% трудоспособного мужского населения [1, с. 188–189]. Следовательно, почти половина населения российской деревни получила к 1916 г. устойчивую мотивацию к выражению социального протеста, озлобившись на нарушение именно патерналистских связей, будучи недовольной масштабами государственной «заботы».

деревне, проявив завидное постоянство в своем сопротивлении землеустроительной деятельности государственных структур в отсутствие мужчин¹. По всей вероятности, в условиях обострения продовольственного кризиса неприятие «солдатками» земельной реформы станет еще более заметным [23, д. 49, ч. 1, л. 1–2]. Рост протестных настроений был для царской администрации так очевиден, что в дальнейшем государство отказалось от производства землеустроительных работ по выделу отрубов (29 ноября 1916 г.).

Нельзя не признать, что в губернии оказывалась всесторонняя помощь семьям мобилизованных на войну граждан как правительственными, так и общественными учреждениями и организациями. Однако в условиях роста цен на товары первой необходимости проблема рассогласования наличного и потребного станет прелюдией к возникновению феномена «бабьего бунта».

¹ В частности, 20 августа 1914 г. крестьянка Русского Камешкира Е. Т. Ровнова во главе отряда из 15 солдаток, угрожая дубинками, вынудила землемеров, производивших межевание рядом с населенным пунктом, прекратить работы [74, с. 53].

Список источников и литературы

1. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. 384 с.
2. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.
3. Белоусов С. В. Воинские формирования на территории Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 5–8.
4. Белоусов С. В., Сухова О. А., Юдин С. О. Пензенская губерния в эпоху Первой мировой войны. Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. 464 с.
5. Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 3–45.
6. Бравина М. А. Война как фактор трансформации массового поведения населения провинциального средневожского города // Первая мировая война – пролог XX века. Материалы междунар. науч. конф. Москва, ИВИ РАН – МГУ им. М. В. Ломоносова – МГПУ, 8–10 сентября 2014 г. Ч. I / отв. ред. Е. Ю. Сергеев. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 207–211.
7. Вестник Пензенского Земства. 1914. № 13–14. 30 июля.
8. Вестник Пензенского Земства. 1914. № 18. 30 сентября.
9. Вестник Пензенского Земства. 1914. № 21. 5 ноября.
10. Вестник Пензенского Земства. 1914. № 23. 23 ноября.
11. Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008. 611 с.
12. Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне // Военная мысль в изгнании. Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999. С. 71–113 [электронный ресурс]. URL: www.gr-net.ru (дата обращения: 10.04.2014).
13. Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. Париж, 1932. Т. 2. 256 с.
14. Голубин Р. В. Трансформация общественных настроений в России в годы Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. 2002. № 1. С. 118–121.
15. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1.

16. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1.
17. ГАПО. Ф. 63. Оп. 1.
18. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1.
19. ГАПО. Ф. 131. Оп. 1.
20. ГАПО. Ф. 359. Оп. 1.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 1914. Оп. 123.
22. ГАРФ. Ф. 102. 1915. Оп. 124.
23. ГАРФ. Ф. 102. 1916. Оп. 125.
24. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1.
25. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 855. Оп. 1.
26. Гребенкин И. Н. «Забытая» война? Современные тенденции исторических исследований // Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза, 2014. С. 34–37.
27. Гребнев А. М. Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959. 147 с.
28. Даниленко И. С. Война и общество: некоторые проблемы теории // Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008. С. 11–40.
29. Дневник военных походов солдат В. А. Мишнина (20 августа 1914 г. – 29 января 1918 г.). Из личного архива художника Н. Н. Волохо (публикация Е. В. Мануйловой и В. И. Мануйлова) // Земство. 1994. № 3. С. 83–86.
30. Добророльский С. К. Мобилизация русской армии в 1914 году. Подготовка и выполнение. По материалам Военно-исторического архива. М., 1929. 157 с.
31. Доклады Пензенской Губернской Земской Управы 51-й очередной сессии Губернского земского собрания. 1915 г. Пенза, 1916.
32. Еремин Г. В., Еремина Л. Г. Из истории Пензенского военного гарнизона // Пензенский временник любителей старины. Пенза, 2000. Вып. 9. С. 31–46.
33. Журналы Пензенской губернской земской управы за 1914 год. Пенза, 1915.

34. Захаров А. В. Проблемы источниковедения Первой мировой войны: региональный аспект // Вестник архивиста. 2014. № 3 (127). С. 52–65.
35. Иванов А. И. Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4. С. 87–96.
36. Иванов А. Ю. Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 78–81.
37. Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. 528 с.
38. Керсновский А. А. История русской армии. М., 1999. 782 с.
39. Кондрашин В. В. Пензенская губерния и пензяки в годы Первой мировой войны // Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. С. 12–66.
40. Корниенко Т. А. «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 62–69.
41. Красная Слобода. Саранск, 2008. 464 с.
42. Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М. – Л., 1965. 605 с.
43. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни // Вопросы истории. 2001. № 1–12.
44. Материалы о деятельности Пензенского городского общественного управления за май – август 1914 года. Пенза, 1915.
45. Матюшкин Ф. Г. Воспоминания // Великая война и российская провинция. 1914–1918 гг. / Сб. науч. статей и документов / под ред. В. А. Юрченкова. Саранск, 2013. С. 172–191.
46. Мировые войны XX века. Первая мировая война. Кн. 1. Исторический очерк. М., 2002. 686 с.
47. Мировые войны XX века. Первая мировая война. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2002. 584 с.
48. Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42.
49. Назаров А. Н. Первая мировая война в массовом сознании российского населения (на материалах Северо-Запада) // Вестник Новгородского государственного университета. 2007. № 41. С. 15–16.

50. Очерки истории Пензенской организации КПСС / Под ред. Г. В. Мясникова. Саратов, 1983. 504 с.

51. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. 544 с.

52. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн. 2: 1917–1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага, 2014. 596 с.

53. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 7. 9 января.

54. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 190. 22 июля.

55. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 196. 28 июля.

56. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 199. 31 июля.

57. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 203. 4 августа.

58. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 204. 5 августа.

59. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 208. 10 августа.

60. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 218. 21 августа.

61. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 315. 1 декабря.

62. Пензенские губернские ведомости. 1914. № 330. 17 декабря.

63. Пензенские губернские ведомости. 1915. № 118. 29 мая.

64. Пензенские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1914. № 21. 1 декабря.

65. Пензенские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1915. № 6. 15 марта.

66. Пензенские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1916. № 5. 1 марта.

67. Пензенские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1917. № 3. 1 февраля.

68. Первая мировая война: взгляд из окопа / предисл., сост. и коммент. К. А. Пахалюка. М. – СПб.: Нестор-История, 2014. 216 с.

69. Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 199 с.

70. Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / сост. Т. И. Трошина; под общ. ред. Т. И. Трошиной; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 398 с.

71. Полин Н. В. Солдаты и крестьянское движение (1914–1917) // Краеведение Мордовии. Саранск, 1973.

72. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 416 с.

73. Поршнева О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.

74. Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (на материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. 160 с.

75. Программа Международной научной конференции «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки» (г. Москва, 18 июня 2014 г.). М., 2014.

76. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2.

77. РГВИА. Ф. 2375. Оп. 1.

78. Семенова Е. Ю. Влияние мобилизационного периода Первой мировой войны на настроения городского населения Поволжья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 131–136.

79. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.

80. Сенявская Е. С. Рец. на кн.: Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.) // Отечественная история. 2001. № 1. С. 193–194.

81. Симанский П. Н. Мобилизация русских войск 1914 года и ее недостатки // Война и революция. 1926. № 1/2. С. 130–140 [Электронный ресурс]. URL: http://www.grwar.ru/library/Simansky/SM_000.html (дата обращения: 10.04.2014).

82. Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. 679 с.

83. Сухова О. А. Деятельность Пензенской городской думы в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории

российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 145–150.

84. Сухова О. А. Содержание массовых настроений в Пензенской губернии в период Первой мировой войны // Пензенский край в истории и культуре России / под ред. О. А. Суховой. Пенза, 2014. С. 291–306.

85. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 344 с.

86. Трошина Т. И. Социальные мероприятия государства в годы Первой мировой войны и их влияние на состояние крестьянского населения (на примере северных губерний) // Первая мировая война и Европейский Север России: материалы междунар. науч. конф. «Великая война и Европейский Север России (к 100-летию начала Первой мировой войны)» (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.) / сост. Т. И. Трошина; под общ. ред. Т. И. Трошиной; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 311–313.

87. Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны – к Великой революции // Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008. С. 120–160.

88. Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. 400 с.

89. Холодов В. А. Первая мировая война в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–1. С. 123–131.

90. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1.

91. Шайпак Л. А. Рост антивоенных настроений русских солдат как отражение кризиса русской армии в годы Первой мировой войны // Вестник Военного университета. 2007. № 1 (9). С. 92–99.

92. Шацилло В. К. В Российской ассоциации историков Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 207–210.

93. www.rusasww1.ru

ГЛАВА IV. МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Реакция российского общества на начавшуюся войну была неоднозначной, как и в дальнейшем ее оценка современниками, потомками и исследователями. Первый опыт осмысления организации и проведения мобилизационных мероприятий в годы Первой мировой войны представлен в воспоминаниях непосредственных участников этих событий, которые отмечали, что мобилизация была проявлением патриотических чувств русского народа. В качестве отрицательных факторов, препятствовавших успешной реализации поставленных перед армией задач, исследователи называли низкую подготовленность призывников, неразвитость транспортной инфраструктуры [10; 15; 30]. В советской историографии изучение проблематики, связанной с Первой мировой войной, рассматривалось в рамках социально-классовой проблематики [1].

В 1990-е гг., в противовес концепции советских историков, в российской историографии возобладало представление о том, что вступление страны в войну сопровождалось патриотическим подъемом во всех слоях общества, а сама война была воспринята как Отечественная [19, с. 131; 20, с. 240, 438, 463; 24, с. 332; 29, с. 195]. В последнее десятилетие наметилась тенденция более детального изучения отношения российского общества к войне [28]. В литературе содержатся разноречивые оценки сознания и поведения людей в условиях начавшейся войны, массовых беспорядков среди призывников во время мобилизации в июле – августе 1914 г. [2; 21, с. 27–29, 111, 134, 135; 22, с. 146; 33]. Итоги историографического изучения проблемы подведены в статье пензенского исследователя О.А. Суховой [32]. В современной исторической литературе на основе интерпретации и анализа данных о степени вовлеченности населения в мобилизационные мероприятия, о характере общественной инициативы, о деятельности различных добровольных

обществ, благотворительных организаций делаются выводы о специфике массового сознания и поведения в годы Первой мировой войны, дается трактовка общественно-политических настроений накануне революции 1917 г.

Специфика массовой мобилизации в России в условиях войны была связана с особенностями формирования Российского государства и нации, социокультурными особенностями страны. Ценности и установки сознания крестьянства, составляющего большинство населения страны, во многом противоречили представлениям политической элиты. Мобилизация способствовала усилению миграционной активности населения, перемещению его значительной части и создавала почву для возникновения массовых форм поведения.

Известие о вступлении России в Первую мировую войну вызвало патриотический подъем населения в губерниях Поволжья. Повсюду проходили шествия, манифестации, молебны. 22 июля в г. Самаре состоялась первая патриотическая манифестация в Струковском саду [9, с. 3]. Подобные торжественные мероприятия, предшествующие мобилизации, проходили типично. Например, в статье «Торжественный молебен и манифестация 22-го июля», опубликованной в «Городском вестнике», сообщалось, что после обедни епископом Тихоном при участии духовенства всех самарских храмов был отслужен молебен, перед которым с папертей церковей всенародно зачитывался манифест о войне с Германией, что сопровождалось криками православных «ура». По поручению губернатора был прочитан текст верноподданнической телеграммы от жителей г. Самары. Перед собором маршем прошли под крики «ура» войска, а затем манифестанты и многочисленная городская публика. Отмечалось, что впереди процессии «несли портреты Государя, Государыни и Наследника, дальше шел оркестр военной музыки, за ним шли войска, манифестанты с национальными флагами и публика», а на флагах «красовались надписи»: «Да здравствует армия и флот!», «Да здравствует Франция!», «Долой Австрию и Германию!». Манифестанты проследовали по центральным улицам Почтовой и Дворянской к памятнику Александру II, где их ожидала

толпа, выкрикивали «ура» русской администрации и народу [11, с. 3]. Большинство жителей городов было уверено, что победоносная война продлится самое большее 3–4 месяца. Мероприятия такого рода проходили во всех губернских центрах России.

В первые дни войны повсеместно в России проводились заседания городских дум, земские и дворянские уездные и губернские собрания, на которых были приняты верноподданнические патриотические адреса Николаю II по случаю вступления России в войну. 26 июля 1914 г. состоялся Всероссийский съезд губернских предводителей дворянства, предложивший всем чрезвычайным губернским собраниям обсудить на местах следующие вопросы: об объединении всех дворянских обществ для создания общей организации помощи раненым; избрании с этой целью представителей с широкими полномочиями от каждой дворянской организации на Всероссийский съезд; создание общей кассы. Эта инициатива была широко поддержана дворянством Поволжья.

28–29 августа 1914 г. состоялся съезд общедворянской организации помощи больным и раненым воинам. На нем было решено выделить все собранные средства (около 1 700 000 рублей) на создание и укомплектование 20 санитарных поездов, которые вывозили раненых в тыловые госпитали. Дворянские поезда обслуживали Юго-Западный фронт. Поволжские дворяне активно участвовали в деятельности организаций Красного Креста, так, например, в Самаре было налажено формирование военно-санитарных обозов для фронтов и обучение военных санитаров. Оборудованы десять лазаретов в дополнение к уже имеющимся в городе. Призваны в армию офицеры запаса. Дворянская молодежь, охваченная патриотическими чувствами, добровольно уходила на фронт. К губернским предводителям дворянства поступали многочисленные письма с предложениями о различной помощи. Дворянство активно включилось в сбор средств на нужды войны. В созданных земством комитетах по снабжению и снаряжению армии дворяне занимали ответственные посты. Они председательствовали на съездах по борьбе с дороговизной,

участвовали в военно-промышленных комитетах, входили в губернские отделы центрального комитета помощи беженцам [5–8]. Война открыла перед дворянами-землевладельцами ряд новых источников доходов, связанных с военными поставками. Важнейшим каналом, по которому эти доходы поступали к помещикам, был Всероссийский земский союз. По его приказам в помещичьих имениях изготовлялись различные предметы интендантского снабжения армии, осуществлялись поставки продуктов, скота, леса и т.д. Практически все крупные дворянские имения поставляли хлеб для армии и лес на железные дороги.

По мере продолжения войны расширялась сеть общественных организаций в тылу, содействующих укреплению обороноспособности страны. Московское земство выступило инициатором объединения земств для помощи раненым. Комиссия в составе кн. Г. Е. Львова, Ф. В. Шлиппе и других разработала проект общеземской санитарной организации. 30 июля 1914 г. в Москве был созван Всероссийский земский съезд, на котором было принято решение об образовании Всероссийского земского союза. К нему примкнули все губернские земские организации, за исключением Курского губернского земства [13, с. 124–131]. Возникали такие организации помощи армии, как Городской союз, военно-промышленные комитеты. 5 июня 1915 г. в Москве на съездах союзов городов и уполномоченных губернских земств было решено создать особый объединенный Главный комитет обоих союзов по снабжению армии – Земгор [там же, с. 132–143]. Хотя их официальной целью была помощь раненым и беженцам, фактически они стали структурой для организации оппозиции. Поэтому министр внутренних дел Н. А. Маклаков настаивал, чтобы деятельность союзов была ограничена временем войны и подчинена губернаторам [12, с. 68].

Состоявшиеся в июле – августе 1914 г. чрезвычайные губернские земские собрания, в которых ведущая роль принадлежала дворянам, также обсуждали вопросы, связанные с нуждами военного времени.

Уже 25 июля 1914 г. состоялось Саратовское чрезвычайное губернское земское собрание, на котором был принят всеподданнейший адрес, заканчивавшийся уверенностью в том, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войны». Помощь больным и раненым воинам становится в условиях войны главным направлением деятельности земств Поволжья.

Повсеместно городские думы поволжских городов принимали постановления о сборе средств для помощи семьям запасных, организации помощи раненым [26, с. 32–34]. Саратовская городская дума также послала императору адрес, заявляя о готовности всеми средствами поддерживать войну и царя. Она ассигновала 600 тыс. руб. на «благо Отечества». Газеты того времени – «Саратовский листок», «Саратовская копейка», «Саратовский вестник» – рассказывали о многочисленных пожертвованиях. Вот несколько таких сообщений: от 28 августа – колонисты Саратовской и Самарской губерний изъявили желание собрать до 50 тыс. руб. и на эти деньги оборудовать и содержать 100-кочный военный лазарет; от 6 сентября – крестьяне Переездинской и Сластухинской волостей Аткарского уезда составили приговор об отдаче хлеба из общественных амбаров на нужды армии.

20 августа 1914 г. в Самаре был создан Областной комитет помощи больным и раненым воинам во главе с городским головой С. Е. Пермяковым. Одновременно он являлся уполномоченным Всероссийского городского союза, в обязанности которого входила организация транспортировки раненых и их лечение, а также распределение поступивших для этого средств. Открывались городские столовые для неимущих семей запасных нижних чинов, призванных на военную службу.

На основании законодательства семейства нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, пользовались правом на призрение за счет Государственной казны. Действие закона распространялось на ближайших родственников – жену, родителей, несовершеннолетних детей, а также несовершеннолетних братьев и сестер, если они содержались за счет призванного. Общая

стоимость кормовой нормы определялась индивидуально по губерниям. Семьям воинов оказывали помощь волостные, сельские и городские попечительства. На каждого взрослого члена семьи казенный пай в Самарской губернии составлял 1 п. 28 ф. муки в месяц, 10 ф. крупы, 4 ф. сала и 1 ф. постного масла [27, с. 4].

Помимо государственной поддержки, благотворительную помощь семьям запасных оказывали различные организации. В губернских городах Поволжья действовали дамские комитеты, которые собирали пожертвования от частных лиц. Ежемесячно в кассу комитетов поступало по несколько тысяч рублей, которые использовались для заготовки белья и теплой одежды солдатам, помощи семьям воинов [35, д. 56, л. 1; д. 59, л. 6; д. 206, л. 1–3]. Царицынский дамский комитет, состоявший из жен офицеров отправленного на фронт Аварского полка, организовал широкую кампанию по привлечению пожертвований. На организацию и содержание госпиталя жертвовали денежные средства как крупные промышленники (И. В. Максимов, А. М. Шлыков, В. Ф. Лапшин, братья Кистовы и другие), так и простые жители. Наиболее показательным моментом всеобщей помощи армии является случай, когда несколько гимназистов отдали в дамский комитет 72 копейки, полученные от родителей на завтраки [31, с. 156].

В помощь больным и раненым воинам, семьям погибших отчисляли 2 процента жалованья учителя женского четырехклассного училища, жандармские чины и рабочие других предприятий и учреждений города. По мере возможности каждый горожанин старался внести свой вклад в оснащение армии, чтобы добиться однозначного положительного результата – победы.

Лучшие традиции российского предпринимательства – благотворительность и меценатство – проявлялись в военные годы. На средства Л. С. и П. С. Аржановых, А. Ф. Вакано уже в первые месяцы войны в Самаре были открыты лазареты. К. П. Головкин, обладатель двухмиллионного состояния, осенью 1916 г. дважды обращался в Городскую думу с предложением построить Дом науки и культуры, в котором хотел

разместить Александровскую библиотеку, читальный зал, городской музей, художественную галерею, выставочный зал, залы собраний и концертов. На экстренном совещании Самарского биржевого комитета в июле 1914 г. был создан комитет по сбору пожертвований, выдаче пособий и продовольствия семьям военнослужащих. На средства комитета к концу июля 1914 г. был сформирован медико-санитарный отряд, открыт лазарет для раненых. Присяжный поверенный А. Г. Елшин писал в дневниках, что самарчанки из всех сословий сутками дежурили в госпиталях, развернутых по городу.

В губерниях шла активная подготовка к приему раненых, были подготовлены лазареты и госпитали. С начала боевых действий в города Поволжья непрерывными потоками шли эшелоны с ранеными. Больницы были переполнены. Создание, содержание и оборудование новых госпиталей легло на баланс городских дум. Одной из первых серьезных проблем стала доставка раненых от железнодорожной станции Самары до госпиталя. Был создан отряд санитаров-велосипедистов. В дальнейшем, благодаря усилиям общественности, в Самаре и губернии было оборудовано не только значительное число госпитальных мест, но и даже плавучий госпиталь-санаторий, а также организован досуг выздоравливающих воинов.

Саратов был назначен окружным пунктом распределения раненых. В городе образовался губернский комитет по оказанию помощи. К середине августа 1914 г. на своем очередном заседании он отметил готовность Саратова к приему раненых: было оборудовано более 20 лазаретов на 2183 койки, в том числе в университете, губернском земстве, Крестьянском банке, 6-м смешанном училище, духовном ведомстве, здании РУЖД, в Сергиевской церкви и в богадельне.

Губернии Поволжья были объявлены на положении чрезвычайной охраны, а затем и на военном. Полномочия губернаторов значительно расширились. Из общей подсудности изымались дела о некоторых видах преступлений и проступков («известных», по определению законодательства, но без разъяснения), и передавались на рассмотрение военного суда. Губернатор приобретал право издавать обязательные

постановления по вопросам, предупреждавшим нарушения порядка и безопасности; накладывать взыскания в административном (внесудебном) порядке; воспрещать любые общественные собрания; закрывать торговые и промышленные заведения; налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества, если доходы с них употреблялись на преступные цели; увольнять на время действия положения чиновников всех ведомств (кроме лиц первых трех классов), а также служащих по выборам в сословных, земских и городских учреждениях; приостанавливать деятельность периодических изданий на время действия положения; закрывать учебные заведения на срок до одного месяца и пр. Практика использования Положения об усиленной (чрезвычайной) охране сложилась в условиях борьбы с революционным движением, чем и объясняется его ярко выраженная контрреволюционная направленность. Проблемы централизации управления в регионе, введение единоначалия, придание жесткости вертикали власти здесь не оговаривались, исключая лишь наречение губернатора новым чином, соответствовавшим реалиям времени.

Жизнь населения губерний подлежала регламентации на основании обязательных постановлений губернаторов, административных актов, устанавливавших новые предписания. Эти постановления следовало соблюдать неукоснительно, меры наказания были более суровыми, чем в мирное время.

25 июля 1914 г. губернатором Н. В. Протасьевым было принято постановление, предусматривающее меры по охране порядка на территории Самарской губернии. В нем прописывался учет населения, оружия, запрещались собрания и демонстрации без разрешения начальника местной полиции, распространение статей, возбуждающих враждебное отношение к правительству, а также беспатентная торговля спиртными напитками. Дела, связанные с разбоем, уничтожением продовольствия и фуража, умышленными поджогами, организацией стачек, сопротивлением или неисполнением требований властей, передавались в ведение военного суда либо администрации [37, д. 1281, л. 42]. В дальнейшем местная печать

регулярно публиковала новые административные акты, обусловленные военным временем.

Мобилизационные кампании стали первым серьезным испытанием для российского общества в условиях Первой мировой войны. В июле 1914 г. впервые в российской истории проводился всеобщий призыв на военную службу, в самом начале войны российская деревня потеряла около 2,5 млн., или 14 % всей мужской полнорбочей силы [4, с. 13]. Начало мобилизационной кампании пришлось на разгар полевого сезона, что осложнило ситуацию. В кратчайшие сроки местные власти должны были решить множество проблем, связанных с организацией и обеспечением мобилизации. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., из сельских местностей 47 губерний и областей Европейской России было мобилизовано 10 932,6 тыс. человек [1, с. 188–189]. Первый призыв на действительную военную службу, затронувший губернии Поволжья, был проведен согласно императорскому указу от 18 июля 1914 г. в отношении нижних чинов запаса. Для нестроевого населения вводились обязательные поставки в войска лошадей и повозок.

5 августа 1914 г. от имени Верховного главнокомандующего было выпущено «Воззвание к русскому народу», в котором объяснялась цель участия России в войне. Всего за военные годы жителей Поволжья коснулись 19 мобилизаций, в том числе 5 – в 1914 г., 6 – в 1915 г., 7 – в 1916 г., 1 – в 1917 г. [23, с. 18].

Во многих пунктах сбор призывников был хорошо организован, мобилизация осуществлялась без эксцессов, при душевном подъеме горожан, ярком выражении патриотических чувств. Так, «благополучно», «спокойно» прошли мобилизации в июле – сентябре 1914 г. в г. Балакове, г. Николаевске (ныне г. Пугачев), г. Бугуруслане, г. Новоузенске, посаде Мелекесс, в г. Балашове, г. Кузнецке, г. Хвалынске, посаде Дубовка; в июле 1914 г. – в г. Чебоксарах; в сентябре 1914 г. – в г. Казани; в октябре – ноябре 1914 г. – в г. Ядрине и г. Тетюшах; к концу 1914 г. – в г. Свяжске, г. Козьмодемьянске, г. Спаске и других [28, с. 89–90].

О первой мобилизации периода Первой мировой войны в г. Николаевске вахмистр дополнительного штата Самарского ГЖУ в рапорте от 25 июля 1914 г. сообщал: «...мобилизация запасных войск в г. Николаевске... идет благополучно. Настроение запасных и вообще населения мирное и патриотически приподнятое... запасные ведут себя примерно: не наблюдалось ни одного даже единичного случая какого-либо шарлатанства или выражения ропота по поводу войны» [36, д. 1933, л. 347–348].

Однако патриотический подъем, захвативший общественное сознание, был омрачен случаями агрессивного поведения призывников, зафиксированными практически во всех губерниях империи. Но наиболее масштабные выступления произошли в Самарской, Саратовской и Пензенской. Волнения, вызванные мобилизацией, были обусловлены объективными причинами: уклонением ряда категорий от призыва, проведением мобилизации в период полевых работ, радикализацией массовых настроений.

Прежде всего, острое недовольство крестьян вызвало то обстоятельство, что под мобилизацию не попадали чины полиции и стражники, которые олицетворяли в глазах крестьян представителей власти на местах. Бугульминский уездный исправник Ф. В. Любенецкий в рапорте самарскому губернатору Н. В. Протасьеву о беспорядках во время мобилизации в городе Бугульме 24 июля 1914 г. отмечал, что среди мобилизованных раздавались крики – «почему стражники не идут на службу, они получают большое содержание, а мы, единственные работники в семье, принуждены бросить баб и детей!». В Саратовской губернии ситуация до предела обострилась в г. Царицыне, где 21 июля погибло 20 и было ранено 24 участника выступления, причем основную роль в беспорядках, вылившихся в разгром сборного пункта, сыграли женщины – жены призывников [4, с. 17]. Как отмечает А. В. Посадский, события первоначально развивались по патриотическому сценарию. Еще вечером 18 июля около 300 местных жителей и запасные нижние чины в поселке при заводе «Урал-Волга» устроили патриотическую

манифестацию. Такая же манифестация общей численностью до 5000 человек состоялась и в городе. По просьбе участников духовенство отслужило молебен. Но 21 июля толпа в несколько тысяч женщин при участии запасных потребовала немедленной выдачи пособий за мужей [22, с. 70].

Кроме того, многие крестьяне опасались за судьбу своих семей и родственников, полагая, что денежное пособие, положенное мобилизованным, до них не дойдет, и семья останется как без основного работника, так и без средств к существованию. Исправник докладывал, что некоторые крестьяне «с дерзостью заявляли, что не сядут на подводы, пока не будет выдано пособие их семьям вперед, так как в Японскую войну их обманывали старшины и старосты при выдаче денежных пособий» [26, с. 39–42]. В документах местных ГЖУ особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение пособия вызывала «ропот и возмущение» среди жен крестьян, мобилизованных в армию. В сентябре 1914 г. самарским губернатором Н. В. Протасьевым был издан циркуляр земским начальникам о приостановке взыскания продовольственных долгов с семей призванных в войска [там же, с. 344].

Зачастую беспорядки во время мобилизации были связаны с большим скоплением призывников, а также их родственников на мобилизационных пунктах. Например, в период июльского призыва 1914 г. в г. Бугульме сосредоточилось до 11 тыс. призывников, при том, что собственно население города не достигало и 9 тыс. человек, в г. Саратове – до 30 тыс. запасных и 1500 дружинников при составе жителей в 242,4 тыс., в г. Аткарске – до 35 тыс. призывников при численности местного населения менее 14 тыс. человек, в г. Сердобске – 2028 призывников при составе местного населения в 23,8 тыс. человек, в г. Балашове к октябрю 1914 г. – 17 тыс. призывников при 23 тыс. населения [28, с. 113]. В ноябре 1914 г. самарский уездный предводитель дворянства М. Н. Толстой сообщал губернатору Н. В. Протасьеву о перегруженности призывных участков уезда. Прием в каждом из них длился 6–7 суток, задерживая на этот период рекрутов и родственников,

прибывших проводить их. В Саратовской губернии помещения, где предполагалось организовать ночлег для запасных, были для него не предназначены. Не было и необходимого количества офицеров, и призывники оказались предоставлены сами себе.

Ситуация усугублялась распитием спиртных напитков, что негативно влияло на поведение мобилизованных. Несмотря на введение «сухого закона» в годы Первой мировой войны, достаточно остро стоял вопрос о потреблении алкогольной продукции. Воспрещение продажи алкоголя не было спонтанной и непродуманной акцией. 17 июля 1914 г. в стране был введен запрет на торговлю крепкими спиртными напитками на все время мобилизационной кампании, предварительно до 15 августа. Однако простым закрытием торговли не удалось искоренить причины агрессии и злоупотребления спиртными напитками [3]. Уходящие «на войну» стремились погулять напоследок. Неблагоприятное влияние на настроение общества так называемые пьяные бунты оказали в ходе мобилизации в июле 1914 г. в городах Самарской губернии – Николаевске, Самаре, Бузулуке, Ставрополе, городах Саратовской губернии – Вольске, Камышине, Балашове, Симбирской губернии – Сенгилее. Причем очень часто злоупотребление спиртными напитками сопровождалось попытками погрома учреждений по охране порядка.

В г. Ставрополе 20 июля 1914 г. при мобилизации были разгромлены две винные лавки и ренсковый погреб Киселева, двое стражников убиты и многие ранены; местные власти требовали прислать войска для ликвидации выступлений, вынуждены были даже приостановить мобилизацию. Причем оказалось, что запасные прибывают в город уже пьяными. Отмечалось, что в ходе погрома винной лавки толпой в составе около тысячи человек слышались выкрики – угрозы в адрес стражи – «не смейте препятствовать, всех сомнем, перебьем» [34, д. 5314, л. 75–77, 82]. Погром соседней лавки продолжался до вечера, причем выяснить «как зачинщиков, так и подстрекателей к нападению на стражу и разгрому винных лавок, а равно и арестовать как их, так и бросавших

кирпичами» в стражу «не представилось возможным вследствие малочисленности стражи», которая в составе 8 человек, включая исправника Сенкевича, противодействовала толпе в 4–5 тыс. погромщиков. Прием запасных возобновился только утром 22 июля, когда был отслужен молебен, зачитан манифест, для усмирения «буйства» из г. Самары прибыли 50 стражников. «Спокойствие» в городе было восстановлено только к 23 июля [28, с. 114–115].

В г. Бугуруслане 22 июля вечером при участии около тридцати мобилизованных запасных была разбита казенная винная лавка. 23 июля в г. Бузулуке прибывшие на станцию запасные из Саратовской губернии расхитили вино в лавке городского поселка, а также рыбу и несколько пудов хлеба. 25 июля в г. Новоузенске запасные, толпой прибыв к казенному винному складу, «настойчиво», «с бранью» требовали открыть его и дать водки, обещали привести всех запасных и разбить склад. Власти вынуждены были обратиться к губернатору за подкреплением в связи с недостаточностью сил полиции [34, д. 5314, л. 11]. В г. Самаре 30 июля в ходе мобилизации двое запасных солдат требовали у магазина С. Крылова отпустить им вина, размахивая шашками. В г. Николаевске в августе 1914 г. отмечалось, что «с разрешением торговли красного вина среди войск развивается пьянство, причем среди пьяных между себя наблюдаются ссоры и драки», «некоторые из них в пьяном виде держат себя неблагопристойно и вызывающе по отношению к публике и даже полиции», вино «покупают четвертями и пьют чайными стаканами, и как не сильно действующее его употребляют в большом количестве и пропивают много денег» [28, с. 116–117].

Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происходящего усугублялись распитием спиртных напитков, которые провоцировали толпу на решительные действия и не отражали реальных настроений. Погромы винных лавок представляли лишь первую эмоциональную реакцию деревенских жителей на военную действительность.

Для основной массы мобилизованных непонятны были причины войны, отсутствовали представления о ее необходимости, поскольку большинство российских крестьян не отождествляло свои местные интересы с национальными интересами государства. Один из мобилизованных из Самарской губернии и направленных на Кавказский фронт писал в июне 1915 г.: «Здесь некоторые так глупы, что никогда немца не видели, так они спрашивают, враждебна ли Германия к нам и будем ли мы стрелять в него, если попадем на войну» [36, д. 2054, л. 363–363 об.]. Любые проступки представителей местной администрации, такие как, например, не вовремя доведенная информация, задержка отправки посылок на фронт, плохая организация мобилизации, предоставление ряду категорий населения отсрочки от призыва, оказывали на жителей «неприятное расхолаживающее впечатление» и порождали многочисленные слухи. Дестабилизирующее воздействие оказывало общение с прибывавшими с фронта на излечение солдатами, которые рассказывали о плохой подготовленности России к войне.

То обстоятельство, что на ряд категорий населения мобилизация не распространялась, негативно сказывалось на поведении призванных. В 1914 г. на фронт брали рабочих военных заводов, но с 1915 г. на мобилизацию их, а также железнодорожников был установлен лимит. Оборонных предприятий в период 1914–1918 гг. на территории Самарской губернии было 137, Казанской – 88, Саратовской – 180 [23, с. 65]. Рабочие, получившие отсрочку от военной службы, приравнивались к военным служащим. Агитаторов, организаторов забастовок по законам военного времени рассчитывали, заносили в особые списки, которые рассылали по всем предприятиям; многих «беспокойных» направляли на фронт. На место мобилизованных рабочих приходили эвакуированные из западных районов, беженцы, крестьяне. В 1914 г. в Самаре были закрыты девять промышленных заведений, производивших предметы потребления, в том числе Жигулевский пивоваренный, три лесопильных, кирпичный, механический заводы, мебельная фабрика.

К 1 января 1914 г. на 253 промышленных предприятиях губернии, подлежащих надзору фабричной инспекции, насчитывалось 43 980 человек, а к началу 1915 г. только на 59 поднадзорных фабриках и заводах Самары было занято 43 939 человек, еще около 17 тыс. трудились на заводах военного ведомства. Всего в Самаре в это время было около 60 тыс. рабочих, в том числе на Трубочном заводе на 1 января 1917 г. работало 19 100, на Самаро-Сергиевском – 13 376 человек. Значительно увеличилась численность строительных рабочих (5 тыс. чел.), рабочих железнодорожного и водного транспорта (22 тыс. чел.) На промышленных предприятиях Самары было занято около двух тысяч детей и подростков. Среди рабочих губернии доля женщин составляла 30,5%, а на Трубочном заводе – 40,5%. Военные предприятия перешли на двухсменную систему, были разрешены сверхурочные работы. По закону они допускались только с согласия рабочих, сверхурочный труд детей и подростков был под запретом. Конечно, случались и нарушения. Сверхурочные работы оплачивались дополнительно. Количество рабочих дней в месяц в непрерывных производствах увеличилось с 26–27 до 28–29. Квалифицированных рабочих недоставало. Заводы военного ведомства, а также переведенные на военный лад частные заводы постоянно обращались к властям с просьбой обеспечить их инженерами и квалифицированными рабочими. С 1915 г. промышленные предприятия стали использовать труд военнопленных.

В мае 1915 г. было принято решение о предоставлении отсрочки лицам, занимающим должности телеграфистов всех наименований на всех железных дорогах империи. В июле 1915 г. был отсрочен на неопределенное время призыв всех чинов полиции и стражников. Освобождение некоторых рабочих и представителей правоохранительных структур от службы в действующей армии горожанами, проживавшими на территории, где находился призывной пункт и систематически наблюдался сбор и отправка призывников, воспринималось неоднозначно. Одни обыватели были уверены, что останутся в городе, другие не понимали, почему кого-то призывают, а кто-то может жить спокойно, как и в мирное время.

На территории поволжских губерний наблюдались как отдельные случаи негативного отношения обывателей к призыву населения в действующую армию, так и тенденция уклонения от призыва. В воспоминаниях работавшего на оборонном предприятии в г. Самаре М.В. Дубинина отражена позиция человека, уверенного в том, что он не будет призван в армию. Он пишет: «В 1916 г. я работал слесарем в Самаре на военно-промышленном заводе № 3... Этот завод был небольшой, работал на оборону. Поэтому все рабочие, работавшие на этом заводе, освобождались от призыва в царскую армию... В мае 1916 г. читаю объявления, расклеенные по городу, о мобилизации молодежи моего года рождения. Я считал, что раз я работаю на военно-промышленном заводе, значит меня на службу в Царскую армию не возьмут... Когда нам объявили о мобилизации, я от неожиданности как-то растерялся, не мог понять, в чем дело... Управляющий нам объявил, что мы с брони сняты» [40, д. 1, л. 1–8].

Еще в первую мобилизационную кампанию на территории некоторых городов Поволжья были зафиксированы случаи освобождения от призыва состоятельных обывателей посредством подкупа должностных лиц. Так, в секретном донесении самарскому губернатору от 18 июля 1914 г. начальник Самарского ГЖУ сообщал, что «среди некоторых запасных существует сильное негодование по поводу освобождения евреев от службы фиктивно и высказывается даже желание устройства еврейского погрома» [36, д. 1933, л. 43]. Состоятельные люди пытались отказаться от мобилизации путем предоставления справок о болезни. Среди горожан распространялись слухи, что данные лица освободились от военной службы за взятки. Приводя список освобожденных от мобилизации зажиточных жителей г. Балакова, включающий 15 фамилий, унтер-офицер дополнительного штата Самарского ГЖУ в Николаевском уезде на пункте г. Балакова 6 августа 1914 г. сообщал помощнику начальника Самарского ГЖУ в Николаевском и Ставропольском уездах, что среди местного населения идет «упорный разговор» об освобождении названных персон за деньги, причем «принимает серьезный характер» [28, с. 96].

В марте 1915 г. в газете «Волжское слово» было опубликовано анонимное письмо «самарского труженика» редактору газеты В. В. Ветрову, в котором отмечалось, что ополченцы поступают на работу на Трубочный завод за взятки, чтобы не идти на войну. Он приводит в качестве примера жандарма с железной дороги, самарского скорняка и сына машиниста Мухина. Все они не нуждались в заводском заработке, но поступили на завод и «согласны даром работать, только не попасть на войну». Корреспондент с юмором отмечает, что и сам бы сделал так же, но у него нет денег на взятку. И добавляет: «...если мы так будем делать все, то германец не только Варшаву возьмет, но и Петроград, и в Самару, пожалуй, дойдет» [36, д. 2052, л. 432]. В апреле 1915 г. группа призывников написала письмо самарскому губернатору Н. В. Протасьеву, что среди уклоняющихся от призыва – в основном богатая купеческая молодежь, которая «убегает от несения долга кто куда» [39, д. 296, л. 39]. В сентябре исполняющий должность самарского губернатора С. Д. Евреинов поручил начальнику губернского жандармского управления М. И. Познанскому провести негласное расследование в отношении лиц, принятых на Трубочный завод с момента объявления мобилизации. Начальник Самарского ГЖУ в ноябре 1915 г. отмечал, что с целью уклонения от призыва материально вполне обеспеченные лица устраиваются работать на самарский Трубочный завод, сотрудники которого имеют «бронь». В конце же 1916 г. в г. Самаре появились сведения – «уход в рабочие» стал настолько «популярен», что на данный завод можно поступить на службу только при даче взятки старшему конторщику Комбириапу. Об этом же явлении писал из г. Саратова в г. Самару Х. Х. Бергер в феврале 1916 г.: «Черемисский действительно должен был бы призываться, но он поступил на один из заводов военно-промышленного комитета, куда его поместил кто-то из поляков, который состоит на заводе заведующим или еще кем, одним словом Черемисский остался только потому, что поступил на завод» [28, с. 97].

Начальник Управления железных дорог в октябре 1915 г. циркулярно запретил принимать на службу ратников

ополчения 2-го разряда в связи с массовым наплывом лиц, оставляющих более выгодную работу с целью уклонения от призыва в войска [38, д. 475, л. 203].

Уклонение от призыва было распространенным явлением в 1916 – начале 1917 г. В рапорте от 22 февраля 1916 г. начальник Самарского ГЖУ сообщал о том, что в г. Самаре живут и скрываются от воинской повинности несколько жителей из г. Сызрани [36, д. 2215, л. 41]. В начале 1917 г. в Самарское ГЖУ поступили сведения о том, что на набережной р. Волги под прикрытием агентов сысского отделения существует притон, где, помимо торговли чистым денатурированным спиртом, игры в карты на деньги, скрывают уклоняющихся от военной службы. Самарский губернатор Л. Л. Голицын 17 января 1917 г. в распоряжении земским начальникам и уездным исправникам отмечал, что «в тылу, к сожалению, иногда приходится наблюдать случаи уклонения отдельных лиц от несения воинской службы». Он подчеркивал распространенность явления уклонения от призыва состоятельных людей, которые с этой целью «поступают простыми рабочими на заводы, работающие на оборону, или мелкими служащими на железную дорогу» [34, д. 55313, л. 4].

Некоторые обыватели пытались избежать призыва в действующую армию путем получения образования. Например, в сентябре 1915 г. в г. Самаре появились слухи о том, что в музыкальное училище Карклина Самарского отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО) «поступило много лиц не с целью дальнейшего музыкального образования, а имея лишь намерение уклониться от отбывания действительной военной службы» [36, д. 2065, л. 448]. В 1916 – осенью 1917 г. в г. Самаре работали курсы, организованные инженером Овчинниковым и начальником Самарской телеграфной конторы Ю. М. Пиотровским, дававшие «льготу» от призыва в армию, которые до закрытия осенью 1917 г. посетили 185 слушателей.

Формы выражения негативного отношения к мобилизации были различны. Одна из них – осуждающие высказывания о призывах, которые ведут к гибели людей, организуются

из-за глупости и просчетов правительства. Так, в г. Самаре слесарь С. И. Спыльник в августе – сентябре 1914 г. «слонялся по городу и при удобных случаях заводил со встречными разговоры на тему о ходе военных событий», утверждал, что «все газеты врут, в действительности же дело русских обстоит очень плохо, немцы и австрийцы вошли вглубь страны на 390 верст и взяли много русских городов»; выступал против призывов в армию. После всего был выслан за пределы губернии на время чрезвычайной охраны [28, с. 94–95].

На территории некоторых поволжских городов, где присутствовал большой процент мусульман и представителей немецкого этноса, проявлялось «особое» отношение с их стороны к мобилизации. Для мусульман участие в войне с турками означало выступление с оружием в руках против единоверцев, поэтому было недопустимо, а этническими немцами отторгалась война с Германией, представляющаяся как борьба с исторической родиной. Так, в г. Николаевске в августе 1914 г. отмечалось, что «находящиеся в дружинах мобилизованные немцы открыто никаких неудовольствий не высказывают и ведут себя хорошо, но на вид они не веселы и всегда держатся от русских особняком, и вообще большинство из них, как солдаты, так и поселяне колоний, в тайне симпатизируют Императору Вильгельму и его подданным немцам» [36, д. 2053, л. 562]. Унтер-офицер дополнительного штата Симбирского ГЖУ сообщал, что отношение «русского и чувашского населения к частым воинским призывам нормальное, т.е. они уже привыкли к ним... говорят, что идти и защищать Родину нужно каждому, как бы не тяжело провожать своих сыновей на войну, но все-таки желают, чтобы Германия и Австрия были побеждены». Он также указал: «Мусульмане недовольны частыми воинскими призывами, негодуют, что провожают на войну своих детей, а чтобы избавиться от военной службы они умышленно портят себя... истощением голодом, прободением в ушах барабанной перепонки, порчею глаз и проч., за что их много привлекалось к ответственности» [28, с. 96].

Еще одним способом уклонения от службы в действующей армии было самовольное затягивание возвращения на

фронт после прохождения лечения. Е. Ю. Семенова выявила подобные случаи в Самарской губернии. Так, в июле 1915 г. рядовой 218-го Горбатовского пехотного полка Я. А. Фомин был эвакуирован из армии и назначен по выздоровлении в «слабосильную команду», откуда отлучился на родину, стремясь избежать военной службы, вследствие чего был переведен в 3-ю команду выздоравливающих в г. Самару, по суду посажен под арест. Такая же история в июне 1915 г. произошла с рядовым 186-го пехотного Андалузского полка В. П. Лобачевым, направленным в сентябре в 1-ю команду выздоравливающих; в августе 1915 г. с солдатом Э. К. Рейманом, ушедшим из 1-го запасного артиллерийского дивизиона до июня 1916 г. (задержан жандармской полицией), и рядом других [28, с. 97–99]. В конце декабря 1915 г. губернатором А. А. Станкевичем было принято обязательное постановление по борьбе с самовольными отлучками из войсковых частей [38, д. 530, л. 15], в январе 1916 г. утвержден закон, увеличивающий наказания за самовольную отлучку, неявку в срок на службу и уклонение от службы. Семьи нижних чинов, сдавшихся в плен, лишались казенного пособия.

Мобилизация являлась неординарным событием в жизни призывника и его родственников, что отражалось в поведении и настроении обывателей, патриотические чувства сливались с негодованием в адрес полиции. Самарец М. В. Дубинин в воспоминаниях так описывает призыв в действующую армию в 1916 г.: «Через три дня мы с котомками явились к воинскому начальнику города Самары. Здесь в это время стояла огромная толпа провожающих: отцов, матерей, родных и знакомых... Деревянный забор со стороны Панской и Уральской улиц не выдержал напора новобранцев и вместе с воротами рухнул на мостовую. Ликующие новобранцы смешались с провожающими. Попытка городских навести порядок превратилась в общую свалку. В этой свалке слышались возгласы: “Бей фараонов!”... С большим трудом, при помощи прибывших вооруженных солдат и оренбургских казаков, был поднят забор и восстановлен порядок... От воинского начальника до пристани нас гнали по улицам города Самары под

усиленным конвоем полиции и оренбургских казаков... Провожающие к нам не допускались, поэтому они шли за нами по тротуарам» [26, с. 371–372].

С началом военных действий Поволжье превратилось в главную базу формирования запасных воинских частей. В Саратове призванных запасных размещали в казенных и некоторых частных домах. Занимались под войсковые части здания гимназий, училищ, школ, в том числе и духовных учебных заведений. В 1915 г. из 41 школы были заняты войсками 32 (241 класс), из 12 тыс. учеников могли заниматься всего 5100 детей. По приблизительным подсчетам, на территории Саратовской губернии в 1917 г. находилось уже около 150 тыс. солдат и офицеров. Наиболее крупный гарнизон (три пехотных и два пулеметных полка, две артиллерийские бригады, два отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина) дислоцировался в Саратове. По два запасных пехотных полка располагались в Петровске, Вольске, Балашове, по одному – в Покровске, Новоузенске, Николаевске, Аткарске. По деревням Аткарского уезда стояли четыре полка 2-й Оренбургской казачьей дивизии. И лишь Хвалынский был свободен от постоя войск. Такая же ситуация складывалась и в других губерниях Поволжья.

Первая мировая война изменила систему обеспечения армии, были введены государственные закупки продовольствия. На местах появились окружные и губернские уполномоченные из числа местных общественных деятелей и государственных чиновников. Губернии Поволжья являлись основными поставщиками хлеба и фуража для нужд армии. Размеры продовольственного задания были так велики, рост и острота продовольственных потребностей настолько быстро увеличивались в районах военных действий, требуя срочных мер и распоряжений, что эта деятельность стала первоочередной для органов власти как в центре, так и на местах. По мере развития военных действий в России складывалась система чрезвычайных органов военно-экономического регулирования, основу которой составляли Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам

и продовольствию, начавшие свою деятельность в августе 1915 г. Формально они считались равноправными органами власти, фактически же руководящая роль принадлежала Особому совещанию по обороне [20]. К функциям председателя Особого совещания по продовольствию относились заготовка провизии и фуража для армии, регулирование торговли, цен, общие и частные ревизии скота, продовольственных продуктов, семян, отмена постановлений местных властей о правилах торговли и снабжения городов. В состав Особого совещания входили члены Государственного совета и Думы, делегаты земств и городов, представители военно-промышленных и биржевых комитетов, профсоюзов – мукомолов и т.д. Министерство земледелия ранее никогда не занималось продовольственным снабжением и не имело для этого технического аппарата. В 1925 г. по инициативе генерала А. С. Лукомского в США был выпущен сборник «Русское снабжение в Великую войну». В нем Наумов поместил свою записку о продовольственном снабжении России в военное время и охарактеризовал те меры, которые инициировались в то время. Никаких цифровых данных по учету существовавших в стране запасов продуктов, даже первой необходимости, не было. Отсутствовали статистические данные для подсчета производства и потребления хлеба, мяса и пр. В этой ситуации было решено провести общую сельскохозяйственную перепись. Она состоялась в мае – июле 1916 г. на территории 77 губерний и областей Европейской и Азиатской России. Перепись не проводилась только в районах, занятых неприятелем, четырех областях на Кавказе и двух – на крайнем северо-востоке Сибири. Непосредственной задачей был учет сельскохозяйственного населения. Перепись 1916 г. содержит сведения по уездам о количестве хозяйств, абсолютном количестве населения, посевных площадях, с распределением по отдельным культурам, и о количестве рабочего и продуктивного скота [17]. Она осуществлялась в сложных условиях военного времени, что отрицательно сказалось на достоверности ее сведений. Однако благодаря проведению переписи и сбору данных удалось установить

более или менее планомерное отношение между производительными и потребительными районами, между требованиями фронта и нуждами тыла.

Первоочередными мерами Особого продовольственного совещания стали борьба со спекуляцией и дороговизной, а также заготовка продовольственных запасов для населения. За первые месяцы министерской деятельности Наумову удалось заготовить около 30 000 000 пудов хлеба, переданных городам и земствам, в первую очередь для столицы, затем для остальных нуждающихся местностей. Выдавались продовольственные ссуды [17, с. 470].

Министерству земледелия в разгар войны в ряде случаев приходилось делать поспешные закупки, не соответствовавшие ни объему потребностей, ни размерам продовольственных запасов. В годы войны увеличилось потребление мяса. Однако плана его заготовок не существовало, скот пропал по пути, мясо портилось, так как не было холодильников. В короткий срок было организовано устройство на узловых железнодорожных станциях и пристанях 20 холодильников, которые позволяли предотвратить порчу мяса. Глава Казанской железной дороги Н. К. фон Мекк предоставил в распоряжение Наумова холодильное оборудование при Московской железнодорожной станции и в некоторых других центрах Московско-Казанской железной дороги. Кроме того, железнодорожные мастерские стали выпускать холодильные вагоны [там же, с. 406].

Уже в 1915 г. годовое потребление мяса армией составило 60 % довоенного потребления всем населением России. В абсолютном выражении это были сравнительно небольшие цифры, однако они могли сократить отечественное стадо крупного рогатого скота [18]. Кроме того, министр земледелия А. Н. Наумов отмечал, что мясное довольствие деревни возросло до 150 % по сравнению с предвоенным периодом. После своей отставки 1 июля 1916 г. он опубликовал в «Русском Слове» некоторые данные о состоянии продовольственного дела в России; в частности, что «следует ожидать недостатка в снабжении населения мясом. Но и здесь не может быть

и речи о призраке голода, и в самом плохом случае населению придется примириться с необходимостью переносить некоторые лишения. Это уже признано армией, где уменьшена мясная порция. Тем больше может государство потребовать этого от населения, ибо мясной капитал, во имя интересов всей страны, необходимо беречь» [25].

16 февраля 1916 г. Министерство земледелия сообщило, что фронт требует более 100 тыс. пудов мяса в день. Следовательно, с учетом запасов, до 1 января 1917 г. потребуется около 3,5 млн. голов скота. Так как свободной закупкой его добыть уже нельзя, то необходимы обязательные поставки, исполнение которых требует введения твердых цен на мясо и скот. Было решено, что эти цены устанавливаются губернскими земствами. Министерство земледелия определяет количество скота для армии в разверстке на каждую губернию, затем губернские органы разверстывают по уездам, а те – по волостям. Твердые цены на мясо и скот были введены 19 мая 1916 г. [18, с. 147]. Правительство старалось решить проблему в зоне своей ответственности. Самой действенной мерой могло быть понижение потребления мяса до предвоенного уровня. Министр земледелия А. Н. Наумов предлагал в этих целях действовать путем организации совместной работы центральных и местных органов власти. Широкое привлечение земских органов могло обеспечить не только низовую поддержку мероприятий правительства, но и контроль за исполнением его решений.

В годы Первой мировой войны мобилизационные мероприятия стали одним из важнейших явлений, определяющих общественно-политическую ситуацию как в городах, так и селах Поволжья. Масштабные мобилизационные процессы были фактором социально-демографических сдвигов, углубления противоречий в российской деревне, увеличения беспосевных и безземельных хозяйств. Деревня лишилась рабочих рук, происходило постепенное изменение гендерных ролей, главой семьи становились женщины-солдатки.

Образ жизни населения изменялся под воздействием неблагоприятных условий, среди которых особо можно

выделить рост цен на продовольствие; безнаказанное причинение вреда имуществу обывателей путем погрома торговых заведений; постоянное опасение жителей за себя в связи с наплывом в город неконтролируемого, нетрезвого, чуждого городской среде контингента; выявление слабости правоохранительных структур, которые не могли урегулировать «опасные» выходы прибывшей в город и активизировавшейся местной публики.

Наиболее неблагоприятной была ситуация в тех городах, собственное население которых не имело значительного количественного перевеса над мобилизованными, а местные власти не обеспечивали условий приема призывников. Мобилизация отразила имеющиеся между обществом и властью противоречия, проявившиеся в годы войны в нежелании одних и стремлении других служить государственности в той форме, которую она от подданного требует. Одновременно мобилизация проявила и лучшие качества человека, выразившиеся в патриотическом настроении, восторженном отношении к потенциальным защитникам Отечества, негодовании по поводу непатриотичных действий земляков.

Список источников и литературы

1. Анфимов А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. 384 с.
2. Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–86.
3. Баринова Е. П. Антиалкогольная политика правительства в оценке российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 96–99.
4. Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 3–45.
5. Волжский день. 1915. 18 июня.
6. Волжский день. 1915. 23 июня.
7. Волжский день. 1915. 11 июля.
8. Волжский день. 1915. 21 июля.
9. Волжское слово. 1914. № 155 (2033). 22 июля.
10. Головин Н. Н. Военные усилия России в первой мировой войне. Париж, 1939 [электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html (дата обращения: 11.06.2015).
11. Городской вестник. 1914. 24 июля.
12. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. 371 с.
13. Земский феномен. Политологический подход / В. Ф. Абрамов, К. Мацузато, А. А. Ярцев. Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001. 198 с.
14. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция: (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. 384 с.
15. Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / сост., предисл., коммент. С. Волкова. М., 2012. 758 с.
16. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Т. 2.
17. Островский И. В. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. – источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.
18. Оськин М. В. Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 144–152.
19. Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 109–131.
20. Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. 693 с.

21. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. 416 с.
22. Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (на материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. 160 с.
23. Россия в первой мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. 104 с.
24. Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. 564 с.
25. Русское слово. 1916. 1 июля.
26. Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Сборник документов. Самара, 2014.
27. Самарские губернские ведомости. 1914. № 56. 26 июля.
28. Семенова Е. Ю. Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 г.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. 887 с.
29. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.
30. Симанский П. Н. Мобилизация русских войск 1914 года и ее недостатки // Война и революция. 1926. № 1/2. С. 130–140.
31. Скрипкин А. С., Луночкин А. В., Курилла И. И. История Волгоградской земли от древнейших времен до современности: учеб. пособие. М., 2013. 224 с.
32. Сухова О. А. Мобилизационные кампании периода Первой мировой войны в восприятии и поведении российского крестьянства: итоги и перспективы изучения проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2014. № 1 (29). С. 39–49.
33. Тутолмин С. Н. Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917 гг. // Нестор. 2003. № 6. С. 390–401.
34. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 1. Оп. 1.
35. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 130.
36. ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1.
37. ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1.
38. ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1.
39. ЦГАСО. Ф. 677. Оп. 1.
40. ЦГАСО. Ф. Р-3947. Оп. 2.

ГЛАВА V. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914–1916)

Вступление России в Первую мировую войну изменило характер деятельности земств. На органы самоуправления была возложена ответственность за мобилизацию всех материальных, финансовых и трудовых ресурсов. И если в обществе на начальном этапе войны господствовали патриотические настроения, названные впоследствии С. П. Мельгуновым «некритическим патриотизмом» [27, с. 21], подразумевая «шапкозакидательские настроения», то земства вспомнили свой опыт времен Русско-японской кампании.

Первое с начала войны чрезвычайное губернское собрание прошло в Тамбове 26 июля 1914 г. Помимо традиционных для собраний организационных вопросов, таких как явка гласных, пришлось рассмотреть и несколько новых проблем: выборы уполномоченного в общеземскую организацию; изыскание средств на расходы, вызванные войной. В первую неделю было мобилизовано и несколько земских гласных, которым собравшиеся коллеги, по предложению председателя тамбовской уездной земской управы А. Н. Луженовского, решили отправить «приветственные телеграммы» [17, с. 10].

Выборы уполномоченного в общеземскую организацию прошли быстро. Им стал член тамбовской уездной управы, известный либеральный деятель кн. Д. А. Кугушев [там же, с. 11; 32, с. 280]. Он и председатель губернской земской управы Ю. В. Давыдов представляли тамбовских земцев на совещании уполномоченных при Московской губернской управе 30 июля 1914 г. [16, с. 10].

Финансовый вопрос тоже решили достаточно быстро: управе было поручено взять «заем до 1 миллиона рублей» под обеспечение четырехпроцентных облигаций Главного общества российских железных дорог [17, с. 11, 26]. Предугадывая

дальнейшие денежные затруднения, управа предложила закрыть интернат фельдшерской школы на 1914/1915 учебный год. Причиной же этого стала невозможность «...докончить переустройство и ремонт здания приюта для подкинутых детей, питомцы коего на время переустройства переведены в помещение интерната фельдшерской школы» [там же, с. 31].

* * *

Второе с начала войны чрезвычайное собрание земцев в Тамбовской губернии прошло 15 августа 1914 г. К обсуждению выдвигалось несколько вопросов. Инициативу Московской губернской земской управы по созданию комитета по оказанию помощи раненым воинам подхватили повсеместно [32, с. 237], в том числе и тамбовское земство. Докладчиком по этому вопросу был председатель управы Ю. В. Давыдов, один из непосредственных участников совещания членов новой организации [16, с. 8]. Надо отметить, что деятельность комитета в губернии началась с 5 августа 1914 г., но его функции до созыва земского собрания выполняла управа [33, с. 1]. Давыдов ознакомил губернских гласных с выработанным ею положением об организации губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Задачи, состав и финансовые источники для деятельности комитета были утверждены губернскими гласными без замечаний, в том числе и пункт о сокращении сметных расходов на сумму в 168 650 руб. [9, с. 138; 16, с. 14–16]. Полностью были прекращены выдачи ссуд уездным земствам на строительство школьных зданий, отменен съезд санитарных врачей в 1914 г., остановлены обследования молочности рогатого скота, пополнение экспозиции сельскохозяйственного музея и издание брошюр по сельскому хозяйству. Еще были сокращены расходы по пяти пунктам, касающимся образования и здравоохранения [16, с. 14–15].

Задачами комитета в числе прочих были устройство специальных госпиталей для лечения раненых и больных воинов, оборудование земских больниц и фельдшерских пунктов для тех же целей [там же, с. 11]. Член управы Ю. Ю. Новосильцов в своем отчете отмечал: «Неотложная задача

в настоящую минуту ясна: Тамбовской губ. необходимо иметь 2000 готовых коек и желательно в близком будущем обладать возможностью принять до 4000 призреваемых... уже готовы или в недалеком будущем будут оборудованы 1034 коек; кроме того... предполагаются еще 255 коек, что в общем составит 1289 коек... Кроме того, губернская управа приступила к оборудованию 400 коек для раненых и больных в губернской больнице. Итак, вместе с последней цифрой количество коек возрастает до 1689» [там же, с. 18–19]. Первоначально средства на это были выделены из сокращенных земских расходов в сумме 70 000 рублей [там же, с. 22].

Кроме коек в городских и уездных земских больницах, специально организованных земских лазаретах, в лечебницах Красного Креста в 1914 г. по решению губернского дворянского собрания был устроен лазарет имени тамбовского дворянства, содержащийся как за счет средств этой сословной организации, так и за счет пожертвований. При этом перво-степенное значение имели именно пожертвования: по просьбе отдельных дворян учреждались именные койки, на содержание которых ежемесячно вносилась определенная сумма. Недостигающие средства субсидировало дворянское депутатское собрание [5, д. 9412, л. 1; д. 9371, л. 26, 32, 34–34 об., 52–54, 57, 66, 84]. Созданными лазаретами заведовали ревизор акцизного управления А. А. Мордмиллович, директор Екатеринбургского учительского института Ф. Ф. Виноградов, не-пременный член Земельного банка В. В. Давыдов и супруга тамбовского вице-губернатора М. Н. Липинская [33, с. 61]. По хирургическим вопросам медперсонал в лазаретах консультировал «старший доктор» губернской земской больницы П. А. Баратынский.

В состав Тамбовского губернского комитета Всероссийского земского союза были избраны гласные И. И. Сатин, Н. С. Жихарев, А. Н. Луженковский, Н. Т. Юрин [16, с. 9; 33, с. 2]. Председательствующим же был по должности Ю. В. Давыдов. Впоследствии состав комитета расширился: в него были приглашены представители «всех общественных организаций и других учреждений в г. Тамбове, поставивших

своей задачей удовлетворение вызываемых войною нужд» [33, с. 2]. Исполнительный орган комитета составляли: председатель Ю. В. Давыдов, его заместитель Е. П. Кондырев (член губернской земской управы), уполномоченные комитета Ю. Ю. Новосильцов и Н. С. Жихарев (оба – члены губернской земской управы) [там же, с. 59]. Членами комитета на 1 января 1915 г. были: уполномоченный Красного Креста по Тамбовской губернии кн. Н. Н. Чолокаев (губернский предводитель дворянства и председатель губернского земского собрания); избранные от земского собрания И. И. Сатин, Н. С. Жихарев, А. Н. Луженовский, Н. Т. Юрин; представитель тамбовского уездного земства адвокат Н. Н. Сатин; представители дворянской организации помощи раненым А. И. Сатин (уездный предводитель дворянства) и А. А. Булгаков; члены Государственной думы от Тамбовской губернии А. Я Тимофеев и А. Н. Аносов; представители Тамбовской городской думы городской голова С. И. Теннис¹, К. Н. Шатов, И. А. Скворцов; представитель тамбовского общественного комитета помощи запасным кн. В. П. Ищев; уполномоченный комитета по устройству лазарета в с. Рассказово И. А. Желтов; управляющий акцизными сборами Тамбовской губернии А. Ф. Вержболович [там же, с. 59–60].

В комитете было создано 6 отделов, которые возглавлялись гласными и служащими губернского земства. Так, секретарский отдел возглавил занимающий соответствующую должность в губернской земской управе (ГЗУ) В. П. Чихачев, бухгалтерский – бухгалтер той же управы Н. М. Караулов, эвакуационный – заведующий оценочно-статистическим отделом ГЗУ Н. А. Иванов, медико-санитарный – эпидемический врач ГЗУ В. Г. Зильберман, учетный – ревизор земского страхования М. Д. Ильинский, склад – агент земского страхования по Тамбову Н. М. Симонов [там же, с. 60].

В августе на чрезвычайной сессии было рассмотрено и принято единогласно предложение видного общественного деятеля, земского гласного В. М. Андреевского (Кирсанова)

¹ В годы Первой мировой войны тогдашний городской голова врач И. М. Потапов являлся главным уполномоченным Красного Креста Западного фронта [24].

о «закрытии винных лавок на все время войны» [16, с. 8]. В своем докладе Андреевский подчеркнул, что «мера эта благотворно отзовется на благосостоянии народа именно осенью, в момент реализации урожая и неизбежного разгула во время осенних престольных праздников. Население же должно быть имущественно сильным, чтобы вынести тяжелые последствия войны» [там же, с. 23]. Неизбежный недобор налоговых поступлений из-за отказа от торговли крепкими спиртными напитками было предложено возместить за счет повышения прямых налогов [там же, с. 24]. Это, а также отчисления на военные нужды, рост цен на промышленные товары, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве в последующем привели к инфляции, снижению уровня и без того не слишком высокого благосостояния сельского населения губернии. Однако повторное анкетирование показало, что введение «сухого закона» привело к «улучшению трудолюбия», сокращению и даже прекращению «озорства, драк, ссор и хулиганства» [31, с. 81–82]. Однако употребление спиртосодержащих напитков не прекратилось. К. В. Самохин приводит такие данные из проводившегося в 1915 г. опроса: «Вместо водки употребляют, главным образом, денатурированный спирт и в меньшем числе случаев... палитиру, одеколон, киндер-бальзам, брагу и квас с примесью одурманивающего напитка» [там же, с. 82].

На территории всей Российской империи был установлен запрет на продажу спиртных напитков на период мобилизации, а осенью было издано «Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему сенату министром юстиции, о продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления от 5 сентября 1914 г.» [там же, с. 80].

* * *

20 января – 8 февраля 1915 г. в Тамбове прошли заседания губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. Столь поздние сроки были обусловлены военным временем. Как объяснил председатель управы Ю. В. Давыдов, позднее обычного состоялись уездные собрания, а во время проведенной 2 января 1915 г. мобилизации были призваны почти все рабочие земской типографии, из-за чего не смогли быть

вовремя подготовлены материалы для губернского собрания [14, с. 8]. На первом же заседании гласные по предложению председателя собрания кн. Н. Н. Чолокаева отслужили панихиду «по убиенном в сражении против австрийцев губернском гласном В. А. Гусеве» (Борисоглебский уезд) и составили «приветственную телеграмму гласным губернского земства, находящимся в действующей армии» [там же, с. 7–8].

Среди множества проблем, рассмотренных на губернском собрании, целый ряд косвенно или напрямую касался нужд военного времени. Комитет Ее Императорского Высочества великой княгини Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий обратился, в том числе, и к тамбовским земцам с «горячим призывом не отказать в посильной своей жертве» [там же, с. 154]. С 3 тыс. руб., предложенных в докладе управой, сумма, по рекомендации князя Чолокаева, была увеличена до 10 тыс. [там же, с. 15].

Председатель управы Ю. В. Давыдов внес на рассмотрение собрания несколько предложений. Одно из них – о возбуждении ходатайства перед Романовским комитетом о выдаче ссуды на постройку здания приюта для «призрения 24 сирот павших в борьбе за родину воинов» [там же, с. 35]. Предложение и сумма ссуды в 30 тыс. руб. были поддержаны гласными.

На заседании 23 января 1915 г. был заслушан доклад-отчет о деятельности тамбовского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. В нем, в частности, было отмечено, что неожиданное прибытие транспорта с ранеными из Орла выявило необходимость организации собственного эвакуационного госпиталя и увеличения запасов белья, перевязочных средств, мебели и пр. [там же, с. 387].

Реализуя задачу увеличения числа коек для раненых, комитет после оборудования госпитальной базы в помещениях губернской больницы приступил к организации других лазаретов. Патриотический настрой местного населения позволил практически не прибегать к аренде помещений, так как организации и частные лица предоставляли их бесплатно [там же, с. 389]. Так, в Тамбове под лазареты были использованы

здания казенного винного склада, Крестьянского поземельного банка, городской дом М. В. Асеева (в нем разместили «заразный лазарет») [33, с. 6], помещения при школах огнестойкого строительства, слепых, при Екатерининском учительском институте и др. [14, с. 390]. В прочих городах и селах губернии наблюдалась подобная ситуация. Поэтому к открытию очередного собрания 1914 г. в губернии насчитывался 131 лазарет с общим количеством коек 6800, в том числе 4 военных с 1680 койками [там же, с. 391]. На содержании собственно земства в лице комитета находилось 3043 койки [там же, с. 392]. Цифры, приведенные в отчете комитета, немного отличаются: при числе лазаретов 131 количество коек 6821, из которых полностью или частично на содержании земства находились 3634 [33, с. 8–9].

Стоит отметить, что помощь лазаретам оказывалась не только предоставляемыми помещениями. Уполномоченный комитета Н. С. Жихарев отмечал: «В большинстве лазаретов Губернского Земского Комитета работает, наряду с платным персоналом, много лиц, отдающих свой труд бесплатно. Таковы – заведующие лазаретами Комитета, много сестер милосердия, дежурных по хозяйству и т.д. Участие этого добровольно работающего персонала, помимо известной экономии, вносит в жизнь лазаретов элемент свежести, а теплое, участливое отношение к раненым облегчает их тяжелое положение» [там же, с. 7].

Источниками средств для работы комитета являлись ассигнования губернского земства и средства Главного комитета Всероссийского земского союза, а также поступавшие пожертвования [14, с. 400–401]. Собрание постановило разрешить использовать 75 тыс. руб., взятых из кредита, на организацию помощи семьям призванных на войну [там же, с. 47]. Из того же кредита было выделено 5 тыс. руб. для «оказания пособия населению Сербии» [там же, с. 47–48].

Кроме расходов военного времени, приходилось увеличивать сметы и на другие нужды в связи с повышением цен, например на продовольствие, дрова, наем квартир для персонала и пр. [там же, с. 48, 460–461]. В ходе обсуждения темы

здравоохранения гласный А. Р. Кошелев инициировал вопрос об урегулировании снабжения земских учреждений медикаментами, так как с началом войны наметился рост цен на них. Доклад этот «нашел сочувствие», но рассмотрение вопроса решено было отложить до следующего очередного собрания [там же, с. 669–673]. Однако вернуться к этому пришлось раньше.

Интересен тот факт, что на очередном земском собрании 1914 г. планировалось провести в жизнь «новый принцип распределения по благотворительным учреждениям общих расходов так называемого счета “Заведения вообще”», поскольку существовавший до этого процент для каждой организации потерял свою актуальность в связи с появлением новых расходов (содержание газовой кухни, электростанции, завода) [там же, с. 468]. Однако, приняв во внимание доклад управы, было решено, что «провести этот принцип, начиная с 1915 г., не представляется возможным», так как «ввиду содержания в больнице большого числа раненых, расходы существенно уклоняются от нормы» [там же, с. 49]. Поэтому выполнение постановления было отложено до следующего 1916 г. Видимо, успешное наступление российских войск в Карпатах и победа союзного английского флота у Доггер-банка в начале 1915 г. вселили надежду на скорое завершение войны.

Собрание рассмотрело прошения о денежной помощи призванных на войну гласных, земских служащих или членов их семей. Так, Ю. В. Давыдов довел до сведения присутствующих прошение призванных служащих губернского земства о выдаче им рождественского вознаграждения, пояснив, что оно выдается «за усиленные занятия перед собранием» [там же, с. 76]. Посему, по причине отсутствия 10 просителей на подготовительном этапе, ходатайство было отвергнуто. В то же время те служащие, которые были задействованы в подготовительных мероприятиях, свои рождественские награды получили [там же, с. 84]. Но имелись и другие примеры. По предложению С. В. Воейкова в журнале собрания был отмечен практически единственный случай: отказ вдовы землемера Михайловой от получаемого ею от земства пособия,

который она объяснила «желанием быть чем-либо полезной в тяжелую для России и Земства годину» [там же, с. 70].

Итогом работы очередного земского собрания было утверждение сметы и раскладки губернского сбора на 1915 г. (расход – 2 983 900 руб. 22 коп. ; доход – 1 204 713 руб. 69 коп.) [там же, с. 86]. Дефицит бюджета и регулярно возникавшие острые проблемы заставили гласных встречаться на чрезвычайных собраниях еще неоднократно.

* * *

В первый раз такая острая необходимость возникла перед началом полевых работ. Разрешение на проведение чрезвычайного собрания было получено от губернатора А. А. Салтыкова, и 7 марта 1915 г. 30 губернских гласных собрались на заседание. Ими было рассмотрено четыре вопроса.

Как следует из доклада ГЗУ и ходатайства тамбовского уездного земства, утвержденный чрезвычайным собранием 12 августа 1914 г. заем в 25 тыс. руб. был передан в распоряжение местному отделению Российского общества Красного Креста на содержание лазарета в течение полугода – с 23 августа 1914 по 23 февраля 1915 г. [12, с. 12]. Дополнительные расходы на доплату медперсоналу, выполняющему обязанности призванных на военную службу врачей и фельдшеров, на выдачу пособия на отопление семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения требовали новых затрат. Сумму займа управа определила в 50 тыс., «с тем, чтобы в течение пяти лет его покрыть, внося в смету расходов по 10 тысяч рублей ежегодно, начиная с 1916 года» [там же, с. 13]. Губернское собрание дало разрешение тамбовскому уездному земству на требуемый заем.

Однако намного серьезнее губернских гласных, и не только их, беспокоил предстоящий сельскохозяйственный сезон. В докладе по этому вопросу, в частности, отмечалось, что «война... привела в ряды войск большую часть всего мужского населения губернии... ту его часть, которая являлась наиболее работоспособной и составляла главную рабочую силу в выполнении сельскохозяйственных работ» [там же, с. 15]. Доклад управы был подготовлен на основе взаимодействия

с уездными земствами. Результаты были далеки от ожидаемых. В конечном итоге чрезвычайное собрание приняло следующие постановления: 1) для приобретения семян земства берут на себя труд по возбуждению ходатайств перед Государственным банком о выдаче ссуд кооперативным товариществам (предполагалось, что семенной материал будет предоставлен в виде возвратной ссуды или безвозвратного пособия [там же, с. 17]); 2) оказание бесплатной или платной помощи трудом земства не предоставляли, а деятельность в этом вопросе «может быть направлена лишь в сторону нравственного воздействия на население путем воззваний» [там же, с. 18]; 3) продажа или сдача в аренду по льготным ценам машин или орудий труда предоставлялась в полное распоряжение уездных земств, которым не гарантировалось даже возмещение убытков; 4) для приобретения машин и орудий для прокатных пунктов ассигновано 200 тыс. руб. [там же, с. 18–19].

В силу того, что из-за нехватки времени и данных было невозможно определить реальные потребности семей призванных на войну, губернский комитет предложил проводить расчеты, исходя из площади крестьянских посевов и численности крестьян в уездах, а также плотности населения [там же, с. 19–20]. Прокатными машинами и орудиями труда могли воспользоваться все жители уездов. Однако семьям призванных предоставлялось «право первой очереди» [там же, с. 21]. Отмечалось также, что прокатные пункты должны особое внимание уделить уборочной технике, так как до этого они ею практически не располагали.

Таким образом, вся помощь земства выливалась только в обеспечение посевным материалом и орудиями труда. Вопрос с рабочей силой не был решен. Земцы считали, что население само должно было помогать друг другу. В связи с этим особое внимание было обращено на возможность использования труда военнопленных при сельскохозяйственных работах [там же, с. 9–10, 36–37]. Проект «Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» был препровожден в губернскую управу губернатором для ознакомления.

Правила налагали на земство определенные расходы, против которых выступили гласные. В частности, обеспечение одеждой и обувью, наем, в случае необходимости, сторожей для охраны пленных, при том, что в целом эта миссия возлагалась на «чины местной полиции» [там же, с. 35, 37].

Согласно Правилам, военнопленных предоставляли только в том случае, если управы подали заявление не позднее 2-х недель со дня издания Правил, а далее – в сроки, устанавливаемые военным начальством. При этом принимающая сторона должна была сообщить место приема пленных (железнодорожная станция или паромная пристань), срок их прибытия, число военнопленных для каждого пункта и срока отдельно, время пребывания, фамилии ответственных за прием в каждом пункте [там же, с. 33].

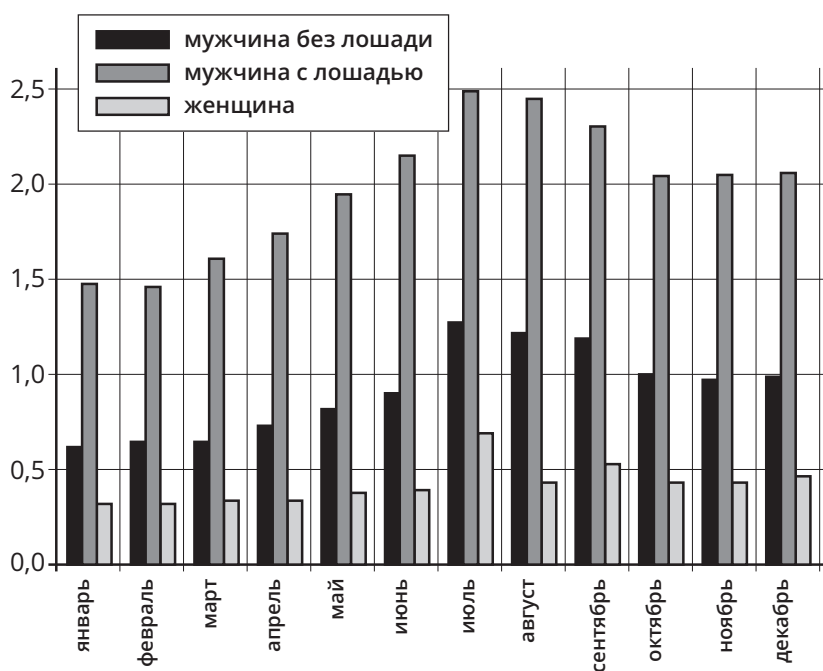
Максимальное число военнопленных, которых можно было пригласить на всю губернию, – не более 10 тыс. человек, при этом минимальное число на каждый пункт – 100 человек [там же, с. 34]. Для нужд Тамбовской губернии, крупнейшей в Европейской России, эта цифра была недостаточна. А в дальнейшем ситуация ухудшилась. В феврале 1917 г. Ю.В. Давыдов писал: «Губернское земство возбудило ходатайство перед подлежащими властями о присылке для Тамбовской губернии 60 тысяч военнопленных инородцев и рабочих китайцев, но рассчитывать на получение такого количества рабочих едва ли возможно» [5, д. 9496, л. 75].

При привлечении военнопленных в 1915 г. возникли затруднения, которые не предвиделись вначале. Так, на чрезвычайном собрании 18 июня 1915 г. гласный М.М. Охотников сообщил, что циркуляры, изданные «в развитие основного положения», затрудняют «пользование трудом военнопленных» и «обратную отдачу военному начальству тех пленных, которые по болезни, нежеланию работать или же по другим каким-либо причинам возвращены обратно в Управу. Таких приходится держать по неделям... что и дорого и обременительно...» [13, с. 15–16].

Еще одним условием привлечения военнопленных на работы была оплата, размер которой, согласно Правилам,

назначался управой. Но только часть суммы выдавалась работнику, остальное поступало земству на возмещение расходов по приему, содержанию (медицинская помощь, продовольствие, одежда, обувь) и охране пленных [12, с. 34–35]. Губернское собрание решило, что определение суммы платы нужно передать уездным земствам в лице управ как «органов, ближе стоящих к населению» [там же, с. 36]. При этом должны были учитываться тарифы на оплату поденной работы в каждом из уездов. В 1915 г., как и впоследствии, цены повышались ежегодно и колебались посезонно. На диаграмме представлены колебания усредненных тарифов по данным губернской управы [4, д. 399, л. 1 об.; д. 400, л. 1 об.; д. 401, л. 1 об.; д. 402, л. 1 об.; д. 403, л. 1 об.; д. 404, л. 1 об.; д. 405, л. 1 об.; д. 406, л. 1 об.; д. 407, л. 1 об.; д. 408, л. 1 об.; д. 409, л. 1 об.; д. 410, л. 1 об.].

Средняя оплата за поденную работу в 1915 г. (в руб.)

Пиковые показатели достигались в летние месяцы, что, безусловно, связано с уборочной, но не только. Число рабочих рук и поголовье тяглового скота заметно сокращались к осени 1915 г. В период с 18 (31) июля 1914 г. по 1 (14) января 1916 г. на фронт ушло 67 % от общего числа мобилизованных во время войны [31, с. 40]. По данным опроса, проводившегося в Тамбовской губернии в 1915 г. среди добровольных корреспондентов (ДК) и членов волостных правлений (ВП), на недостаток рабочих рук указало 12 % ДК и 10,8 % ВП [там же, с. 107].

Важным для губернии был и четвертый вопрос – о мерах борьбы с «могущими появиться эпидемиями» [12, с. 8]. Опыт прежних лет показывал, что в Тамбовскую губернию эпидемические болезни заносились преимущественно с Волги. Однако большое число раненых и больных с театра военных действий, а также пленных расширило географию заражений. Полагая, что железные дороги способствуют быстрому распространению болезней, в своем докладе управа называла одним из главных мероприятий по предотвращению эпидемий «устройство по главным артериям по линии железной дороги – целого ряда пунктов, на которых возможно было бы извлекать заболевших и их изолировать» [там же, с. 28]. Эта мера являлась как нельзя более актуальной – уже весной 1915 г. ощущалась нехватка не только врачей, но и медперсонала на местах. В 1914–1915 гг. на фронт было призвано 35 % общего числа врачей [1, с. 157]. Бараки предполагалось строить по типу боксов: 3–5 изолированных отделений, каждое на 2 палаты, с отдельным входом и собственным санузелом. В каждом отделении должна была быть своя сиделка. Кроме «заразных барakov», при каждом пункте – отделение на 2 палаты для «сомнительных», оборудованное аналогично. В целях профилактики при каждом бараке предполагалось устроить еще дезинфекционную камеру с паровым котлом и баню [12, с. 28–29].

На постройку этих барakov на крупных железнодорожных станциях Грязи, Козлов, Тамбов, Кирсанов, Борисоглебск, Моршанск и Сасово планировалось выделить 145 900 руб., а на покупку дезинфекционных средств и вакцин – еще

10 тыс. [там же, с. 29–30]. Собрание приняло доклад управы «во всех его частях» [там же, с. 9].

* * *

Следующее чрезвычайное земское собрание, как и было назначено, открылось 18 июня 1915 г. [4, д. 107] по прибытии 42 гласных. Не все рассматриваемые вопросы касались войны, помощи раненым или семьям призванных, но так или иначе они были обусловлены именно нуждами военного времени: например, ходатайство подрядчика Пикулина о повышении сметных цен на постройку здания земской управы, бактериологического института и заразного отделения [13, с. 9–12, 24–32] или доклад управы о повышении жалованья служащим губернского земства [там же, с. 19–20, 51–55]. Оба этих вопроса после небольших дискуссий были решены положительно. Однако высказанные мнения гласных А. Е. Андреевского, Ю. Ю. Новосильцова, С. И. Комсина, Е. П. Кондырева, кн. Д. А. Кугушева и др. по первому из них задали вектор решения долгосрочных задач на опережение. В частности, кн. Кугушев отметил: «Правильное положение – 7 раз примерь и один раз отрежь – применимо в нормальное время, а не в то безумное время, которое переживает наша родина: теперь потеря времени может принести неисчислимы убытки» [там же, с. 12].

Этими же соображениями, как следует из доклада «О санитарных мероприятиях в связи с военными обстоятельствами», руководствовались уездные земства, приступив к строительству и устройству эпидемиологических барачков, не дожидаясь средств из казны. Ю. Ю. Новосильцов высказал мысль, что земские ассигнования послужат доказательством острой нужды «в мероприятиях по борьбе с эпидемиями» [там же, с. 21]. Гласных заинтересовал пример Борисоглебского уезда, где планировалось строительство барака на 30 кроватей. Борисоглебская земская управа и городское управление попросили разрешение на возведение данного сооружения на совместные городские и земские средства, но не на 30, а на 50 кроватей. Сметная стоимость равнялась 30 тыс., из которых 15 тыс. давали городские власти и 15 тыс. – земство [там же, с. 59–62].

Однако начатое строительство не было завершено к моменту возникновения необходимости в эпидемиологических бараках. Вопрос о финансировании тоже оставался дискуссионным и в последующем. Так, на чрезвычайной сессии в августе того же года гласные все еще спорили о сумме средств, которые должно было дать губернское земство, о доле уездов и возможности решить проблему строительства за счет государственных ассигнований [19, с. 7–13].

Тем не менее, к открытию чрезвычайного августовского собрания в губернии уже было зафиксировано 309 случаев заболевания холерой, 143 – с летальным исходом [там же, с. 19]. Первый и единственный для этого города эпизод был зарегистрирован в Кирсанове, где заболел сопровождавший пленных австрийцев солдат. Единичные случаи заболевания были отмечены в городе Моршанске, а также Усманском и Лебедянском уездах. Большая же часть заболевших приходилась на Козловский и Шацкий уезды [там же, с. 19]. Поэтому в августе управе было разрешено взять кредит на борьбу с холерой: на приглашение эпидемиологического персонала, наем помещений под временные «больнички», обеспечение дезинфицирующими средствами и усиленным питанием [там же, с. 7, 19]. В конце лета эпидемиологическая ситуация обострялась еще и прибытием беженцев [там же, с. 11].

В докладе «Об открытии кредита на обеспечение семей призванных из запаса, обойденных законом» рассказывалось о деятельности учрежденного губернского комитета Всероссийского земского союза в свете уже принятых чрезвычайным собранием решений июньской сессии. Члены комитета оказывали помощь только тем семьям мобилизованных, которые не получали пособия по закону 25 июня 1912 г., а также семьям, «существование коих не обеспечивалось казенным пайком» [13, с. 62–63]. К числу обойденных законом были отнесены «лица, питающиеся трудом мобилизованных», пасынки, падчерицы, племянники, гражданские семьи, сводные братья и сестры, приемные родители, тещи и пр. Выплата пособий, иногда превышающих доход кормильца до мобилизации, расхолаживала крестьян, исключала необходимость

зарабатывать, что в результате сокращало число наемных рабочих и приводило к повышению цены за поденные работы [31, с. 33–35]. Поэтому земства ориентировались на выявление именно нуждающихся, тех, кто находился на иждивении, т.е. нетрудоспособных. К ним были отнесены дети до 17 и старики с 60 лет, которые не могли трудиться по состоянию здоровья. В последнем случае, если нетрудоспособность была явная (например, увечье), медицинское освидетельствование не требовалось [13, с. 59–64].

Но даже при тщательном анализе ситуации кредитных денег на выдачу пособий не хватало, поэтому управа в июне ходатайствовала перед собранием об увеличении разрешенного кредита вдвое [там же, с. 66]. Однако тогда, по предложению председателя собрания кн. Чолокаева, было решено выплачивать пособия до 1 августа (новый урожай), а затем вновь вернуться к рассмотрению этого вопроса [там же, с. 23]. Но надежды на то, что урожай будет собран и реализован, не оправдались, а досрочный призыв 7 августа 1915 г. увеличил число семей, нуждающихся в пособиях. Дело в том, что была отменена льгота, дающая освобождение от призыва единственным сыновьям в семье [19, с. 25].

Таким образом, на августовской чрезвычайной сессии было принято решение продолжить выплату пайка тем, кому он был определен предыдущим собранием, а также назначить пособие семьям «лиц, призванных на действительную службу 7 августа, со льготой 1-го разряда» [10, с. 13–14]. Как отмечал П. П. Щербинин, столь избирательная раздача средств вызывала недовольство в крестьянской среде. Однако «в целом выдаваемых государством сумм и пайков из собственных земских средств для поддержания солдатских семей вполне хватало. И получали их... регулярно и в большинстве случаев только те, кому они были предназначены по закону» [35, с. 71].

Летом 1915 г. стало очевидным, что скорого окончания войны ждать не стоит. В связи с необходимостью оказания помощи не только семьям мобилизованных, раненым и больным воинам, но и действующей армии, стали происходить

объединения общественных и благотворительных организаций в более крупные союзы, создавались общества иного профиля. В июле был создан Земгор. Местные земства, в том числе и Тамбовской губернии, также объединялись с городскими комитетами для совместной деятельности. Вместе с тем, тамбовское губернское земское собрание, по предложению управы, «признало необходимым, чтобы общее дело изготовления в губернии предметов снаряжения ведал особый комитет, присвоив ему название “Тамбовский Губернский Объединенный Военно-Технический Комитет”» [19, с. 28]. В его состав автоматически были включены все губернские гласные, земская управа [там же, с. 15]. Исполнительным органом комитета стало правление из семи членов, в числе которых были председатель управы, его заместитель, городской голова и четыре уполномоченных: инженеры Н. О. Диамандиди, Ф. М. Котляров, Г. Т. Степанов и М. И. Сатин.

Для решения насущных задач собрание признало необходимым объединение «всех кустарных и промышленных сил губернии в деле снабжения армии» [там же, с. 29]. Финансировать деятельность губернского комитета должен был Главный комитет, поэтому для организационных мероприятий собрание выделило 5 тысяч, которые были сразу же записаны в долг [19, с. 30–31; 4, д. 38, л. 45]. Собственно, на этом оно и окончило свою работу.

* * *

Как исполнительный орган земства управа вела активную работу между сессиями. Все вопросы, подлежащие решению собранием, тщательно прорабатывались, готовились доклады, в которых разъяснялась суть задачи и намечались варианты ее выполнения. В военные годы таких проблем было немало. Едва закрылось одно чрезвычайное собрание, как началась подготовка к следующему. Все материалы с ходатайством о разрешении созыва собрания были направлены губернатору А. А. Салтыкову [4, д. 75]. После получения разрешения была назначена дата – 12 октября 1915 г. К открытию собрания прибыло рекордное число гласных – 56 человек [11, с. 5]. Этому была вполне определенная причина: гласные

должны были избрать члена Государственного совета. Процедура была традиционной: кандидаты «намечались» записками, а потом происходила «баллотировка шарами». Из 6 кандидатов избранным оказался С. И. Комсин, остальные от баллотировки отказались [там же, с. 6].

Еще одним примечательным событием утреннего заседания было составление «Верноподданнейшей» телеграммы Николаю II. Помимо необходимых в этом случае выражений полной поддержки и всенародной любви, веры в победу, в тексте было отмечено: «...в этот грозный час, не верьте, Государь, тем, кто выдает Вам скорбь народной души за смуту и крамолу. Мы, земцы, люди земли. Ваши верные слуги и горячо любящие дети единой России. Им чужда смута. Они Ваша главная и надежнейшая опора. Не верьте, Государь, наветам и изберите слуг Ваших, способных... довести нашу родину до победного конца нынешней исторической борьбы» [там же, с. 6–7]. Резолюция императора была оглашена на собрании очередной сессии 1915 г., состоявшемся в феврале 1916 г.: «Сердечно всех благодарю» [15, с. 6–7]

Важность выборов в Государственный совет для гласных подчеркивалась еще и таким фактом – на вечернее заседание того же дня явилось чуть более 30 человек, несмотря на то, что вечером избирали членов сметно-ревизионной комиссии [11, с. 8].

На всех собраниях земства в военные годы большое внимание уделялось вопросам медицины. Это объяснялось высоким уровнем заболеваемости и смертности населения, постоянной опасностью возникновения эпидемий в городах и, что еще страшнее, в сельской местности ввиду сокращения медицинского персонала. В октябре – гораздо раньше намеченного срока – вспомнили о докладе лебедянского гласного А. Р. Кошелева о закупке медикаментов. Однако осенью ситуация значительно ухудшилась, и теперь «цифры... пугавшие... в прошлом году, в настоящее время являются идеалом мечтаний, и ожидать серьезного понижения их в ближайшем будущем, даже при наличии таких возможных крупных факторов, как падение Дарданелл, решительно нет никаких оснований»

[там же, с. 24]. Устранением проблемы могло бы стать создание фармацевтической промышленности в России, так как медикаменты в основном были импортными. Но в военное время масштабная переориентация промышленных мощностей была нереальна, да и инициироваться тамбовскими земцами не могла. Выход из ситуации виделся в организации объединенной общегубернской закупки медицинских товаров на нужды земства «по возможности из первых рук» или же через Всероссийский земский союз [там же, с. 23–25]. Но даже при таком раскладе предлагалось увеличить закупочный бюджет на 50 % и работать только с полной предоплатой, т.к. стоимость росла еженедельно, никаких «твердых цен» уже не существовало.

Решение собрания по докладу о закупке было принято «безотлагательно». Сумму займа с предполагавшихся управой 250 тыс. рублей увеличили до 275, но с условием, что медикаменты будут выдаваться только после полной выплаты их стоимости или при внесении в смету соответствующего уездного земства «в течение 5 лет по равным частям ежегодно и с начислением условленных процентов стоимости...» [там же, с. 9]. О выполнении этого решения было доложено собранию очередной сессии 1915 г. [там же, с. 227–234].

Последнее заседание чрезвычайного собрания было назначено на вечер 13 октября. В тот день рассматривались только вопросы, связанные с войной, поэтому присутствие всего 16 гласных считалось законным. Первым обсуждалось приобретение участка земли в Елатомском уезде. В данном случае очень хорошо проглядывается практичность земцев: еще в 1912 г. очередное земское собрание приняло решение о строительстве «порайонной психиатрической лечебницы на 200 кроватей для четырех северных уездов» [там же, с. 29]. И вот теперь подходящий участок был выставлен на продажу. Вряд ли бы во время войны земство решилось его купить, если бы военное ведомство на этом участке не предположило построить «для раненых и больных воинов бараки на 800 человек, которые затем могут перейти в пользование губернского земства» [там же, с. 30]. Поэтому собрание утвердило

сделку на покупку участка в 60 дес., «отнеся потребную на сей предмет сумму... на запасной капитал, возвращенный правительством за постройку здания психиатрической лечебницы в г. Тамбове» [там же, с. 11, 30].

Осенью 1915 г. была поставлена точка и в дискуссии о выдаче пайков «лицам, обойденным законом 25 июня 1912 года». Несмотря на возражения отдельных гласных, было решено выдачу пайков прекратить с 1 ноября 1915 г. [там же, с. 12]. Основанием для этого стало то, что к октябрю весь урожай был собран и реализован, а потери из-за ненастной погоды оказались значительно ниже, чем можно было предположить весной [там же, с. 31–32]. Таким образом, крестьяне вполне могли обойтись и без дополнительных средств. Однако, по предложению Ю. В. Давыдова, остаток кредита для выдачи пайков передали в распоряжение управы «на удовлетворение тех семей, состояние урожая для коих не имеет никакого влияния, – это горожане, семьи, не занимающиеся посевами, и т.п.» [там же, с. 12].

На октябрьском собрании впервые был выдвинут вопрос о «призрении беженцев». Если ранее он решался управами, то теперь на основании «вновь изданного закона» 30 августа 1915 г. должен был перейти в ведение губернского комитета Земского союза. Несмотря на прения и заявления гласного С. В. Воейкова, что «было бы более правильно, если бы вся деятельность, а вместе с сим и ответственность лежали бы на Земской Управе, а не на Губернском Комитете», единогласно было принято решение передать «попечение» о беженцах в комитет [там же, с. 12]. Его деятельность в этом направлении не была заявлена в повестке, поэтому председатель собрания кн. Чолокаев не позволил это решение обсуждать. Все средства, внесенные в смету на «удовлетворение нужд по призрению беженцев», были переданы комитету.

Срочная необходимость в созыве собрания более не возникла, все вопросы, подлежащие его юрисдикции, могли ждать своего рассмотрения на очередной сессии 1915 г., а текущие дела разбирались управой.

* * *

1914 г. был юбилейным для земства, введенного Александром II в 1864 г. «Положением о губернских и уездных земских учреждениях». Однако в Тамбовской губернии земская деятельность начинается с 1865 г. [7, с. 38–54]. В связи с этим гласные поручили управе к следующему своему собранию подготовить доклад о 50-летней деятельности кн. Н. Н. Чолокаева, единственного тамбовского земца, являвшегося таковым, отметим, забегая вперед, на протяжении всего периода существования земства. Поэтому после оглашения благодарственных телеграмм от Николая II и великой княжны Татьяны Николаевны Чолокаев покинул собрание, передав председательство тамбовскому уездному предводителю дворянства А. И. Сатину. А участники собрания единогласно постановили, что прекрасным ознаменованием долголетней и, что намного важнее, плодотворной деятельности Чолокаева будет «учреждение стипендий его имени в Московском Университете и Нарышкинском общежитии и... открытие низшего училища садоводства» в родном для князя Моршанском уезде [15, с. 9–10]. Кроме доклада, на этом заседании более ничего не обсуждалось.

Одним из важных вопросов следующего собрания было разрешение займов уездным земствам. Необходимость в кредитах была вызвана нарастающим дефицитом бюджета. Цель кредита, предлагаемые источники и условия для каждого конкретного случая сведены в таблице 1 [там же, с. 10–13, 105–115, 237–238]. По всем запрашиваемым кредитам разрешение было дано.

Как видим, все необходимые кредиты были обусловлены обстоятельствами военного времени. Однако только в четырех документах есть прямое на это указание (Тамбов, Моршанск, Козлов, Лебедянь). В резолюции губернской управы на прошение Усманского уездного земского собрания оговорено, что оно «в прошлом 1914 г. ходатайствовало о разрешении займа на постройку телефонной сети... 55 тысяч руб. и Земское Собрание... не могло удовлетворить означенное ходатайство, почему Губернская Управа предлагала бы Собранию разрешить... заем в сумме 77 тысяч рублей...» [там же, с. 108].

В трех уездах было обозначено ухудшение ситуации с топливом (Козловский, Спасский, Лебедянский). Удорожание дровяного отопления отмечалось еще в довоенный период. Так, в 1913 г. в докладе губернской управы было сказано, что «в силу высокой цены на дрова пришлось многие корпуса больницы и лечебницы топить антрацитом и этим... понизить стоимость отопления» [18, с. 48]. В ноябре 1915 г. Министерство торговли и промышленности опубликовало правила, согласно которым земства получали гарантии по займам на организацию заготовки дров [34]. В течение 1915 г. в Тамбовской губернии цены на дрова выросли на 15–20 руб. [4, д. 399, л. 1 об.; д. 410, л. 1 об.]. Например, в январе 1915 г. максимальная цена на самые дешевые дрова – сосновые – составляла 18 руб. 67 коп. за сажень трех поленьев, а в декабре – уже 36 руб. 31 коп., минимальная – 15 и 25,94 руб. соответственно. В 1916 г. эта тенденция сохранилась [4, д. 411, л. 1 об.; д. 422, л. 1 об.; 6, с. 121–122]. В январе 1916 г. максимальная цена на те же дрова опустилась в сравнении с декабрьской 1915 г. до 32 руб. 08 коп., минимальная – до 20 руб. 25 коп., в декабре 1916 г. средняя цена сосновых дров равнялась 45 руб. 17,5 коп. По более ценным или дефицитным для губернии породам древесины рост цен был еще большим.

Приоритетной становилась заготовка дров для железнодорожного транспорта, что «отвлекало» лесопромышленников от обеспечения ими других потребителей. Именно это и вызвало необходимость для органов городского и, в большей степени, земского самоуправления «операций по снабжению... топливом» «путем организации... заготовок дров, как для собственных надобностей, так и для нужд населения» [34]. Дровяной и торфяной отдел Министерства торговли и промышленности возлагал на местное самоуправление определенные надежды в «деле предотвращения топливного кризиса» [там же]. Но в конце 1915 – начале 1916 г. большинство уездных земств Тамбовской губернии не считали ситуацию критической. Хотя вопрос о сравнительной стоимости отопления был поднят А. М. Бехтеевым – «обходится ли отопление больничных учреждений при газовом и угольном отоплении дешевле,

Таблица 1. Разрешение займов уездным земствам

УЕЗД Необходимая сумма	Целевое назначение
БОРИСОГЛЕБСКИЙ Не свыше 200 тыс. руб.	Выполнение расходной сметы
ЕЛАТОМСКИЙ 40 тыс. руб.	«На нужды земства ввиду слабого поступления земских сборов»
КИРСАНОВСКИЙ 498 500 руб.	«Покрытие старого долга... и на кассовые обороты на случай плохих поступлений»
КОЗЛОВСКИЙ Не более 300 тыс. руб. Дополнительно 189 238 руб. 17 коп.	129 тыс. руб. – долг земства перед кредитными организациями; Новый заем «в случае надобности» «Постройка заразных отделений при больницах... на топливо... на ремонт земских школ... на увеличение на время войны оклада...врачам, фельдшерскому персоналу... кастеляншам, экономам и заведующим хозяйством больниц... учительскому персоналу... служащим телефонной сети... канцелярии Управы... технику и агрономическому персоналу»
ЛЕБЕДЯНСКИЙ До 80 тыс. руб. Дополнительно 57 700 руб.	Покрытие недоимок земского сбора в 1916 г. и «возможность чрезвычайных расходов ввиду переживаемых событий» На «меры по борьбе с дороговизной продуктов продовольствия, отопления и освещения»; на закупку предметов первой необходимости «с целью продажи их населению по заготовительной цене»
ЛИПЕЦКИЙ 51 417 руб.	«На постройку заразных барачков и дома врача и служб»
МОРШАНСКИЙ До 6 тыс. руб.	«На расходы, вызываемые войной»
СПАССКИЙ Около 55 тыс. руб.	Покупка дров «для продажи их населению по заготовительной цене»; Оплата долгов; Постройка больницы «и проч.»
ТАМБОВСКИЙ Около 400 тыс. руб.	«Для своевременного выполнения сметных потребностей»; «Разные нужды, вызываемые войной»
ТЕМНИКОВСКИЙ	Ходатайства о кредите на очередное собрание от Темниковского уездного земства не поступило
УСМАНСКИЙ 77 тыс. руб.	«На постройку телефонной сети»
ШАЦКИЙ 100 тыс. руб.	Мотивация: «отсутствие поступления земских сборов и... небывалое вздорожание жизни и всех продуктов»

	Предполагаемый источник кредитования и принятое решение
	Источник не уточняется. Обеспечение – «капиталы, имеющие специальное назначение»
	«Занять у правительства, общественных учреждений и частных лиц, где окажется возможным и более выгодным» на год
	«На условиях, наиболее выгодных для земства»
	Ходатайствовать перед правлением кассы земского и городского кредита о рассрочке платежа на 4 года, начиная с 1917; В случае необходимости получить у правления кредит в 171 тыс. руб.; В случае отказа правления в отсрочке и новом кредите получить заем у губернского земства с целью погашения долга; Долгосрочный заем у частных лиц, учреждений или в кассе земского и городского кредита
	«Произвести заем до 80 тысяч рублей сроком на один год там, где это представится наиболее выгодным»; Разрешить в 1916 г. для расчета с поставщиками и подрядчиками использовать векселя на сумму не более 50 % от сметы «Там, где представится выгодным, сроком на один год»
	«Занять там, где это представится наиболее выгодным, сроком на 10 лет»
	«Произвести заем в каком-либо кредитном учреждении... сроком на 10 лет, не свыше 8 % годовых»
	До 8 тыс. «у казны, или у частных лиц, или учреждений» на 1 год, не более чем под 10 %; 47 436 руб. 06 коп. – заем в пенсионной кассе губернского земства на 20 лет
	Кредит в тамбовском отделении Государственного банка в форме специального текущего счета под процентные бумаги до 67 тыс. руб.; Заем до 333 тыс. руб. «там, где представится наиболее выгодным – или у частных лиц по заемным письмам, или ... в частном кредитном учреждении в форме специального текущего счета под векселя»; 75 тыс. руб. «в пенсионной кассе земских служащих или у частных лиц по заемным письмам, или... в частном кредитном учреждении в форме специального текущего счета под векселя»
	В пенсионной кассе земских служащих в виде ссуды на 20 лет, или в одном из кредитных учреждений, или у частных лиц на наиболее выгодных условиях
	Касса городского и земского кредита

чем при прежнем дровяном?» [15, с. 69]. Аргументированный ответ А. Н. Луженовский как специалист дать не смог, потому что «стоимость отопления тем или иным топливом зависит от рыночных условий», которые в текущий момент были слишком лабильными. Но поручать управе детально прорабатывать и этот вопрос гласные не стали [там же, с. 70].

Первый сигнал о начинающихся проблемах с продовольствием поступил из Липецкого уезда. Очередное собрание гласных этого уезда обратилось к губернским коллегам с просьбой издать обязательное постановление о внутреннем распорядке на базарах поселков Грязи, Александро-Мариинского, сел Шехмани, Песковатки, Сошек и Фашевки «в целях предоставления местному населению возможности покупки съестных припасов жизненных продуктов непосредственно от производителей» [там же, с. 120].

Обязательным делом земства со времени его учреждения была организация ярмарок и базаров. Поэтому решение об открытии новых или переносе старых торговых мест принималось по ходатайствам местных жителей губернским собранием, которое, в свою очередь, целиком и полностью полагалось на мнение уездных коллег. В 1915 г. в уездах были рассмотрены приговоры сельских обществ с соответствующими просьбами. По большей части они были мотивированно отклонены. Но на экономически обоснованные прошения были даны положительные ответы. Так, тамбовское уездное собрание посчитало недостаточным основанием для переноса ярмарки в с. Покровском Марфине с площади помещиков Преклонских на площадь, принадлежащую сельскому обществу, условие поступления дохода от базара «на военные надобности» до окончания войны, а затем «навсегда в пользу раненых» [там же, с. 98]. Похожее условие («доходность от базара в течение трех лет со дня открытия поступала в пользу Красного Креста», а затем «доходностью пользовались бы все три общества» [там же, с. 99]) от обществ крестьян с. Никольского Моршанского уезда также не привело к удовлетворению просьбы. В то же время борисоглебское уездное собрание поддержало ходатайство общества крестьян с. Махровки об открытии в нем еженедельного

воскресного базара. Основания – население 8 тыс., ближайшие базары в 10 и 18 верстах – показали земцам более убедительными [там же, с. 100]. Также экономически обоснованное прошение «государственных крестьян» об открытии двух конских ярмарок в селе Ржаксинские Выселки поддержало кирсановское земство [там же, с. 101].

Затянувшаяся война и серьезный дефицит бюджета вынудили земцев вернуться к рассмотрению вопроса о выдаче жалованья «лицам из земских служащих, призванных на войну». Как уже отмечалось, на заседании 26 июля 1914 г. губернские гласные постановили выплачивать семьям призванных жалованье полностью. Но инициировавшие возврат к проблеме темниковские гласные возразили, что тогда «существовало общее мнение, что война продлится не более полугода» [там же, с. 153]. В феврале 1916 г., «когда война тянется уже почти два года и конца ее не предвидится», а призванные в офицерских чинах земские служащие, а также врачи и ветеринары получали вполне приличное довольствие от военного ведомства, Ю. Ю. Новосильцов заметил, что в некоторых случаях «сохранение земского содержания создало значительно лучшие условия жизни семьи, чем до войны» [там же, с. 18]. Поэтому после небольших прений постановили сохранить полный объем выплат семьям нижних чинов, а семьям земских служащих – офицеров, врачей и ветеринаров выдавать половину жалованья. Исключение – семьи пленных – не было поддержано собранием [там же, с. 19, 48].

Внесла война свои коррективы и в дело обязательно и добровольного земского страхования. Как отмечалось в докладе управы, «повышение страхового обеспечения желательно проводить параллельно с понижением страховых платежей», так как «повышение норм обязательного страхования, вызывающее соответственное повышение страховых платежей, при низкой в общем платежеспособности населения, могло бы вызвать недовольство со стороны последнего и повести к накоплению страховой недоимки» [там же, с. 264]. Уже накопленные страховые суммы позволяли это сделать, тем более что после прекращения винной торговли

на время войны наряду с другими «общими для последних лет причинами сказалось... влияние нового мощного фактора – отрезвления деревни» [там же, с. 266].

Считая, что в деле страхования важно не только страхование вообще, но и просвещение населения, было предложено «попытаться закрепить насколько возможно... тот эффект, который сказался в связи с отрезвлением деревни» [там же, с. 268]. А сделать это планировалось с помощью новых культурно-просветительских учреждений – они бы продолжили «распространение практических сведений по огнестойкому строительству» [там же]. В тот момент это было необходимо еще и для «заполнения той пустоты, которая... образовалась с закрытием заменявших деревенскому обывателю общественные собрания винных лавок» [там же, с. 268–269].

Тем не менее, в деле земского страхования назревали реформы, так как война обнажила две проблемы: зависимость российских страхователей от иностранных капиталов, преимущественно немецких [там же, с. 270], и обязательства земского перестрахования, отвлекающие капиталы на страховые выплаты в губернии, охваченные войной [там же, с. 272]. И если первая проблема никак не могла быть решена земствами, то во втором случае были возможны определенные шаги. Так, на совещании перестраховочной комиссии было сделано несколько выводов:

1. Раз в Положении о земском страховании нет упоминания о «пожарных убытках от военных действий», то они не могут быть оплачены земством [там же, с. 272].

2. Пожары в результате военных действий не доступны предварительному учету, поэтому не могут быть предметом страхования.

3. «Планомерное истребление имущества огнем во время войны не может быть подводимо под понятие пожара в страховом смысле» [там же, с. 273].

4. В Положении о взаимном страховании губерний царства Польского содержалось прямое указание, что «пожарные убытки, происшедшие от военных действий, из сумм взаимного страхования не возмещаются» [там же].

5. Возмещение убытков военного времени – задача общегосударственная, поэтому ее «несправедливо... возлагать на местные учреждения, иначе говоря, на население тех же пострадавших губерний» [там же].

6. Земских капиталов недостаточно для возмещения этих убытков.

Исходя из этого, земствам было предложено выступить перед правительством с ходатайством «о признании пожарных убытков военного характера подлежащими возмещению из общегосударственных средств» [там же]. Принимая во внимание аргументы перестраховочной комиссии, тамбовские губернские гласные согласились с этим. Днем позже собрание принимает поправку кн. Чолокаева об ответственности земства за пожары, произошедшие во время аграрных беспорядков и других «народных волнений» [там же, с. 51].

Улучшение противопожарной ситуации тесно связывалось с развитием «огнестойкого строительства», под которым понималось правильное сооружение печей, кровель из огнеупорных материалов. Для правильной организации этого при земствах, в том числе и тамбовском, создавались «школы огнестойкого строительства», по сути – печников. В ходе обсуждения вопроса о выпускниках такой школы при тамбовском земстве выяснилось, что в губернии нет должности земских печников, что затрудняло трудоустройство [там же, с. 42–43]. Так как учащиеся той школы получали стипендию земства, кн. Б. Л. Вяземский предложил «обязать лиц, пользующихся земскими стипендиями в школе, отслуживать таковые Земству» [там же, с. 44]. Поддерживая точку зрения Вяземского, кн. Чолокаев посоветовал ГЗУ детально проработать предложения об «отслуживании стипендиатами земства, окончившими школу огнестойкого строительства, того или иного срока в пределах Тамбовской губернии» [там же, с. 46]. Мнение Чолокаева и доклад ревизионной комиссии были поддержаны собранием единогласно.

Для обеспечения безопасным кровельным материалом – железом – сельских жителей собрание уполномоченных земств предложило ходатайствовать перед правительством «об установлении предельных цен на металл и реквизиции

его в тех случаях, когда производители его стали бы уклоняться от продажи по установленным ценам, а также о принятии правительством мер... к недопущению сокращения или совершенного прекращения... заводами выработки кровельного железа» [там же, с. 335]. Губернское собрание поддержало все предложения, выдвинутые в докладе, включая рассмотрение вопроса о возможном строительстве собственного завода по производству кровельного железа [там же, с. 42, 335].

Еще одним ежегодно решаемым губернским собранием вопросом было выделение пособий частным и государственным образовательным учреждениям [там же, с. 16–17, 19–20, 23–24, 157–177]. Гласные очень тщательно подошли к этому решению: по каждому учебному заведению был проведен тщательный анализ. В отдельных случаях выделением пособия были специальные условия. Например, пособие средним частным учебным заведениям Гневышевой-Калашниковой и Трацевской в Козлове выделили по 400 рублей при условии «учреждения 5 стипендий для кандидатов земства» [там же, с. 23, 173, 175]. Частная гимназия госпожи Струве в Моршанске получила требуемую сумму при соблюдении трех условий: 1) участие хотя бы одного представителя земства в попечительском и педагогическом советах с правом решающего голоса; 2) освобождение от платы за обучение 10 учениц по указанию уездной управы; 3) предоставление отчета о движении денежных сумм гимназии [там же, с. 20, 164].

На утреннем заседании 5 февраля 1916 г. обсуждались ходатайства уездных земств о пособиях на агрономические мероприятия [там же, с. 51–57, 369–400]. Не вызвало особых возражений желание уездов купить те или иные машины для пополнения прокатных пунктов. Однако предложение о повышении заработной платы агроперсоналу было отвергнуто. При этом гласный Охотников отметил, что «нет оснований отступать от принятой системы», а кн. Чолокаев высказал мысль, что «требование уезда в данном положении правильное, но... следует на будущее время точно установить, сколько именно каждый уезд имеет право платить агрономам с высшим, средним и низшим образованием» [там же, с. 56].

Поэтому ГЗУ получила задание к следующему очередному собранию разработать «вопрос о нормах окладов агрономов в зависимости от их образования» [там же, с. 57].

Большое количество событий требовало принятия целого комплекса мер, в основном экономических, «для обоснования которых необходимы те или иные статистические сведения». Единственные учреждения, которые могли аккумулировать весь объем информации в тот период, – это статистические отделения ГЗУ: экономическое и оценочно-статистическое. Для успешного же выполнения необходимых работ требовалась реорганизация этих отделов путем слияния в одно оценочно-статистическое бюро с двумя отделениями [там же, с. 509]. Продуктивная работа статистического отдела обеспечивалась сетью корреспондентов на местах, которая к 1916 г. распалась в связи с призывами. Поэтому ее следовало налаживать практически заново с создания института уездных агентов [там же, с. 510–511]. Требуемая на реорганизацию сумма была после прений выделена, но уездный уровень посчитали создавать преждевременным, тем более что, по мнению гласных, преобразование должно стать временным [там же, с. 74–75].

Особого внимания заслуживают доклады ревизионной комиссии: по общеземскому комитету [там же, с. 572–574]; о комитете помощи беженцам [там же, с. 574–576]; о помощи обойденным законом членам семей призванных в войска [там же, с. 576–577]. Ревизионная комиссия, из 5 членов которой двое (Н.Т. Юрин, Н.Н. Сатин) являлись членами комитета, отметила, что «жизнь потребовала еще более расширить и углубить деятельность Комитета. В этом отношении лучшей иллюстрацией является указание на сумму, израсходованную Комитетом – свыше 3 миллионов, почти 4... Однако Ревизионная Комиссия ... понимает, что в столь большом деле недостаточно в изумлении остановиться перед грандиозностью затраченной суммы... Общественные деньги требуют подробного учета, внимательного контроля, а чем грандиознее суммы... разнообразнее деятельность, тем труднее проверка... Поэтому... ввиду позднего изготовления отчета... задача ревизии не может быть выполнена...» [там же, с. 573]. Заслушав доклад,

кн. Н. Н. Чолокаев, усомнившись в полномочиях собрания, попросил представить справку, что деятельность губернского комитета Земского союза «подлежит ведению и контролю Земских Собраний» [там же, с. 84].

Н. С. Жихарев, дабы снять вопрос о подотчетности, сообщил, что закон о беженцах «определенно указывает на контрольные функции Земских Собраний» [там же]. Поэтому доклады о помощи беженцам и семьям запасных «заслушиваются и принимаются к сведению» [там же].

В заключение сессии очередного собрания была принята смета на 1916 г. [там же, с. 86]. Общая сумма расходов на общегубернские повинности составляла 3 199 652 руб. 38 коп. [там же, с. 606] (в качестве утвержденной суммы указано 3 226 552 руб. 38 коп. [там же, с. 86]). Для покрытия расходов было запланировано поступление неокладных сборов в сумме 1 089 863 руб. 12 коп. [там же, с. 606] (утверждено 1 091 050 руб. 01 коп. [там же, с. 86]). Таким образом, дефицит бюджета, заложенный в смете, составил 2 109 789 руб. 26 коп. (2 135 502 руб. 37 коп.) [там же, с. 606, 86].

* * *

1916 г. для тамбовского земства стал последним годом работы в прежнем составе и по-прежнему избирательному закону. Однако в силу многих причин, в том числе и либерально-оппозиционных настроений в общеземской организации, правительство объявило об отсрочке земских выборов на год, мотивировав это военными условиями [3].

В первой половине 1916 г. прошло несколько чрезвычайных губернских собраний. Так, ключевым вопросом чрезвычайного собрания 18–19 марта 1916 г. было обсуждение доклада «О реквизиции в Тамбовской губернии скота для снабжения армии мясными продуктами» [20, с. 8, 29–44] и телеграммы министра земледелия от 16 марта о необходимости в недельный срок «приступить к осуществлению намеченного плана снабжения армии скотом» [там же, с. 8, 44–45].

Обоснованием перехода от «свободной покупки» к реквизициям было то, что «за 18 месяцев войны животноводство Империи значительно истощилось», и для обеспечения

армии питанием Министерство земледелия было вынуждено «приступить к принудительной обязательной поставке скота» [там же, с. 30].

Понимая неизбежность «отрицательных последствий» массового «отчуждения скота», Особое совещание по продовольственному вопросу решило проводить реквизиции при «ближайшем и непосредственном участии органов местного самоуправления», т.е. земств или «органов их заменяющих». При этом был выработан план, согласно которому к «обязательной поставке скота... должно быть привлечено население всех губерний и областей Империи...». Органам местного самоуправления, главным образом земствам, предстояло «выработать твердые цены на скот и мясо» и проводить реквизицию в случае «отказа населения от добровольной продажи» [там же, с. 30]. Для уточнения плана разверстки, по которому Тамбовская губерния до 1 января 1917 г. должна была сдать 60 тыс. голов скота или 600 тыс. пудов мяса, предстояло провести новую перепись поголовья [там же, с. 8, 31].

Очередным «ударом по свободному рынку» [8, с. 45] стало предоставление земствам и заменяющим их органам «исключительного права запрещать, регулировать и разрешать вывоз скота из губерний и областей» [20, с. 31].

Однако от поставок и, тем более, реквизиций освобожден был скот 9 категорий: записанный в племенные книги; числящийся «в местных контрольных союзах»; «скот казенных, земских, общественных и частных племенных рассадников»; племенные быки «случных пунктов и общественных и частных стад»; «племенной скот, уже однажды отобраный из гуртов Интендантства или Отдела Заготовок»; молочный скот местностей, снабжающих молоком крупные центры; «скот из хозяйств, имеющих не более одной взрослой коровы»; стельные коровы; телята до 1,5 лет [там же, с. 35]. По предложению управы для губернии этот список был расширен. В него были добавлены следующие категории скота: премированный на сельскохозяйственных выставках [там же, с. 40]; скот сельскохозяйственных училищ, «содержащийся для учебных целей и питания учеников» [там же, с. 12–13]; «быки-производители

крестьянских, городских и частновладельческих стад, с расчетом по одному быку на 20 коров» [там же, с. 40]; «90 % маточного состава стада, которые земскими управами будут признаны рассадниками, улучшающими скотоводство населения, хотя бы и соседних губерний» [там же, с. 41]; «явно стельные коровы и телки» [там же]; «молочно-промышленные и с.-х. стада освобождаются в известном особо установленном после переписи процентном отношении ко всему стаду, по указанию отдельных экземпляров владельцем» [там же]; «50 % всех рабочих волов» реквизировать можно только после окончания полевых работ, «исключая волов от 2 до 3 лет, которые подлежат реквизиции» [там же]; «в семьях с двумя коровами, при составе семьи не менее 10 душ, коровы эти не подлежат реквизиции лишь в том случае, если без них окажется достаточное количество скота для реквизиции» [там же]. Во всех случаях владельцы скота получили право замены «по живому весу и упитанности» [там же].

По поводу расширения списка льготных категорий скота кн. Н. Н. Чолокаев, наученный горьким опытом [29, с. 57], счел нужным высказать «особое мнение» относительно права собрания «видоизменять правила, преподанные Особым по продовольствию Совещанием»: у гласных нет такого права [20, с. 45–47].

На основании «Главнейших положений организации поставок скота для продовольствия армии при посредстве земств или органов их заменяющих» управа наметила план из семи пунктов, который и предстояло рассмотреть и утвердить чрезвычайному собранию.

Плановые цифры сдачи 60 тыс. голов скота было решено распределить между уездами пропорционально «оказавшемуся наличному количеству» поголовья согласно данным переписи, которую еще намечалось провести [там же, с. 42]. Контрольная цифра была велика для губернии, считавшейся преимущественно земледельческой. В частности, гласный У. А. Хренников отметил: «Тамбовская губерния не скотоводственная. Следовало бы уменьшить процент реквизируемого скота для губерний, обладающих небольшим числом скота»

[там же, с. 8]. Распоряжение Министерства земледелия давало земству право ходатайствовать об этом. Но сначала требовалось точно знать действительное положение вещей, для чего и нужна была перепись.

Несмотря на «особое мнение» кн. Чолокаева, были выделены и категории скота, который не подлежал реквизиции. Затем они исключались из общей численности поголовья. Так определялось «наличное количество в уезде скота, подлежащего реквизиции, по отдельным хозяйствам, селениям и волостям». Оно и становилось уездным фондом для выполнения наряда по поставке скота [там же, с. 42].

В ходе обсуждения выдвигалось предложение разделить скот на три категории: «худой, средний и упитанный» [там же, с. 10]. Но пока решили такого деления не проводить. Однако при реквизиции предусматривалась оценка «пригодности для убоя на мясо» [там же, с. 42]. Причем развернулась дискуссия, оценивать ли скот на месте или на сборных пунктах [там же, с. 10–11]. Возобладала практичная точка зрения: осматривать на месте, годный скот клеймить, а затем по указанию земских агентов самим владельцам доставлять годный скот на станции, где им выдавались деньги или квитанции уполномоченных министерства [там же, с. 11].

Забракованный при первичном осмотре из-за «плохой упитанности или болезни» скот от реквизиций не освобождался и должен был подвергаться повторному осмотру. Для содержания «скота на сгонных пунктах» его владельцы обязывались доставлять за отдельную фиксированную плату «количество корма, достаточное для прокормления в течении 5-ти суток» [там же, с. 43]. Причем число суток до пяти было увеличено земскими гласными. Кроме того, была установлена цена в 7 руб. «за живой вес» и 10 руб. 15 коп. «за убойный вес» [там же, с. 10]. Населению также было предоставлено право заменять мясо КРС мясом мелкого рогатого скота «пуд за пуд», свининой «по расценке мяса, т.к. свинина много дороже» [там же, с. 12].

Оплата добровольных поставок скота должна была проводиться «уже после его сдачи Уполномоченным Министерства

Земледелия по сдаточному весу», что земцы посчитали «весьма стеснительным для населения». Поэтому управа предложила ходатайствовать перед министерством об изменении порядка оплаты [там же, с. 11, 43].

Залогом выполнения поставок скота для армии, как ранее хлеба [8, с. 45], являлся запрет его вывоза за пределы губернии с 18 марта 1916 г. по 1 января 1917 г. [20, с. 11]. На этом вопрос о реквизициях пока был исчерпан.

Из других обсуждаемых проблем следует выделить решение дополнительных кредитов Шацкому (на покупку медикаментов), Усманскому («для выполнения сметных назначений») и Моршанскому (организация борьбы с дороговизной, постройка «заразных отделений», на «удовлетворение текущих земских потребностей») земствам [там же, с. 22–23, 56–58]; увеличение жалованья всем земским служащим, получавшим менее 2800 руб. в год, на 20 руб. в месяц, кроме имевших дополнительный заработок [там же, с. 23–24, 58–63]; издание земской газеты [там же, с. 22, 24–25, 50–56]. Все эти вопросы были решены положительно.

* * *

Вспоминая свою деятельность во главе Министерства земледелия, А. Н. Наумов писал, цитируя, возможно и не подозревая об этом, слова гласных: «Размеры продовольственного задания были так велики, рост и острота продовольственных потребностей так неудержимо увеличивались в районах военных действий, требуя столь срочных мер и распоряжений, что область эта целиком захватывала все мое внимание и время» [30, с. 391]. В органы местного самоуправления, в том числе и в Тамбовскую губернскую земскую управу, была отправлена телеграмма из Министерства земледелия, в которой содержалась настоятельная просьба «беззамедлительно усилить закупки, также приступить к реквизициям скота с таким расчетом, чтобы с первого апреля Уполномоченным Министерства неуклонно предъявлялись к сдаче назначенные для губернии нормы» [10, с. 14]. Однако «настоятельная просьба» сопровождалась жестким пояснением, что если армия не получит «требуемых количеств скота, неизбежны массовые

реквизиции в губерниях распоряжением военных властей» [там же]. И уже 4 апреля 1916 г. гласные вновь собрались на чрезвычайную сессию.

Ознакомив собрание с упомянутой телеграммой, Ю. В. Давыдов пояснил, что в марте начата перепись скота, без которой реквизиция невозможна. Но по распоряжению самого министра земледелия работа была приостановлена. Поэтому «Управа не может взять на себя ответственность перед собранием в том случае, если Министерство Земледелия, не дожидаясь результатов переписи, произведет реквизицию распоряжением военных властей» [там же, с. 15–19].

Отвергнутое предыдущим чрезвычайным собранием предложение У. А. Хренникова о введении «твердых цен в зависимости от упитанности» [20, с. 10] на этот раз было высказано в докладе управы [10, с. 14] по предложению Министерства земледелия. В частности, в телеграмме главного уполномоченного было отмечено: «В целях согласования цен на скот... прошу выработать твердые цены... попудным категориям от наименьшего до наивысшего веса» [там же, с. 15].

При вычислении твердых цен управа руководствовалась опытом уполномоченных Министерства земледелия при свободной закупке до 1916 г., а также учитывала рыночную стоимость отдельных продуктов «убоя и неизбежных при убое потерь» [там же, с. 16]. Исходя из этих условий, «принимая максимальный живой вес местной коровы в 25 п.» [там же, с. 19], твердая цена за пуд такого скота назначалась в 7 руб. За 16 кг более легкого скота цена снижалась на 10 коп., а для более тяжелого должна была повышаться на столько же. Пределы колебаний предлагались управой до 6 и 8 руб. Гласные приняли это предложение с уточнением кн. Чолокаева [там же, с. 8], предположившего, что «следовало бы принять за норму... вес в 22 пуда», так как «крестьянский скот обычно весит меньше» [там же, с. 7]. Кроме того, вслед за решением о прекращении продажи КРС и овец предыдущим собранием, ввели табу и на продажу мяса, чтобы «не было обхода запрещения вывоза из губернии живого рогатого скота и овец» [там же, с. 10, 19].

Во избежание реквизиций военными властями уездные земства решением собрания должны были немедленно организовать добровольную закупку скота у населения по утвержденной цене. По предложению А. Н. Луженовского было вынесено постановление, согласно которому «скот, добровольно предлагаемый владельцами и приобретенный для армии земской закупочной организацией, засчитывался в счет поставки скота при реквизиции» [там же, с. 8].

Однако вопрос о реквизиции остался открытым, ведь без переписи собрание не могло поручить управе провести ее [там же, с. 10–11]. Принимая во внимание мнение С. И. Комсина, что «реквизиция силами земства всегда будет для губернии менее тягостна, чем... военными властями» [там же, с. 11], было решено произвести поуездную разверстку подлежащего реквизиции в апреле скота и поручить земствам «закупить его по возможности добровольно» [там же, с. 12]. Если же закупленного скота не хватит на покрытие разверстки, то тогда уездные земства могли прибегнуть и к реквизициям.

Еще одним важным моментом, выяснившимся на заседании, стало то, что согласно циркулярному разъяснению «по обстоятельствам военного времени» уездные земства могли брать займы без санкции губернского собрания [там же, с. 13].

В Министерство земледелия была послана телеграмма-отчет о принятых по закупкам и реквизициям скота решениях. После утверждения журнала собрания оно закончило свою работу.

* * *

Поводом для следующего чрезвычайного собрания, состоявшегося 21 апреля 1916 г., снова стал вопрос реквизиций. Принятые 4 апреля решения распоряжением Министерства земледелия были фактически отменены. Как сообщил Давыдов в докладе управы, «представленные земствам (телеграммой от 14 февраля за № 4722) широкие полномочия, предусматривавшие интересы местной сельскохозяйственной жизни, телеграммой за № 107 были отняты, и роль земства в деле снабжения армий скотом и мясом сведена к подчиненно-исполнительным функциям приказчика, а намеченные

Губернским Собранием твердые цены заменены весьма низкими и ни с чем несообразованными» [21, с. 13].

Сильно «нарушило интересы местной сельскохозяйственной жизни» введение с 1 июля 1916 г. министром земледелия твердых цен для скота в 15 и менее пудов для северных уездов (Моршанского, Спасского, Щацкого, Темниковского, Елатомского) в 5 руб. 50 коп., для остальных – 5 руб. 20 коп. За скот весом более 15 пудов также прибавлялось по 10 коп. за пуд живого веса до 33 пудов включительно, т.е. до 7 руб. При большем весе цена оставалась неизменной. При этом «дополнительное разъяснение» устанавливало максимальную цену для северных уездов в 7 руб. 30 коп. [там же, с. 13].

Опасение С. И. Комсина, высказанное на предыдущем собрании, что запреты на вывоз скота и мяса за пределы губернии могут «вызвать мясной голод в местностях, обездоленных скотом» [10, с. 9], подтвердилось. Правом на вето воспользовались практически все земства, это привело к «расстройству в снабжении мясом крупных центров и учреждений, работающих на оборону» [21, с. 12]. Естественно, министерство потребовало отмены ограничений, выразив надежду, что «при этих условиях земства, пользуясь правом реквизиций, выполняют свою задачу без создаваемых запретами вывоза нежелательных затруднений» [там же].

Отмена ограничений на вывоз могла бы означать, по мнению Ю. В. Давыдова, следующее – лучший скот будет вывозиться в крупные центры и там продаваться по более высокой цене, чем утвердило Министерство земледелия. Для отчуждения же останется менее ценный скот, более легкий. Это может привести к невыполнению разверстки по мясу (60 тыс. голов не обязательно равняются 600 тыс. пудов мяса) и увеличить количество подлежащих сдаче единиц скота [там же, с. 13–14].

На основании анализа ситуации и распоряжений правительства управа внесла несколько предложений, которые были согласованы и приняты собранием. Прежде всего, ходатайствовать перед министерством о повышении установленных цен на скот «хотя бы для низших по весу категорий» [там же, с. 9, 15].

По мнению гласных, дело поставки скота губерниями должно быть сосредоточено в руках специального бюро, состоящего из представителей поставляющих скот и мясо губерний, в том числе преимущественно из земцев. Задача этого органа – установить минимальное потребление мяса крупными промышленными центрами [там же, с. 15]. Причем потребление мяса предлагалось сократить и нормировать с помощью карточной системы. Для губерний-поставщиков нормы должны были назначаться органами местного самоуправления [там же, с. 16].

Центральное бюро, после установления количества потребляемого мяса, обязано было распределить необходимое количество скота по губерниям. Твердые цены на скот формировались бюро на основании тех данных, которые указывались земскими собраниями [там же]. Для губерний-поставщиков могло быть предоставлено «исключительное право запрещения вывоза рогатого скота, овец, свиней и мяса и установления правил и порядка реквизиции» [там же, с. 9, 16].

В целях сохранения крупного рогатого скота предлагалось часть его заменить овцами, «как имеющими меньшее хозяйственное значение» [там же, с. 16], из расчета 13–14 овец за одну голову крупного рогатого скота [там же, с. 17]. А для сохранения ценных экземпляров мелкого рогатого скота, по предложению кн. Чолокаева, владельцам предоставлялось «право заменять овец коровами, свиньями и другими мясными продуктами» [там же, с. 9]. Оптимальная цена за овец (пуд живого веса) до 1 июля составляла 7 руб. [там же, с. 9, 19].

На высказанное предыдущему собранию «особое мнение» кн. Чолокаева главный уполномоченный Коваленко ответил, что «определение категорий скота, подлежащих освобождению от обязательной поставки армии, равно производство своих закупок и реквизиции предоставлено земствам, от которых всецело зависит сохранение племенных рассадников» [там же, с. 21]. Таким образом, расширенный список освобождаемых от реквизиций категорий скота, составленный тамбовскими гласными, был утвержден.

Заседание закончилось сообщением, что 4 мая 1916 г. в Петрограде Министерством земледелия назначено совещание,

на которое от земства нужно отправить двух представителей. Один планировался от управы – по ее выбору, а вторым был избран гласный А. Н. Аносов [там же, с. 10].

* * *

Вновь на чрезвычайное собрание гласные прибыли 26 мая 1916 г. и вновь ключевым вопросом стала реквизиция скота. В докладе управы были проанализированы произошедшие с 21 апреля изменения в этом деле, в том числе связанные с постановлениями совещания под председательством министра земледелия А. Н. Наумова, состоявшегося 4 мая в Петрограде, и внесены предложения по решению отдельных, обнаружившихся на практике проблем [22, с. 17–24].

К числу произошедших изменений относилось установление новой расценки для реквизируемого скота с градацией для пяти северных уездов. В отличие от оглашенной предельной нормы в 33 пуда, теперь вес был поднят до 35. Однако повышение стоимости за пуд на 10 коп. проводилось только до 25 пудов. Далее цена увеличивалась лишь на 5 коп. за пуд до 35 и потом оставалась неизменной [там же, с. 17]. Максимальные цены в 8 руб. для пяти северных уездов и 7,75 руб. для остальных семи устанавливались до 1 января 1917 г. В сравнении с утвержденными собранием 4 апреля ценами легковесный скот стоил дороже на 20 коп. в Моршанском, Шацком, Спаском, Темниковском и Елатомском уездах, а в остальных – на 5 коп. дешевле [там же, с. 17–18]. Применение закупочных цен, предложенных министерством, разрешено было с 12 мая 1916 г.

Цены на свиней также градировались в зависимости от веса: 5 пудов – 10 руб. за пуд, 6–11, 7–12, от 8 и выше – 13 руб. Свиньи весом менее 5 пудов не принимались [там же, с. 18]. Овец брали по цене 8 руб. за пуд вне зависимости от веса животного. При замене КРС овцами и свиньями расчет веса производился 1:1 и 1:0,75 соответственно [там же].

Было подтверждено право земства устанавливать вето на вывоз и выгон скота. Относительно мясопродуктов указаний не последовало. Поэтому, пользуясь формулой «что не запрещено – разрешено», управа предложила собранию подтвердить свое постановление от 4 апреля о запрещении

вывоза «мяса и баранины как в свежем, так и соленом виде» и распространить его «на свиней и свинину как в свежем, так и в соленом и копченом виде» [там же].

В чрезвычайном земском собрании по приглашению управы принял участие профессор П.Н. Кулешов, магистр сельского хозяйства, старший специалист по животноводству при департаменте земледелия [26]. До этого он присутствовал на совещании Липецкой уездной земской управы и хорошо знал обстоятельства реквизиций. Его участие было тем более важно, что вопрос об освобождении от реквизиций племенных стад по-прежнему оставался в компетенции земства, и мнение зоолога и дарвиниста в этом вопросе заслуживало внимания. Кулешов подготовил аргументированное сообщение, доложенное губернскому собранию, в котором высказал соображение о «несостоятельности способа реквизиции и всей постановки дела продовольствия мясом нашей армии» [22, с. 25]. Признавая верным, что «полная монополизация Правительством всей торговли мясом в Империи» является «несвоевременной и вообще нежелательной во избежание нарушения частной торговли», Кулешов подверг критике и земские запреты на вывоз скота и мяса за пределы регионов [там же, с. 26, 28]. Это нарушило «весь ход скотопромышленной жизни».

Неоправданно заниженными считал Кулешов и фиксированные цены. «Таксы, – писал он, – устанавливались по вдохновению администраторов или Городских Управ... цены мяса в 1915 году должны были стоять в пределах 11–13 руб. за пуд» [там же, с. 29]. Занижение цен на рынках распоряжением властей в сравнении с себестоимостью вели к дефициту мяса и мясопродуктов в крупных городах.

Результаты первой реквизиции, по мнению профессора, «нужно признать печальными»: изымаемый скот был «тощим» и давал только около 40 % убойного веса в сравнении с живым [там же, с. 30]. Реквизиция телок, коров и «молодых воликов» была названа Кулешовым преступлением перед страной и перед армией» [там же]. За два года войны происходило разрушение скотопромышленности. Однако предлагаемые меры должны были исправить ситуацию – это:

1) немедленный созыв порайонных и всероссийского съездов «земских деятелей, скотопромышленников и сельских хозяев» для выработки мер по восстановлению животноводства и обеспечению мясом армии «и столиц»; 2) организация комитетами при земских управах закупок скота для армии; 3) ликвидация запретов по передвижению скота внутри страны; 4) реквизиция только упитанного скота, с повышением цены за живой вес «по степени откормленности, которая определяется очень легко: ощупыванием и на глаз»; 5) обращение к населению начать усиленный откорм скота, т.к. «реквизиция скота тощего убыточна и для самих скотоводов, и для Государства»; 6) заготовка солонины и консервов в азиатских регионах, производящих мясо; 7) снабжение армии бараниной, так как она может доставляться на фронт путем перегона гуртов; 8) организация срочной удешевленной перевозки мяса в Москву и Петроград; 9–10) необходимость «усилить разведение свиней», увеличив их поголовье вдвое; 11) завершение переписи скота [там же, с. 31–32]. Вполне реальный и, возможно, действенный план, как мы знаем, не был принят к реализации.

Между тем собрание, по предложению управы, приняло свои меры, призванные улучшить ситуацию. Так, для снабжения мясом городского населения, как было решено еще 21 апреля, земства имели право реквизировать КРС, овец и свиней у скотопромышленников, за исключением тех случаев, когда скот был закуплен для снабжения мясом больниц или лазаретов любого подчинения [там же, с. 8, 19]. Планировалось издать обязательное постановление об ответственности лиц, скрывающих скот или уклоняющихся от реквизиции путем «передачи его подставным лицам или фиктивной продажи» [там же, с. 8–9, 19].

Были установлены правила продажи скота, намеченного для реквизиции, и освобождения от нее коров тех хозяйств, которые поставляли молоко в лазареты, больницы, приюты и другие учреждения [там же, с. 9, 20–21]. Городской скот тоже подлежал реквизиции, в связи с чем на него распространялись те же нормы, что и на сельский [там же, с. 9,

21]. В ходе затянувшейся переписи был выявлен недостаток хозяйств с числом коров 3 и более. Поэтому реквизициям подлежали и хозяйства с двумя коровами. Было установлено, что реквизировать можно было до 50 % молочного скота, соблюдая, однако, норму – 2 коровы на семью «в 10 и более едоков» [там же, с. 22].

В целях сохранения животноводства в центральных губерниях России было решено ходатайствовать перед Всероссийским земским союзом «организовать закупку скота и засолку мяса в Монголии, Сибири, Закаспийских степях, Персии и т.д.» [там же, с. 9, 22].

«Неудовольствие» местного населения вызвало то, что реквизируемый с разницей в 1–2 дня скот оплачивался по разным тарифам [там же, с. 22]. Поэтому перед Министерством земледелия было возбуждено очередное ходатайство, «чтобы весь скот, реквизируемый в губернии до 15 мая, был оплачен по новой цене» [там же]. Надо отметить, что министерство ответило телеграммой уже 28 мая, разрешив применение установленных цен с 12 мая [там же, с. 18].

В связи с тем, что сроки отправки скота стали назначаться Министерством земледелия, собрание поддержало ходатайство ГЗУ уведомлять ее и уездные управы за 10 дней [там же, с. 9]. Запас времени необходим был для оповещения владельцев о «приводе принятого у них скота на указанную станцию или сдаточный пункт» [там же, с. 23]. Для обеспечения мясом местных воинских частей и лазаретов скот решено было сдавать «особым доверенным», командированным Министерством земледелия, которые уже и должны были его распределять по мере надобности [там же, с. 24].

На практике дела с мясозаготовками, да и с продовольствием в целом, обстояли очень плохо. Летом 1916 г. Николаем II был утвержден одобренный Государственной думой и Государственным советом закон «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят» [2]. В этой связи местным органам, в том числе и земствам, новый министр земледелия А. А. Бобринский направил просьбу

«принять зависящие меры к скорейшему установлению всеми городскими и земскими учреждениями, по принадлежности, предельной нормы потребления мяса и, в зависимости от нее, по числу дней, когда продажа мяса разрешается, размера дозволенного убоя скота (по весу туш). При определении нормы убоя скота должен быть учитываем привоз на продажу битого скота из других районов, чтобы общее количество допускаемого к потреблению мяса не превышало установленной нормы» [2]. Но не это вызывало повсеместно недовольство населения, а бесхозяйственное обращение с уже заготовленным продовольствием.

М. В. Родзянко вспоминал: «В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы попадались проходимым среди белого дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть не на свалку испорченные туши. Члены Особого совещания ездили осматривать городские холодильники за Балтийским вокзалом. Холодильники в полном порядке. Мясо в них не портилось, но зато кругом были навалены горы гниющих туш. Оказалось, что это мясо, предназначавшееся для отправки в армию. Его, видите ли, негде было хранить. Когда поставщики обращались за разрешением построить новые холодильники, им не давали ни средств, ни разрешения» [28].

Примеры подобного отношения наблюдались и в Тамбовской губернии. Особо «отличился» в этом смысле уполномоченный Министерства земледелия господин Песков. «Дурные» отзывы о нем гласили, что «как только скот попадает в руки уполномоченного Пескова, то начинает страдать от бескормицы и через некоторое время дохнет от голода... На одной из станций овцы стоят у Пескова с 15 декабря [сообщалось об этом 4 января] и падают с голода... Песков закупает часто свиней с тем, чтобы получить от них только сало, мясо же... разрешает вывозить за пределы губернии [в зачет поставок оно не идет] [23, с. 25]... агенты Пескова при покупках

свинины на базарах пользовались новыми пока известными только им повышенными ценами на свиные туши, держа их в секрете от параллельно работавших земских закупочных комиссий... Некоторые уездные земства были лишены возможности использовать право замены крупного рогатого скота овцами ввиду отказов г. Пескова... [там же, с. 22, 56]. Кроме того, проигнорировав местные обязательные постановления, Песков приказал перегнать “больного ящуром скота”, в результате чего местные животные были заражены» [там же, с. 56]. Но, к сожалению, эти примеры злоупотреблений и халатности не были единственными. И. П. Мосолов (Шацк) привел пример неудовлетворительной деятельности и местных заготовителей: он договорился о сдаче свиней в определенный день и час, оповестив предварительно население. Гласный прибыл на место встречи, «население привезло свиней, а уполномоченный обманул и не приехал» [там же, с. 23].

* * *

Летом и осенью 1916 г. губернские гласные не собирались на чрезвычайные сессии. Вопросы о кредитах для уездных земств ввиду военного времени решались ими самостоятельно. Все текущие дела рассматривались на регулярных совещаниях губернской управы. Председатель собрания – губернский предводитель дворянства кн. Н. Н. Чолокаев – большую часть года находился в Тамбове, занимая квартиру в здании Дворянского собрания [25]. Это давало возможность председателю управы Ю. В. Давыдову и ее членам обращаться к Чолокаеву за советом в трудных вопросах.

Осенью ситуация с продовольствием в стране еще больше ухудшилась. Обнаружился неудовлетворительный ход хлебозаготовительной кампании [8, с. 47]. Земцы, пытаясь поддержать местное население и безуспешно конкурируя с государственными структурами, понимали, что новые задания по реквизициям мяса, а с 1917 г. и хлеба, населением губернии выполнены не будут. Председатель ГЗУ Ю. В. Давыдов писал: «Не смотря на извержения правительства, что твердые цены не изменятся до нового урожая, не смотря на аналогичные объ- явления уполномоченных... цены были изменены [в декабре

1916 г.], и те владельцы хлеба, которые из нужды в деньгах или из сознания долга своего перед родиной пошли навстречу правительству, оказались наказанными» [23, с. 46].

1917 г. стал не только годом революций, но и «коренной реформы земских и городских самоуправлений на основе расширения их компетенции и привлечения всех классов населения к ближайшему участию в самоуправлении...» [32, с. 250]. От собрания к собранию менялся состав губернских гласных – за счет представителей земских служащих, тамбовских губернских Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и др.

Таким образом, за период с начала Первой мировой войны до конца 1916 г. в Тамбовской губернии было создано 12 губернских земских собраний, из которых только два были очередными, а 10 – чрезвычайными. И на тех и на других круг рассматриваемых вопросов был широк: в основном решались проблемы, связанные с военным временем. Ситуация менялась стремительно, и принимаемые решения необходимо было корректировать регулярно. Особенно плохо прогнозировались денежные вопросы в связи с ростом цен, поэтому подчеркивалось, что планировать расходы нужно с учетом инфляции. Однако из-за того, что доходная часть не могла увеличиваться, земству приходилось прибегать к кредитам гораздо чаще, чем в предвоенные годы.

В 1916 г. ключевым стал вопрос поставок продовольствия, в частности реквизиции скота и мяса. Несмотря на то, что поставки этого года губернией были выполнены, резервы практически исчерпались. Ю. В. Давыдов заявлял: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах» [8, с. 47].

Из материалов губернских земских собраний также видно, что ухудшалась и ситуация с кадрами. Призыву подлежали как сами гласные, так и земские служащие, включая инженерный и медицинский персонал. Особенно остро нехватка кадров была заметна именно в сфере здравоохранения в связи с развертыванием в губернии госпиталей, появлением эпидемических и инфекционных заболеваний.

Список источников и литературы

1. Алехина Е. В. Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: дисс... к. ист. н. Тамбов, 2005. 197 с.
2. Бобринский Александр Александрович [электронный ресурс]. URL: <http://portrets.ru/5.17.html> (дата обращения: 08.07.2015).
3. Воронин В. Е. Земство в годы Первой мировой войны и революции 1917 года [электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39994.php> (дата обращения: 07.07.2015).
4. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 143. Оп. 1.
5. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1.
6. Двухжилова И. В. Крестьянство и земство в годы Первой мировой войны (по материалам Тамбовской губернии 1914 – начала 1917 г.) // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: Материалы II междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2015. С. 119–126.
7. Двухжилова И. В. Социальный состав Тамбовского земства (1865–1890 гг.): Монография. Тамбов: ООО Изд-во «Юлис», 2003. 140 с.
8. Есиков С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов: ТГТУ, 1998. 108 с.
9. Есиков С. А., Щербинин П. П. Деятельность тамбовского земства по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века: материалы науч. конф. М. – Курск, 2002. С. 133–139.
10. Журнал Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 4 апреля 1916 года с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1916. 21 с.
11. Журнал чрезвычайного губернского земского собрания 12 октября 1915 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. 42 с.
12. Журнал чрезвычайного губернского земского собрания заседания 7 марта 1915 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. 51 с.
13. Журнал чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания 18 июня 1915 года с прил. Тамбов: Типография губернского земства, 1915. 69 с.

14. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. 699 с.

15. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1915 года с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1916. 683 с.

16. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной августовской сессии 1914 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1914. 24 с.

17. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной июльской сессии 1914 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1914. 35 с.

18. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 1913 года с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1913. 74 с.

19. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 10 августа 1915 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. 31 с.

20. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 18 марта 1916 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1916. 70 с.

21. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 21 апреля 1916 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1916. 21 с.

22. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 26 мая 1916 г. с прил. Тамбов: Тип. губернского земства, 1916. 59 с.

23. Журналы Тамбовского чрезвычайного губернского земского собрания 4 января 1917 года. Тамбов: Тип. губернского земства, 1917. 123 с.

24. Истомина С. Ю., Канищев В. В. Потапов Иван Михайлович // Тамбовская энциклопедия. Тамбов: ООО Изд-во «Юлис», 2004. С. 463.

25. Клюкин А. И., Солуданов А. С. Последний предводитель дворянства Тамбовской губернии князь Чолокаев Н. Н. Некоторые черты к биографии [электронный ресурс]. URL: <http://cherkino.ru/istoriya/14-cholokaev-n-n-cherty-biografii.html> (дата обращения: 24.03.2014).

26. Кулешов Павел Николаевич [электронный ресурс]. URL: <http://pomnipro.ru/memorypage62592/biography> (дата обращения: 13.07.2015).

27. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М.: Бородино-Е, 2003. 256 с.

28. Меры, принимаемые властями Российской Империи, по решению проблем продовольственного обеспечения армии и флота в 1914–1916 годах [электронный ресурс]. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=35619> (дата обращения: 07.07.2015).

29. Муратов Н. П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 436 с.

30. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917: в 2-х кн. Нью-Йорк: Изд-е А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1955. Кн. 2. 584 с.

31. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 122 с.

32. Судавцов Н. Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864–1918: в 2-х кн. М.: Наука, 2005. Кн. 2. С. 237–316.

33. Тамбовский губернский комитет Всероссийского земского союза. Краткий обзор деятельности комитета с августа 1914 по 1 января 1915 г. Вып. I / сост. Н. С. Жихарев. Тамбов: Тип. губернского земства, 1915. 61 с.

34. Циркуляр Министерства торговли и промышленности городским и земским управлениям // Тамбовские губернные ведомости. 1917. 5 авг.

35. Щербинин П. П. Взаимоотношения крестьянства и земства в Тамбовской губернии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Мичуринск, 2014. С. 69–73.

ГЛАВА VI. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Деятельность политических партий в России к началу Первой мировой войны контролировалась в регионах Губернским жандармским управлением (далее – ГЖУ). Циркулярами МВД (ДП) ГЖУ предписывалось осуществлять надзор над партиями и партийными деятелями, лицами, вызывающими подозрение в сотрудничестве с партийцами (например, циркуляром от 20 января 1914 г. № 165878 о предоставлении обзоров о работе революционных организаций в подконтрольных районах и ведении розыскной деятельности). На протяжении всего периода войны полицмейстеры и уездные исправники регулярно информировали начальников ГЖУ, а последние – губернаторов и Департамент полиции с систематичностью от одной-двух недель до одного-трех месяцев о деятельности политических партий на подведомственной территории. Часть информации представляли донесения агентов, состоящих на содержании местного ГЖУ.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось определенной политической активностью правых, связанной с общим патриотическим подъемом в стране. Однако патриотическое единение было недолговечным. Кризис правомонархического движения, радикализация политической практики, размежевание внутри движения, фракционный раскол и распад были причинами того, что правомонархические партии Поволжья не получили заметного думского представительства для презентации интересов своего движения. Негативное отношение населения к делегитимизирующейся власти переносилось на ее защитников. Слабость Николая II как политика, распутинщина, военные неудачи в ходе Первой мировой войны, хозяйственная разруха, инфляция, правительственная чехарда еще больше отталкивали народ от прежнего монархического идеала. С постоянными критическими нападками

в адрес правительства, с обвинениями в неспособности подавить нарастающее оппозиционное движение и приостановить процесс революционизирования всего российского общества правые превращались в небезопасную для самой власти оппозиционную силу, способную занять другую политическую нишу. В условиях всеобъемлющего кризиса военного времени у крайних правых и крайних левых появлялось все больше признаков радикализации: популистские социальные установки, требования кардинального перераспределения собственности, стремление обратиться напрямую к массам для поддержки насильственных действий.

Нарастание общественного конфликта и системного кризиса режима в годы мировой войны подтолкнули традиционалистские, консервативные силы Поволжья к выдвижению лозунгов установления сильной власти, введения диктатуры, опирающейся также на вооруженную, промонархически настроенную часть населения. Лозунг «Во имя Церкви, Царя и Русского Народа, борьба с непротивленством – гибелью русского народа» [3], выдвинутый саратовскими правыми монархистами, определил доминанту политической деятельности поволжских правых в условиях военного времени. Крайние, решительные меры стали рассматриваться единственным вариантом спасения дискредитировавшей себя монархии. Распространение столь решительных требований происходило на фоне постепенного спада правого движения, сокращения его численности.

В результате политическая активность поволжского правого радикализма в этот период проявилась в деятельности лишь одной партии – Астраханской народно-монархической, – при слабости или вообще бездействии других, и была персонифицирована в лице ее единоличного лидера Н. Н. Тихановича-Савицкого. Реализация правомонархических проектов по предотвращению кризиса самодержавной системы натолкнулась на непонимание и властями, и рядовыми членами движения быстро меняющихся социально-политических реалий, на внутренние разногласия, проявившиеся в двух направлениях – дистанцирования столичной

правомонархической элиты от провинциального партийного звена, с одной стороны, и конфликтов между политическими лидерами движения, продиктованных личными амбициями – с другой [2].

Первая мировая война усугубила процесс кризиса движения, когда многие отделы правых партий в Поволжье и местные правомонархические объединения перестали существовать. Самарский губернский отдел Союза русского народа имени святого Алексия почти все средства тратил на помощь раненым воинам и членам семей солдат. Саратовский Союз Михаила Архангела открыл чайную для рабочих, где вел агитацию за войну до победного конца, нападая на саратовских немцев, евреев, революционеров.

Октябристы в годы Первой мировой войны стремились действовать солидарно с администрацией и играли первую скрипку в органах местного самоуправления, земском и городском союзах, военно-промышленном комитете и т.д. Их внутрипартийная деятельность в 1914–1916 гг. была мизерной, а всероссийская организация Союз 17 октября к 1916 г. прекратила существование. Попытки возродить Самарское губернское отделение Союза в 1917 г. успеха не имели.

Либеральная конституционно-демократическая партия в годы Первой мировой войны на территории городов Поволжья была представлена не одинаково. В Самарской губернии центром ее работы являлся губернский город, такая же ситуация была в Саратове. В Симбирской губернии в военный период организованной кадетской партии не существовало, отдельные деятели в г. Сызрани и г. Симбирске, придерживавшиеся конституционно-демократических идей, занимались общественной работой в благотворительных и государственных учреждениях. Кадеты в начале Первой мировой войны выступали за оборону Родины. В своей газете «Саратовский вестник» они писали: «Большевики говорят рабочим о какой-то братоубийственной войне. Но мы ведем войну не с братьями, а с ошалелыми немцами» [14].

Необходимость обеспечения стабильности внутри страны, сохранения в войсках патриотического настроя

актуализировало издание циркуляров МВД (ДП), нацеленных на предотвращение «подрывной» деятельности не только левых революционных, но и либеральных партий. Секретными циркулярами МВД № 175641 от 2 сентября 1914 г. и № 177247 от 31 октября 1914 г. розыскным органам предписывалось «иметь неослабное наблюдение за деятельностью и ближайшими задачами партии “Народной свободы” – “Конституционно-демократической”, а также ее местных организаций и обо всем, заслуживающем в этом направлении внимания, осведомлять Департамент».

Осенью 1914 г. деятельность самарских активистов партии привлекла к себе внимание властей. 11 ноября 1914 г. на собрании в помещении библиотеки Общества народных университетов член Государственной думы Н. А. Гладыш, присяжный поверенный А. Г. Елшин, помощник присяжного поверенного А. П. Кравченко, заведующий редакцией газеты «Волжское слово» В. А. Кудрявцев обсуждали вопрос об аресте членов Государственной думы. Ими была высказана идея о публикации и распространении среди пролетариата летучих листовок, сборе сведений о действиях правительства для предоставления после войны на рассмотрение Думе [16, д. 1877, л. 75]. Активной работы члены партии не проводили. Начальник Самарского ГЖУ в донесении от 20 октября 1915 г. в ответ на запрос Департамента полиции сообщал, что «с ноября 1914 г. и до настоящего времени... не было представляемо никаких сведений по Конституционно-демократической партии за отсутствием указания агентуры на какую-либо работу лиц означенной партии». Затем он отмечал, что большинство лиц, примыкающих по своим убеждениям к названной партии, «заняты... работой в различных... союзах и комитетах, открытых в связи с войной для оказания помощи раненым, пострадавшим на войне, семьям запасных и т. п.» [там же, д. 2125, л. 9–9 об.].

20–24 июня 1915 г. в г. Самаре под председательством городского головы С. Е. Пермякова проходил областной съезд по борьбе с дороговизной [10]. На нем была принята предложенная В. А. Кугушевым резолюция с призывом к немедленному созыву Государственной думы и передаче власти

в руки ответственного министерства. За данную резолюцию Кугушев решением административных властей был выслан за пределы губернии. Причем принятые меры были расценены в обществе как излишне строгие. 29 августа 1915 г. в г. Самаре состоялось совещание членов самарской группы конституционно-демократической партии, созванное губернским комитетом в связи с предстоящим партийным съездом. В числе вопросов, предложенных комитетом к обсуждению, были следующие: о неотложном изменении городского и земского Положений; о неотложном принятии закона о кооперативах [15, с. 337].

Осенью 1915 г. представители кадетской группы принимали участие в собраниях, проводившихся по типу политических салонов, на квартире неонародника И. А. Цодикова, где встречались с депутатами Государственной думы и слушали их выступления. Позиция партии изменилась в октябре 1915 г., когда кадеты выдвинули лозунги создания «министерства общественного доверия», усиления борьбы с бюрократизмом, а с начала 1916 г. призывали к установлению «ответственного министерства», распространяли слухи об измене в верхах, неспособности властей преодолеть трудности и довести войну до победного конца. И власти опасались, что, помимо активной деятельности, направленной на помощь фронту, партия будет стремиться распространить свое влияние «на широкие слои оппозиционно настроенного общества», «на всякого рода союзы и возникшие с объявлением войны общественные организации». Поэтому секретным циркуляром МВД от 30 октября 1915 г. начальники ГЖУ обязывались «завести широкую осведомительную агентуру» для сбора сведений и освещения деятельности партии Народной свободы.

20–21 октября 1915 г. состоялось областное совещание членов партии Народной свободы, которое одобрило деятельность думской фракции по вопросу о Прогрессивном блоке [13, с. 221]. К этому времени жандармская агентура выявила принадлежность к губернскому комитету партии А. Г. Елшина, В. А. Кудрявцева, князя В. А. Кугушева, бывшего члена I Государственной думы А. Букейханова,

члена Государственной думы Н. А. Гладыша, издателя газеты «Волжский день» С. А. Елачича и редактора газеты «Волжское слово» В. В. Ветрова и отмечала, что ее представителям не удалось «проникнуть в законспирированную группу лиц, входящих в губернский комитет» [там же]. На совещании была вынесена резолюция, которая предусматривала вхождение в блок с социал-демократами и меньшевиками для борьбы с бюрократизмом, а также выдвинуто требование «Министерства общественного доверия» [там же, с. 221–222]. Газету «Волжский день» решили считать органом партии по всему Поволжью. В ней 24 октября 1915 г. была опубликована заметка «Областное совещание партии Народной свободы», в которой сообщалось о состоявшемся в г. Самаре совещании кадетов. Корреспондент отмечал, что главным вопросом было «выяснение позиции фракции при внесении прогрессистами предложения об ответственном министерстве и отношении к Прогрессивному блоку». Также указывалось, что совещание признало уклонение фракции кадетов от предложения прогрессистов тактической ошибкой, констатировалось проведение выборов Самарского губернского комитета партии.

Связи с лидерами партии поддерживались посредством переписки. Так, 7 ноября 1916 г. на имя П. Н. Милюкова заместитель председателя Самарского губернского комитета кадетской партии А. Г. Елшин отправил две телеграммы. В одной выражался товарищеский привет и поддержка выступления Милюкова на первом заседании открывшейся Думы. В другой говорилось о том, что «продовольственная неурядица дошла до крайних пределов», в г. Самаре «на этой почве произошли пятого ноября уличные беспорядки с разгромом многих торговых и повреждением некоторых жилых помещений», «в целях предотвращения опасных осложнений Государственной Думе необходимо немедленно взять продовольственное дело в свои руки» [15, с. 338–339].

Кадеты придерживались партийных установок, в силу партийной дисциплины ждали указаний сверху и сколько-нибудь активных и самостоятельных действий не принимали. Однако представители партии кадетов активно

участвовали в общественной деятельности. Они занимали административные должности, что давало им право высказывать и пропагандировать свои идеи в среде «интеллигентной» публики, на различных совещаниях, съездах, собраниях. Возможности кадетов по расширению своего электората были ограничены естественной узостью социальной базы, т.к. средний класс был немногочислен, а количество пролетарских и полупролетарских слоев в военное время увеличилось. Новые пролетарии из вчерашних крестьян больше всего тяготели к социалистам-революционерам, выдвигавшим столь притягательные для них лозунги уравнительного перераспределения земли.

В целях недопущения дестабилизации внутривнутриполитической ситуации деятельность политических партий была взята правительством под особый контроль, так как в условиях внешнеполитического конфликта социальная напряженность могла привести страну к негативным последствиям в войне.

Причиной для усиления контроля над социалистическими партиями являлись агентурные сведения, на основании которых в секретном циркуляре МВД от 25 октября 1914 г. сообщалось о том, что германское правительство, в целях «одержания победы» над российскими войсками, предложило российским революционным партиям 3 млн. руб. на ведение агитации в войсках. Они должны были «внушать, что правительство оставило семьи нижних чинов на произвол судьбы, в то время как семьи офицеров вполне обеспечены» [16, д. 1933а, л. 226]. МВД обращало внимание ГЖУ на необходимость выявления деятельности любых групп, отражающих программы революционных партий. Основой для беспокойства властей являлась также возможность оказания на российскую социал-демократию влияния революционеров, проживающих за рубежом. Например, секретным циркуляром от 27 сентября 1916 г. Департамент полиции информировал начальников ГЖУ о том, что видные члены РСДРП, находящиеся за границей, сторонники Циммервальдской и Киентальской конференций, прислали в г. Петроград письмо, в котором призывают представителей думской социал-демократической

фракции на одном из ближайших заседаний выступить с категорическим заявлением о необходимости незамедлительного заключения мира. Отмечалось также, что сами члены фракции собираются принять участие в порайонных совещаниях в Приволжском («не позднее 15-го Октября сего года, в Самаре или Саратове»), Центральном промышленном, Северном районах и на Кавказе [там же, д. 2211, л. 34–34 об.].

Особенно власть беспокоила возможность ведения членами партии противоправительственной агитации в действующих войсках. В циркуляре МВД от 8 сентября 1914 г. особое внимание правоохранительных структур обращалось на выявление воздействия революционных кружков и пацифистских обществ на солдат. Указывалось на вероятность агитации раненых в лазаретах путем распространения воззваний и агитационных листов.

Циркулярами МВД руководители местных ГЖУ обязывались установить наблюдение за партийцами и примыкающими к ним, которые могут оказать неблагоприятное для власти влияние на местное общество, содействовать активизации партийной работы. Представители местных структур охраны правопорядка должны были собирать сведения и сообщать коллегам и в вышестоящее ведомство о прибывших и проживающих в городе лицах, высланных из определенного населенного пункта за участие в революционном движении, публикацию запрещенных материалов. Например, Самарское ГЖУ информировало о высылке из г. Самары осенью 1914 г. А. П. Станкевича и А. А. Буянова в Енисейскую губернию за участие в публикации материалов агитационного характера. Повышенное «внимание» распространялось и на депутатов-думцев, принадлежащих к оппозиционным партиям. Предписывалось установить на местах наружное наблюдение за такими личностями.

Сбор ГЖУ информации об участниках партийного движения позволял властям пресекать развитие оппозиционной деятельности. Проведение обысков, арестов и последующая высылка активистов за пределы города и губернии предпринимались для «ликвидации» партийных групп. В городах

Поволжья в Первую мировую войну данная практика была успешной. Она распространялась, прежде всего, на борьбу с социал-демократией.

В Самарской губернии к началу войны работа социал-демократов сосредоточилась в г. Самаре на деятельности, организованной на базе Общества разумных развлечений, и выпуске легального журнала «Заря Поволжья». 23 июля 1914 г. на собрании в помещении Общества (по данным ГЖУ) «темой собеседования была война»: присутствовавшие, «обвиняя Русское Правительство... допустившее войну», обсуждали, «как бы вызвать среди запасных солдат беспорядки, внушить населению... что война нужна лишь высшим слоям общества и бюрократии, и использовать ее для партийных целей». 26 июля 1914 г. в помещении Общества и в редакции журнала были произведены обыски, обнаружены запрещенные «Наша рабочая газета» и журнал «Борьба». 27 августа около р. Самарки на квартире было организовано собрание местного комитета социал-демократов под руководством В. А. Седенкова. В целях прекращения активной работы эсдеков, журнал «Заря Поволжья» по распоряжению властей был закрыт на период нахождения губернии на положении чрезвычайной охраны, а общество распущено [13, с. 201].

Начало Первой мировой войны повергло самарских социал-демократов в шок. Свое отношение к ней они определили лишь в октябре 1914 г. Среди них были и «пораженцы», и «интернационалисты», но преобладали «оборонцы». Согласно сведениям агентуры Самарского ГЖУ от 19 июля 1914 г. по РСДРП, издатель журнала «Заря Поволжья» А. П. Станкевич решил выпустить летучие листки, адресованные запасным солдатам, с призывом к неповиновению и против войны. В результате А. П. Станкевич и С. М. Белов 19 июля 1914 г. были арестованы [16, д. 1877, л. 65]. Начальник губернского жандармского управления М. И. Познанский сообщил директору Департамента полиции: «Среди самарских социал-демократов в Самаре полное затишье. Большевики, считая себя разгромленными арестами Станкевича, Белова, Буянова и Тура... заняли выжидательную позицию и считают возможным

приступить к работе лишь только при неудаче наших военных действий и в зависимости от того, какие мероприятия и какой режим будут введены после войны правительством» [13, с. 202]. Саратовские большевики, не имевшие в канун войны ни местного руководства, ни связи с центральными органами, в большинстве заняли позицию оборончества.

В августе – декабре 1914 года в г. Самаре активисты, стоявшие на большевистских позициях, участвовали в деятельности «рабочего комитета» и «интеллигентской группы». В октябре «рабочим комитетом» было выпущено воззвание, в котором война характеризовалась как проявление империалистической политики правящих классов. Большевики пытались организовать работу под прикрытием культурно-просветительского общества «Наука и жизнь», а меньшевики – общества «Солидарность». Однако деятельность этих обществ административными мерами была пресечена в зародыше.

Первая «ликвидация» социал-демократической организации в условиях войны в г. Самаре была проведена 13 декабря 1914 г. в связи с получением ГЖУ информации о готовящемся выпуске прокламации против войны. Следующая – 13 января 1915, когда ночью были произведены обыски по 15 адресам и арестован ряд лиц (Я. Андреев, А. Левин, В. Седенков, К. Шехтер, П. Шмелев, А. Булышкин, В. Ротшильд, А. Смирнов, В. Калинин, В. Романов, Н. Шверник, Е. Трубицын). 9 февраля 1915 г. агентура обнаружила 15 экземпляров печатного возвания Самарского комитета РСДРП по поводу начинающегося 10 февраля разбирательства о членах Государственной думы социал-демократической фракции. Листовки должны были быть разбросаны по городу в тот же день. В ночь на 10 февраля 1915 г. в г. Самаре были подвергнуты обыску 25 лиц (в том числе С. Груздев, К. Максимов, А. Кичаев, А. Ларцев, Е. Сергеев, В. Смирнов, П. Фирсов, И. Казарин), 4 учреждения, арестованы 6 человек. В результате обысков были обнаружены 290 брошюр (несколько экземпляров слесарь Федоров принес на фабрику Зимина; 55 отобраны у входа в общество приказчиков; 33 – в обществе

строительных работ). Был найден гектограф, выявлено пребывание в г. Самаре Н. К. Торговкина – беглого из Нарымского края, принявшего после ликвидации группы большевиков в декабре 1914 г. на себя «главенствующую роль» в руководстве социал-демократами. В ночь на 13 февраля 1915 г. в г. Самаре были проведены обыски по 17 адресам и аресты. В правлении профессиональных строительных работ были обнаружены 34 экземпляра «преступных прокламаций» [16, д. 1877, л. 65]. Губернатору было подано ходатайство о высылке за пределы г. Самары и губернии участников движения – Баранова, Мяги, Шехтера, Беднякова, Ландера, Павлова, Седенкова. Аресты в январе – феврале 1915 г. по сути не оставили от самарского большевистского комитета ничего.

Очередная ликвидация самарской организации эсдеков прошла в ночь на 27 апреля 1915 г. По ее итогам сообщалось: «...было ликвидировано несколько лиц, входивших в нарождавшуюся... “социалистическую группу”» [15, с. 322–323], поставившую целью своей деятельности ведение агитации против текущей войны. В период мая – июня 1915 г. большевики под видом экскурсий организовывали партийные собрания за р. Татьянкой. В августе 1915 г. самарская группа большевиков приняла резолюцию о призыве к стачкам, вооруженному восстанию. В конце 1915 – начале 1916 г. в Самаре насчитывалось около 40 социал-демократов всех оттенков. Оживились они с выборами в рабочую группу военно-промышленного комитета (ВПК) в августе 1915 г.

Самарская социал-демократическая группа «начала устраивать загородные собрания с целью возобновления подпольной деятельности». В рапорте от 29 августа 1915 г. руководитель Самарского ГЖУ сообщал, что после ликвидации части местных эсдеков-большевиков оставшиеся на свободе В. И. Ротшильд, М. К. Савельев, Л. Ф. Петрулевич, П. А. Алексеев, В. Б. Сафронов наладили сотрудничество с гласноподнадзорным В. Н. Максимовским, принявшим на себя руководство работой партии. Они решили приступить к организации кружков на всех предприятиях г. Самары: на заводах Шерстнева, Игнатьева, фабрике Зимина, у булочников, у портных,

на городском трамвае. Сотрудники управления выяснили, что членами партийной группы была устроена конспиративная квартира у самарского мещанина А.В. Предтеченского, а на берегу р. Волги напротив г. Самары (территории Самарской и Симбирской губерний) проводились собрания для обсуждения партийной работы (19 и 31 июля, 15, 16, 19 и 23 августа), в которых участвовали не более 15 человек. К 26 августа все эти лица были установлены, «дабы положить предел дальнейшей преступной деятельности большевистской организации, намеревавшейся 30 августа воздействовать на рабочую среду на общем собрании рабочих по поводу участия их в военно-промышленных комитетах» и «предотвратить выпуск летучек по поводу войны и досрочного призыва». 27 августа 1915 г. группу «ликвидировали» [там же, с. 334–336].

Большевики поначалу намеревались бойкотировать выборы в военно-промышленные комитеты. Они агитировали рабочих Трубочного завода против участия в этих комитетах, наметили создание конспиративного рабочего комитета с целью организации подпольной работы. Но 23 сентября 1915 г. «повернули фронт» на 180 градусов, образовали из интеллигентов (В.В. Куйбышев, А.С. Бубнов и др.) исполнительный комитет, разделили Самару на два района, основали 17 кружков. Часть группы во главе с А.В. Гавриленко претендовала на лидерство. Трубочный завод выделялся в самостоятельную единицу с подчинением инициативной группе через заводской коллектив; на каждом предприятии, входящем в район, следовало избрать выборщика, выборщикам – представителя от района, а из числа последних – в будущем членов городского комитета. Другая часть группы в составе Д.С. Чельшова, И.С. Романова и других придерживалась мнения, что работа должна быть поставлена проще, на основе деятельности в профессиональных союзах, поскольку она позволит привлечь новых членов. Группе А.В. Гавриленко удалось создать на Трубочном заводе 8 рабочих кружков по 6 человек. Каждая группа избрала по 2 представителя, а уже они 24 июля 1916 г. на собрании за р. Волгой – руководящий городской коллектив. В октябре 1916 г. полиция ликвидировала все их начинания.

Меньшевики преуспели больше: провели в августе 1915 г. Поволжскую конференцию, на выборах в рабочую группу ВПК получили все 12 мест, с августа 1915 г. издавали легальную газету «Наш голос». Саратовские меньшевики, занимавшие оборонческую позицию, вместе с самарскими во время войны создали свою газету «Самарский голос», которая также стояла на оборонческих позициях. В июне 1916 г. почти всех меньшевиков арестовали.

На несколько месяцев в работе социал-демократов вновь наступило полное затишье, но в начале 1916 г. они активизировались. По сведениям агентуры Самарского ГЖУ, «центром» самарской большевистской организации стали Кузьмин, Панов, Теплов, Венцек, Дерябина, Максов, Виксин, Курулов, несколько «латышей». Агент сообщал: «...проявляет ли в настоящее время эта организация какую-либо деятельность помимо агитации не входить рабочим в Военно-Промышленный комитет – неизвестно» [16, д. 2029, л. 5–5 об.]. До конца 1917 г. самарские социал-демократы были заняты исключительно поисками виновных.

В Симбирской губернии деятельность социал-демократов в период войны активизировалась в г. Сызрани. Там по наблюдению за социал-демократической партией в июле 1914 г. проходили 10 человек, в августе – 9, в сентябре – 8. В г. Симбирске количество состоящих под наблюдением эсдеков, до этого ничем себя не проявлявших, стало увеличиваться с осени 1916 г., среди них была «разношерстная» публика. Симбирская группа поддерживала связь с самарской при помощи переписки, вела агитацию среди рабочих, призывая их протестовать в связи с осуждением членов Государственной думы социал-демократической фракции. В ноябре 1914 г. агент Симбирского ГЖУ отмечал в отчете: «В кругу местных социал-демократов настроение мирное. Никакой партийной работы не ведется. На эту войну они смотрят как на оскорбление от гнета милитаризма. Главная же причина их миролюбивого настроения к правительству та, что они думают... при ближайшем завершении кампании войны правительство оплатит народу за все его жертвы... должно правительство удовлетворить

земельную нужду нашего крестьянства... и даровать амнистию политическим заключенным» [15, с. 362–363].

Сообщая о деятельности социал-демократии в Саратовской губернии, начальник Саратовского ГЖУ в рапорте от 21 ноября 1914 г., адресованном начальнику Самарского ГЖУ, указал, что «в г. Саратове социал-демократической организации в настоящее время не имеется», «нет даже и отдельных, серьезных партийных деятелей» [там же, с. 364]. Появление в Саратове ряда активных деятелей партии весной 1915 г. (В. П. Ногин, М. С. Ольминский, М. И. Васильев-Южин), установивших контакты с саратовскими социал-демократами, оживило революционную агитацию в городе.

Одним из центров революционной работы большевиков было общество содействия внешкольному образованию «Саратовский маяк». Оно приступило к работе в начале 1913 г., устраивая для своих членов доклады, лекции, экскурсии, литературно-музыкальные вечера. В планах общества была организация курсов иностранных языков и бухгалтерии. Руководили им представители научной интеллигенции. В 1914 г. состоялось 35 общих собраний, на 27 читали лекции, на которых присутствовало 1715 человек. В обществе насчитывалось 268 членов, из них 85 женщин. В новый состав его совета прошли два большевика – А. М. Лежава, ставший председателем, и П. А. Лебедев, привлечшие в организацию много рабочих. После переизбрания весной 1915 г. совета общества в нем стали преобладать большевики. Наряду с научно-популярными лекциями там читались и политические: о характере войны, о страховании рабочих, об их участии в военно-промышленном комитете, по аграрно-крестьянскому вопросу и другие. Начальник Саратовского губернского жандармского управления доносил саратовскому губернатору, что «наплыв рабочих в “Маяк” изменил его характер. Он стал чисто рабочим учреждением, вместо прежнего литературно-просветительного общества» [5, д. 9633, л. 83].

В 1915 г. общество «Саратовский маяк» сняло собственное помещение для собраний на Царицынской улице в доме Горанжиной (ныне ул. Киселева, 65). Здесь имелся небольшой

зал на 100 человек. Вместе с «Маяком» там стал нелегально работать Саратовский комитет РСДРП, собиралась редакция издаваемой саратовскими большевиками «Нашей газеты». Она прожила недолго, с 8 августа по 20 октября 1915 г., и в то время была единственной в России легальной большевистской газетой. Вышло всего девять номеров, десятый был конфискован, дальнейшее издание запрещено. В издании газеты принимали активное участие М. С. Ольминский, М. И. Васильев-Южин, С. И. Мицкевич и другие большевики. Начав с выпуска тиражом в 2000 экземпляров, они вскоре увеличили его в пять раз, так как «Наша газета» быстро завоевала популярность. Она распространялась не только в Саратове и губернии, но и далеко за ее пределами. На страницах газеты публиковались статьи с разоблачением империалистического характера войны, об отказе рабочих участвовать в военно-промышленных комитетах, о предательстве социал-шовинистов, о дороговизне и другие. Много места занимали письма рабочих с фабрик и заводов. Хотя «Наша газета» просуществовала недолго, она способствовала революционному воспитанию трудового люда, подъему рабочего движения.

В марте 1916 г. наиболее активные большевики, официальные редакторы и издатели «Нашей газеты» П. А. Лебедев, В. П. Антонов, Г. И. Оппоков, С. П. Нацаренус и рабочий Курулов, были постановлением особого совещания при Министерстве внутренних дел высланы на разные сроки в Иркутскую губернию. 23 апреля осужденные отправлялись из Саратова на пароходе. На берегу собралось около 150 рабочих, пришедших попрощаться со своими товарищами. Проводы превратились в политическую демонстрацию.

25 августа 1915 г. в здании Саратовской городской управы под председательством члена общества «Саратовский маяк» И. Ф. Платонова прошло собрание в составе 120 человек – членов правления больничных касс профессиональных, просветительных и кооперативных обществ города для обсуждения вопроса о беженцах. Было решено послать телеграмму депутату-думцу Н. Чхеидзе, в которой заявлялось о том, что наплыв беженцев требует введения правил охраны труда (8-часовой

рабочий день, запрещение сверхурочных, свободу профсоюзов, рабочих организаций и собраний). Также 25 августа 1915 г. под председательством помощников присяжных поверенных (эсдеков) Антонова, Оппокова и Лебедева состоялось собрание правления больничных касс Саратова по вопросу об организации помощи беженцам. Его посетили около 300 рабочих. В докладе Антонова, в частности, говорилось о необходимости создания рабочего комитета и профессиональных союзов. Был выбран комитет в составе Антонова, Лебедева, Григорьева, Голевицкой, Зайцева и других, выдвигался вопрос о восьмичасовом рабочем дне. Разгром группы был проведен в ходе «ликвидации» в апреле 1916 г., но уже к концу года при участии К. И. Плаксина, А. М. Марциновского, Р. Ю. Гульбиса, Т. Сапронова в г. Саратове была образована «инициативная группа», ряд кружков-ячеек на крупных предприятиях города, в мастерских Рязано-Уральской железной дороги.

В. П. Антонов-Саратовский, участник социал-демократического движения в г. Саратове, в воспоминаниях отмечал успешную работу местного ГЖУ по выявлению деятельности эсдеков: «[Жандармерия была] прекрасно осведомлена о наших партийных кличках... и нелегалщиках... и обо всей нашей работе» [1, с. 41, 54].

Главным препятствием для распространения влияния политических партий на идейные воззрения, социальное настроение и поведение горожан Поволжья были не только запреты на оппозиционную антиправительственную деятельность, но и эффективный контроль за партийными активистами и сочувствующими им лицами. В случае активизации такой деятельности властные структуры предпринимали действенные меры для изоляции их от общества. После февральских событий 1917 г. работа социал-демократов оживилась, стала легальной, однако не привела к единству меньшевиков и большевиков.

Деятельность партии социалистов-революционеров на территории Самарской, Симбирской и Саратовской губерний была не особенно активной. Она концентрировалась в губернских городах, где партия была представлена группами

или отдельными членами. В Симбирской губернии в военный период в принадлежности к эсерам подозревалось небольшое количество лиц, которые не вели согласованных действий. Организация эсеров Самары в годы Первой мировой войны насчитывала от 15 до 20 активных членов, расходившихся по всем важнейшим вопросам.

В августе – сентябре 1914 г. самарские эсеры командировали представителей в города Поволжья для налаживания связей с местными деятелями с целью объединения и созыва Поволжского областного съезда в г. Саратове для выработки тактики к предстоящему Международному социалистическому конгрессу. В секретном отчете в Департамент полиции от 24 октября 1914 г. начальник Самарского ГЖУ в связи с этим отметил, что в г. Самаре сплоченной организации социалистов-революционеров, которая могла бы выбрать на съезд делегата, «не имеется»; указал, что студент Ф. А. Мавринский в ноябре был в г. Петрограде, возможно, для участия в конференции эсеров от 9 губерний (вез резолюцию местного комитета) [16, д. 1875, л. 96, 138 об.]. Самарские эсеры осуществляли сбор денег в пользу ссыльных и содержащихся в тюрьмах лиц.

До конца 1915 г. принадлежащие к партии эсеров и сочувствующие им лица значимой деятельности не проявили. Они отказались от предложения эсдеков-большевиков о совместных действиях, разойдясь во мнениях по принципиальным вопросам. Летом 1915 г. организовали 6 собраний за р. Волгой, обсуждали позицию в отношении войны и возможные шаги в этом направлении. Эсеры решили не бороться против войны в связи с отсутствием ресурсов, хотя и осудили ее, и сосредоточиться на практической деятельности (организации рабочих, привлечении их к кружковым занятиям). 4 октября неонародники организовали в лесу за р. Самаркой нелегальное собрание, обсуждался вопрос об участии в работе ВПК и большинством это было одобрено. После чего некоторые из присутствующих (С. Г. Арсенов, А. В. Предтеченский, И. Е. Евдокимов и др.) посетили легальное собрание в обществе приказчиков в городской управе и выступили против участия в ВПК [15, с. 343–345].

К концу 1915 г. в состав самарской группы неонародников входило около двух десятков человек. Из них восемь деятелей во главе с Е. Б. Щеголевой придерживались позиции: признать войну; стоять за победу; выступать против участия эсеров в Государственной думе; за участие рабочих в ВПК. Семь человек во главе с Н. А. Бражником в апреле 1916 г. голосовали за «мир без аннексий и контрибуций»; в ВПК участия, безусловно, не принимать, но на собраниях присутствовать и всеми силами стараться проводить свою идею; начать агитацию о выборах неонародников в будущую Государственную думу. Связи с заграничным центром были случайными, перспективы – туманными, всех их усилий хватило на то, чтобы выпустить считаное число воззваний.

После февральских событий деятельность политических партий, в том числе социалистов-революционеров, стала свободной. Левые партии получили возможность легально заниматься агитацией.

В первые дни Февральской революции 1917 г. Временный комитет Государственной думы, определяя направленность своих действий, поставил задачу объединения легальной при старом режиме оппозиции во властные органы на местах. В губернских центрах, получив известие о победе революции, инициативу по созданию новой власти проявили, прежде всего, городские общественные управления. Для обсуждения событий управы созывали совещания гласных, где оглашалась телеграмма о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного Комитета Государственной Думы» за подписью ее председателя М. В. Родзянко [4, д. 676, л. 1]. Здесь же избирались временные общественные комитеты¹ для выработки экстренных мер по поддержанию порядка и спокойствия. Предполагалось, что эти комитеты будут пополняться представителями различных общественных организаций. В идеале же взаимоотношения с государственной властью должны были отражать общность конечных целей и задач, единство принципов построения

¹ В разных губерниях общественные комитеты назывались по-разному: чрезвычайные, общественной безопасности, народной власти и др.

и функционирования. При этом базироваться новая организация общества в условиях революции могла лишь на воле народных масс, постоянно опираясь на их инициативу и поддержку. Это создавало предпосылки для формирования революционных потоков, что в условиях войны вовлекало в этот процесс подавляющее большинство населения страны и, прежде всего, солдат тыловых гарнизонов.

Временные комитеты в губернских центрах формировались по инициативе местных общественных объединений, в то время как центр стремился отстранить их от создания новой администрации. Таким образом, закладывалась основа будущих коллизий между властью и обществом на микроуровне, что было опасно в условиях социальной нестабильности. Множественные микроконфликты в период поиска оптимальных путей общественного развития разрастаются в макропроцессы, порождая хаос. Демократические преобразования в Самаре были полностью поддержаны в частях воинского гарнизона. Известие о свержении самодержавия, несмотря на попытки командования скрыть эту информацию, быстро распространились в казармах. Солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города, кое-где арестовывали офицеров. После получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание [8].

Командный состав Самарского гарнизона, резонно опасаясь потери влияния на нижних чинов, предложил создать общий Совет военных депутатов, в котором наряду с солдатами были бы представлены офицеры. Военнослужащие, избранные в комитет народной власти, стали основой этого Совета. 8 марта состоялось первое совместное заседание солдатских и офицерских депутатов, где присутствовало 44 солдата и 19 офицеров. 9 марта был избран президиум Совета военных депутатов, по партийному составу преимущественно эсеро-меньшевистский. Его председателем стал прапорщик

Филиппов [17, с. 43]. Руководство военного Совета пыталось ограничить участие солдат в революции рамками представительства в общественных организациях, но удержать их в казармах не удалось. Солдаты часто самовольно уходили из частей, требовали предоставления специальных отпусков на период весенних полевых работ. Их действия направлялись большевистскими агитаторами, фракция которых во главе с товарищем председателя Совета М.И. Герасимовым была представлена в Совете военных депутатов. В целом оперативность, открытость действий Самарского комитета народной власти, проявившего лояльность ко всем революционным силам, позволила предотвратить в городе погромы и эксцессы в отношении представителей карательных структур старого режима.

В других губернских городах Поволжья либеральные общественные силы были менее оперативны и более осторожны в своей реакции на смену власти в столице. Командующий Казанским военным округом 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции. Саратовский губернатор распорядился 1 марта задержать выпуск газет, напечатавших телеграммы о событиях в Петрограде. Однако саратовские органы общественного управления высказали пожелание информировать население о событиях в Петрограде и послать делегацию к тверскому губернатору с просьбой не препятствовать разглашению информации. Вечером того же дня на заседании представителей военно-промышленного комитета, университетской администрации, общества приказчиков и торговцев, кооперативов, железной дороги и командования воинского гарнизона было решено пренебречь губернаторским запретом и послать приветствие Временному комитету Государственной думы. В Симбирске губернатор даже 3 марта убеждал население не верить «ложным» слухам из столицы [12, с. 48]. Конечно, скрыть такое явление, как революционный переворот, невозможно. Однако думцы и земцы в этих городах не проявили инициативы раньше, чем на улицы вышли рабочие, солдаты, учащаяся молодежь.

Саратовский Совет рабочих депутатов провел ряд решений по укреплению своего влияния в массах. Он включил в свой состав представителей от воинских частей и с 6 марта стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Смелые действия Саратовского Совета в первые дни революции, выделяющие его из общей массы образовывавшихся провинциальных советов, объясняются преобладанием в нем большевиков, лучше организованных, чем меньшевики и эсеры. Кроме того, здесь вполне проявился принцип: «кто не успел, тот опоздал». На организационном собрании ОГИК всю ночь со 2 на 3 марта шли дебаты о судьбе представителей царской администрации. В конечном итоге военному комитету было поручено арестовать губернатора, вице-губернатора, полицмейстера, начальника жандармского управления и его помощника, но сделано все было под «унылое брюзжание по поводу “рабочих и военных авантюр”». В ответ на это солдаты за ночь вместо пяти арестовали около трехсот «охранников порядка и спокойствия» [11, с. 32–34]. Такие действия неуправляемых масс могли перерасти в погромы и кровопролитие, а потому они подталкивали общественно-политические организации к консолидации.

В ходе демократических преобразований в Казани была устранена не только местная царская администрация, но и командование военным округом. Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади в Казани наряду с рабочими и студентами приняли участие солдаты, оказавшиеся по разным причинам в центре города. 3 марта командующий округом вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по округу [9, с. 34]. Однако было уже поздно проявлять лояльность к новой власти со стороны генерала Сандецкого, который скомпрометировал себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта и под руководством Временного военного революционного комитета произвел арест командующего округом вместе со штабными генералами и наиболее ненавистными офицерами, ранее притеснявшими солдат [там же, с. 36].

В губернских городах Поволжья, являвшихся средоточием влияния на общественную жизнь провинциальных дворянских фамилий, смена власти после Февральского переворота происходила без особых коллизий и потрясений. Например, в Пензе одновременно с конституированием губернской администрации 6 марта 1917 г. на общем собрании представителей от солдат и офицеров гарнизона был образован Совет солдатских и офицерских депутатов. В него вошли 33 солдата, 22 офицера, 2 военврача и 2 военных чиновника. 8 марта были избраны председатель Совета прапорщик Ф.Т. Милов и 9 членов бюро, из которых 2 были большевиками, а остальные – меньшевиками и эсерами [7, с. 16]. Совет рабочих депутатов сформировался позже. Только 10 марта на митинге в Народном доме было принято решение «о необходимости организовать Пензенский Совет рабочих депутатов, которых следует избирать от всех заводов, фабрик и мастерских». Всего в Совет было послано 100 человек, но его структурное оформление завершилось лишь после объединения с Советом военных депутатов [там же, с. 17].

Формирование солдатских комитетов в частях Симбирского гарнизона осуществлялось всю первую половину марта 1917 г., но зато основательно и организованно. «От каждой роты избиралось по 5 депутатов в ротный комитет и один – в полковой комитет. Депутаты, избранные в полковой комитет, избрали из себя трех депутатов в Совет, трех в бригадный комитет и не менее пяти в полковой» [6, с. 106]. Большинство делегатов в Совете солдатских депутатов были представителями эсеров и меньшевиков или им сочувствующими. Такой состав создавал условия для безболезненного объединения рабочего и солдатского Советов, что укрепляло их позиции и обеспечило представительство в общественных комитетах города и губернии.

Необходимо отметить, что «трогательное единение» всех общественных сил было недолгим в поволжских губерниях. Борьба за власть здесь только еще начиналась, а вовлечение в революцию рабочих, солдат и крестьян привело к качественно иной расстановке политических сил. В ходе российской

революции 1917 г. существенно меняется место и роль политических партий и процесса их социализации. В условиях войны солдаты тыловых гарнизонов составили действенную революционно-радикальную силу, непосредственно влиявшую на возможности осуществления мобилизационных мероприятий для дальнейшего продолжения войны. Тыловые армейские гарнизоны стали очагами распространения антивоенных настроений и революционных идей. Провинция «ушла» в революцию – фронт нечем стало подпитывать.

Список источников и литературы

1. Антонов-Саратовский В. П. Саратов в годы империалистической войны (1914–1916 гг.) и «Наша газета» (Из личных воспоминаний) // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16). С. 7–80.
2. Баринаева Е. П. Образ власти в сознании дворянства // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 4. Т. 10. С. 1034–1039.
3. Волга. 1916. 3 апреля.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1791. Оп. 1.
5. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.1. Оп. 1.
6. За власть Советов в Симбирской губернии. Воспоминания участников Октябрьской революции. Саратов, 1967. 315 с.
7. Захаров Н. С. Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань, 1977. 278 с.
8. Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.
9. Ионенко И. М. Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть советов. Казань, 1976. 190 с.
10. Кабытов П. С. Крестьянство Поволжья в годы первой мировой войны // Первая мировая война в истории российской нации: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Первой мировой войны (г. Пенза, 10–11 июня 2014 г.) / под общ. ред. О. А. Суховой, О. В. Ягова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. С. 52–58.
11. Кабытова Н. Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002. 324 с.
12. Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. 612 с.
13. Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сб. документов. Самара, 2014.
14. Саратовский вестник. 1914. 25 октября.
15. Семенова Е. Ю. Мирозрание городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. 887 с.
16. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1.
17. Щелков А. Б. Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014. 184 с.

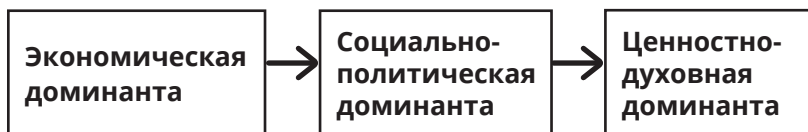
ГЛАВА VII. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Политический фактор возникновения [9] и перманентная политическая ангажированность придают теории модернизации особую актуальность. Политика – это один из мощнейших двигателей эволюции гуманитарных наук и, соответственно, их базовых концептов, одним из которых является модернизация. Такая значимость политики характерна для многих государств, в том числе, а иногда и особенно, для России. В доказательство необходимо отметить смену исторической парадигмы в Российском государстве, связанную с распадом Советского Союза в 1991 г., а также идеологические поиски, ставшие актуальными в период перестройки, когда марксизм-ленинизм различных модификаций перестал удовлетворять советское/российское политическое руководство. Отечественная парадигма исторического знания, в советский период определявшаяся формационным подходом, стала объектом серьезной критики на рубеже 80-х – 90-х гг. XX века. Однако в силу инерционности сознания российские историки не смогли полностью отказаться от формационного подхода и перейти на позиции цивилизационного. Результатом этого процесса стала возросшая актуальность теории модернизации. Дополнительным стимулом роста популярности последней является новая политическая стратегия, выбранная В. В. Путиным на второй срок своего президентства [16] и подтвержденная Д. А. Медведевым в 2009 г. [14], что вызвало к жизни общие и многоаспектные исследования, касающиеся различных проблем модернизации в целом и российской в частности.

Термин «модернизация» понимается нами как переход от аграрного общества к индустриальному: это комплексный процесс, который проявляется во всех сферах жизнедеятельности общества. В экономике имеет место установление базовых принципов рыночной системы, динамичное развитие

сельского хозяйства и индустриализация, складывание мировой экономики при международном разделении труда на основе развития транспорта и коммуникаций; в политике – увеличение функций государства, расширение границ демократического режима как географически, так и социально для внедрения принципов гражданского общества и правового государства; в социальной сфере – четкое разделение функций между индивидами и социальными общностями, повышение уровня социальной мобильности, широкий процесс урбанизации; в духовной сфере – формирование общечеловеческих ценностей на основе развития образования, установления светского образа жизни, различных видов плюрализма (религиозного, научного, философского и т.д.), приобщения широких слоев населения к достижениям культуры, дифференциация, с одной стороны, и интеграция – с другой, разнообразных типов культур и цивилизаций.

Следует заметить, что с XVIII века главной проблемой модернизационных процессов в России являлся их неорганический характер [10, с. 46], который выражался в их асинхронности по отношению к различным сферам жизнедеятельности общества. Северная война инициировала процессы экономической модернизации, Крымская – заложила основы социальной мобильности и урбанизации через отмену крепостного права, под воздействием Русско-японской войны Российская империя от абсолютизма через думскую монархию стала постепенно эволюционировать к конституционализму. Таким образом, общий тренд модернизационных процессов в России необходимо представить следующим образом:

Итак, основным фактором для проведения модернизации в Российском государстве были войны. Они стали, пользуясь терминологией А. Дж. Тойнби, «вызовом» российской (славянской) цивилизации на пути модернизационных

преобразований. Английский философ интерпретировал «вызовы» как «ситуацию особой сложности, которая побудила его [человека] предпринять беспрецедентную до того попытку» [28, с. 395]. Именно указанная «попытка», т.е. «ответ», приводит человека к новой стадии своего развития – цивилизации [там же, с. 143–157].

На вопрос «Почему Россия должна была иметь “вызовы” западной цивилизации в качестве первостепенной основы для своего дальнейшего развития?» у А. Дж. Тойнби можно найти следующий ответ: «Начиная с окончившейся неудачей второй осады турками Вены в 1683 г. вплоть до поражения Германии во Второй мировой войне 1939–1945 гг. Запад как целое настолько превзошел в своей власти весь остальной мир, что фактически не осталось никого, с кем западные державы могли бы считаться за пределами своего круга» [29, с. 197]. Иными словами, страны Западной Европы, начав осуществлять органичную модернизацию с XV–XVI веков, настолько преуспели в своем развитии, что смогли себе позволить, в определенном смысле, мессианскую роль, распространяя свой образец, свою модель траектории дальнейшего пути на более широкий круг цивилизаций традиционного типа. При этом Тойнби выявил три «ответа» российской цивилизации на «вызов» Запада, связанный преимущественно с технологическими достижениями последнего:

1. Серьезное противодействие России, выразившееся в виде «фанатичной секты староверов».

2. «...радикальное “иродианство”, нашедшее своего гениального представителя в Петре Великом».

3. «Позорный крах военных усилий России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. выявил страшную реальность, показав, что проводившаяся в течение более двух веков петровская политика вестернизации оказалась не только нерусской, но также и безуспешной. Она не выполнила взятые на себя обязательства, и в этих обстоятельствах долго подавлявшаяся претензия на уникальность судьбы России вновь заявила о себе в коммунистической революции» [там же, с. 202].

Английский философ, пусть и неявно, обозначил указанный выше неорганичный характер перехода Российского государства от традиционного общества к современному: «Секрет ошеломляющего успеха современного Запада состоял в мастерской кооперации духовного и светского оружия. Проломы, произведенные взрывом современной западной технологии, открыли путь для духа современного западного либерализма. Чтобы реакция России на Запад была успешной, она должна состязаться с Западом за духовную преданность всех ныне живущих обществ, по своим местным культурным традициям, не являющихся ни западными, ни русскими» [там же, с. 203].

А. Дж. Тойнби классифицировал «вызовы» следующим образом:

- 1) стимул суровых стран;
- 2) стимул новой земли;
- 3) стимул ударов;
- 4) стимул давлений;
- 5) стимул ущемления.

Войны были отнесены английским философом к «стимулу ударов», но только тогда, когда «неожиданное сокрушительное поражение способно стимулировать побежденную сторону к приведению своих дел в порядок и подготовке победоносного ответа» [28, с. 398]. Таким образом, не всякий военный конфликт имел определяющее значение для развития модернизационных процессов в Российском государстве. Война воздействовала решающе только в том случае, если противником России являлись государства западной цивилизации, военные действия имели масштабный характер, а их результативность была отрицательной для российской стороны. Именно поэтому в качестве основного «вызова» для Российской империи в рамках модернизации следует выделить Северную, Крымскую, Русско-японскую и, безусловно, Первую мировую войны.

Общепонимаемый смысл термина «Первая мировая война» – первый международный конфликт, охвативший более половины государств, обладавших в то время суверенитетом и насчитывавших около 87% населения Земли [20, с. 62].

Однако это понятие имеет на данный момент более широкое значение: международное противостояние, показавшее конечность европоцентризма, а вместе с тем и исчерпаемость развития индустриального общества, и необходимость для человечества перехода к постиндустриальному. Особенно велика была значимость Великой войны 1914–1918 гг., как ее долгое время называли, для духовной сферы, когда Первая мировая война серьезнейшим образом изменила ментальные установки в мировоззрении народов, определявших лицо тогдашнего миропорядка: «Первую мировую войну... можно рассматривать не только как военное или социально-политическое явление (основное в данном случае), но и как “духовную брань”, не только как противостояние, соперничество государственных идеологий и притязаний, но и как столкновение внутренних установок национальных и социальных менталитетов народов стран – участников, столкновение различных способов видения мира, образов мысли и общего строя ума, традиционных (то есть сложившихся исторически) для каждого народа и несопрягаемых с подобной системой внутренних установок общества» [21, с. 13].

Чудовищные разрушения, массовые человеческие жертвы (более 15 млн. убитых и 20 млн. раненых [20, с. 63]), имевшие место в ходе Великой войны 1914–1918 гг., произвели кардинальные изменения в мировоззренческих установках человечества в начале XX века. Рационализм, господствовавший в философской мысли с Нового времени, стал уступать место иррационализму. А вера во всемогущество человеческого разума, при помощи которого можно достигнуть необозримых высот в дальнейшем развитии общества, – быстро таять перед ужасами военного времени. Появились пророчества о скорой гибели европейской цивилизации [32], но при этом делались попытки найти выход из духовного тупика, в котором оказалось тогдашнее общество и который ярко выразился в умонастроениях пережившего Великую войну «потерянного поколения». Так в европейской, в первую очередь, философской мысли возникли идеи экзистенциальной направленности.

* * *

Первую мировую войну необходимо считать фактором, повлиявшим на дальнейшие модификации политической системы Российского государства в модернизационном ключе. Главными из них являются революционные события 1917 г., которые изменили сущность Российского государства. Несмотря на то, что многие историки выражают серьезные сомнения в непосредственной детерминации Первой мировой войной Февральской и Октябрьской революций 1917 г., их прочную взаимосвязь никто из них не отрицает. Чаще всего войну, в данном случае, трактуют как катализатор революционного процесса [23, с. 531–557]. Так или иначе, Великая война 1914–1918 гг. сыграла одну из главных ролей в дальнейших трансформациях России, когда после ее окончания был проведен беспрецедентный по своим масштабам и последствиям эксперимент по созданию идеократического государства, который коренным образом изменил ментальные установки всего российского общества в целом и крестьянства в частности.

На наш взгляд, тяготы, вызванные Первой мировой войной, стали одной из предпосылок Февральской революции, приведшей к ликвидации монархической формы правления в России и установлению системы двоевластия в марте 1917 г. Мало кем на данный момент оспаривается положение о стихийном характере революции, начало которой было связано с хлебными беспорядками в Петрограде [18, с. 184]. Причиной указанных событий являлись перебои с продовольствием, ставшие следствием реквизиций, проводившихся для обеспечения армии продуктами питания, и мобилизаций, приведших к ухудшению функционирования крестьянского хозяйства [24, с. 46–48].

Сама Февральская революция не получила однозначной оценки среди отечественных историков в силу большого влияния, оказываемого советской историографией. С одной стороны, ее продолжают рассматривать в общем ходе революционных событий в России начала XX века [13], а с другой – приводятся весьма оригинальные суждения, что «...Февральская революция, свергнувшая самодержавие и отвергнувшая

господствовавшую идеологию, воспринимается лишь как неудачная попытка модернизации политического и социального строя страны на пути вестернизации (демократическая, буржуазно-демократическая революция), радикально порывавшая с политической традицией дореволюционного общества» [12]. Б. Колоницкий отмечает специфичность понимания концепта «демократия» в 1917 г., в случае интерпретации революции как «демократической: и законодательство революции, и практическая деятельность Временного правительства были в основном направлены на создание демократических выборных институтов, на обеспечение прав человека и демократических свобод» [13]. Он рассматривает ее больше как антимонархическую, отрицающую «старый мир», при этом добавляя, что не следует жестко противопоставлять Февральскую и Октябрьскую революции, так как «сам культ великой революции, установившийся в стране, революции, которая была одновременно и целью, и средством, способствовал радикализации ситуации, а в конце концов, и сползанию к гражданской войне. В глазах многих современников Октябрь наследовал и развивал язык и символику Февраля, и именно это делало для них режим большевиков легитимным» [там же].

О неудачности проведения политической модернизации в России после Февральской революции свидетельствует, к примеру, тот факт, что провозглашение Российского государства республикой 1 сентября 1917 г. было обусловлено ситуационными обстоятельствами, которые сопровождали формирование Директории, когда Керенский был вынужден пойти на этот шаг как уступку левым силам [18, с. 235].

После Октябрьской революции 1917 г. политические модернизационные процессы существенно отклонились от той траектории, которая медленно, но верно начала намечаться в России со второй половины XVIII века, – построения правового государства и гражданского общества. Последним отголоском вероятной демократической альтернативы был созыв Учредительного собрания, проработавшего всего 2 дня – 5–6 января 1917 г. В дальнейшем политический режим в Российском государстве стал эволюционировать в сторону

складывания авторитарно-тоталитарной, имперской системы. Частично это было обусловлено тяжелыми условиями Гражданской войны, но в большей степени – идеологическими установками большевиков, среди которых основными были осуществление мировой пролетарской революции и создание основ коммунистического общества во всех странах и у всех народов. Если объяснять изменение направленности российской модернизации на более глобальном уровне, то необходимо согласиться с мнением С. Н. Гаврова: «...исторические катастрофы нескольких столетий случались в России из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность» [5, с. 107]. Именно этот фактор детерминировал неорганичность перехода России от аграрного общества к индустриальному. Таким образом, краткий период способствования революционных процессов российской модернизации закончился в 1917 г.: только если раньше революционные потрясения замедляли ее, то теперь они стали отклонять Российское государство со сложившегося в XVIII веке направления развития.

Конкретные проявления строительства основ Советского государства широко известны. В первую очередь шло складывание однопартийной системы, в ходе которого наметилось противостояние преимущественно между партиями социалистического толка: большевиками, меньшевиками и эсерами всех мастей. Итогом стало прекращение деятельности двух последних. Следующим кардинальным шагом стала внутрипартийная борьба 1920-х гг., закончившаяся установлением единоличной власти Сталина. Параллельно происходил процесс образования Советского Союза, который, несмотря на положения Конституций 1924 и 1936 гг. о федеративности, в целом приобрел черты унитарного государства. Сопровождалось формирование советского режима сращиванием партийных и государственных органов и складыванием системы общественных организаций, представленных, в первую очередь, профсоюзами и комсомолом. Фундаментом идеологического давления на общество в 30-е гг. прошлого века стали массовые репрессии.

При характеристике политических модернизационных процессов, имевших место в Советском государстве межвоенного периода, вновь хотелось бы процитировать С. Н. Гаврова: «Сталинская имперская модернизация во многом проводилась по образцу петровской, мы видим тот же крайне высокий уровень абсолютизма, где каждое прямое указание или полускрытое пожелание вождя нормативно и не подлежит обсуждению, но лишь выполнению... Сталинская имперская модернизация примечательна еще и тем, что это была последняя относительно удачно проведенная модернизация в рамках имперской системы. Удачная не в смысле окончательного решения стратегических задач империи – они нереализуемы в принципе, – а в смысле решения тактических задач текущего исторического момента. Задачи эти состояли в том, чтобы успешно противостоять Западу в военно-политическом соперничестве, приобретшем после Второй мировой войны геополитический масштаб» [там же, с. 119–120].

* * *

Первая мировая война отрицательно сказалась на экономике Российского государства. В первую очередь, необходимо отметить неравномерность развития отдельных отраслей промышленности. Перевод экономики на военные рельсы привел к существенному понижению объемов производства продукции мирного назначения и значительному росту промышленности, специализирующейся на выпуске товаров, предназначенных для обеспечения армии. Аналогичным образом происходило увеличение количества рабочих, занятых на предприятиях по металлообработке, фабричному пошиву одежды, производящих различные виды вооружения, осуществляющих ремонт автотехники и т.д., в то время как наблюдалось сокращение численности работников в отраслях, не связанных с обороной. Во многом указанной тенденции способствовали меры бронирования рабочих, обеспечивающих нужды фронта. При этом военные условия приводили и к существенной их концентрации, что было обусловлено, в том числе, закрытием ряда мелких предприятий. Однако, вместе с тем, призыв в армию из промышленных отраслей все

равно осуществлялся, что влекло за собой качественное изменение состава пролетариата, – увеличивалось число рабочих старших возрастов, использовался труд подростков и женщин [1, с. 195–198]. Масла в огонь подлила потеря западных территорий Россией в ходе боевых действий 1914–1915 гг., что вызвало необходимость эвакуации российских предприятий из этого региона. Однако планомерных действий правительства на данном направлении не наблюдалось, в результате – отсутствие перевозки фабрик и заводов на восток, а те, которые все же были эвакуированы, начинали работу в новых условиях очень медленно [27, с. 187–188].

Серьезно пострадало от войны сельское хозяйство, когда на фронт в ходе мобилизаций из европейских губерний было призвано около 50–60% взрослых мужчин. Данное обстоятельство во многом предопределило сокращение посевных площадей и намечающиеся проблемы с продовольственным обеспечением не только тыла, но и армии [1, с. 198–199]. Создавшееся тяжелое положение обусловило необходимость введения в 1916 г. продразверстки, когда у крестьян принудительно изымалось продовольствие по фиксированным ценам. Указанные проблемы в целом привели к нарушению товарообмена между городом и деревней, что еще более обострило продовольственный вопрос и привело в итоге к установлению карточного распределения продуктов питания [27, с. 189–190].

Была существенно нарушена финансовая система Российской империи. Данный факт объясняется стремительным ростом государственных расходов; эмиссией, в конечном итоге определившей гиперинфляцию; внутренними и внешними займами правительства [1, с. 199–200]. Приведенные выше тенденции экономического развития России обусловили предпосылки для обострения кризиса в экономике и необходимости еще большего вмешательства государства в экономические процессы. Последнее обстоятельство детерминировало создание «особых совещаний», которые «должны были координировать работу отраслей военно-промышленного комплекса, транспорта, электростанций, наблюдать

за снабжением действующей армии всем необходимым» [27, с. 188], что во многом стало прологом для формирования экономического курса в период Гражданской войны, в 1921 г. получившего название «военного коммунизма». Именно в этом плане следует расценивать обсуждение в печати в 1915–1916 гг. необходимости введения плановых методов в экономику и первые шаги российского правительства по разработке торгового и экономического плана в 1916 г. [19, с. 494].

В 1917 г. ситуация коренным образом не поменялась. Несмотря на усилия Временного правительства взять ее под контроль через создание Экономического совета и Главного экономического комитета для регулирования хозяйственной жизни страны, кризис продолжал усугубляться, а попытки ужесточения экономической политики через введение хлебной монополии и твердых цен на многие товары не привели к желаемым результатам [27, с. 191–192].

Первые шаги советской власти были направлены на построение экономики административно-командного типа. Одной из начальных мер, связанных, в первую очередь, с идеологическими установками, было обобществление частной собственности, основанное на Декрете о земле от 26 октября 1917 г., последующей национализации и так называемой красногвардейской атаке на капитал. В условиях интенсификации военных действий в ходе Гражданской войны особую остроту приобрела продовольственная проблема, которую советская власть пыталась решить при помощи введения продовольственной диктатуры, осуществляемой силами продотрядов и комбедов [там же, с. 200–207]. Непосредственно в период апогея Гражданской войны большевиками стала проводиться в жизнь политика военного коммунизма. Сложно говорить о ее планомерной разработке и реализации, в большей степени она имела стихийный и противоречивый характер, обусловленный обстоятельствами военного времени [1, с. 319].

Основная цель и принцип военного коммунизма заключались в необходимости концентрации всех имеющихся в распоряжении советской власти экономических ресурсов, которые использовались при помощи принципов военного

администрирования. Главными мерами в ходе реализации указанной экономической политики были:

1. Национализация всей промышленности и управление ею на основе директивных принципов при помощи «главков», создаваемых в структуре ВСНХ.

2. Введение продразверстки, имевшей в качестве основной цели регламентацию продовольственных поставок.

3. Нормированное снабжение продовольствием населения через карточную систему [там же, с. 320–321].

4. Натурализация товарно-денежных отношений и планомерно увеличиваемая советской властью инфляция, которая должна была привести к итоговой отмене денег [1, с. 321–322; 27, с. 211–214].

5. Милитаризация труда, характеризующаяся введением трудовой повинности и образованием трудовых армий.

Существенным элементом в этой системе экономических мер стало принятие в декабре 1920 г. плана ГОЭЛРО: «Формально посвященный энергетике, он содержал перспективную комплексную программу создания социалистической экономики» [1, с. 324].

В целом политика военного коммунизма вызвала эйфорию среди определенной части высшего партийного руководства, так как по внешним признакам напоминала то общество, которое было обозначено в качестве итоговой цели в марксизме, но реально основывалось на силовых методах и директивных началах. Жесткий характер этой системы экономических мер, а также голод 1921–1922 гг., охвативший Центральный регион страны, Поволжье, Северный Кавказ, Украину, порождали серьезные признаки недовольства среди населения, конкретно – среди крестьян и особенно рабочих, что заставило большевиков перейти к нэпу.

Начало новой экономической политике положило принятое на X съезде РКП(б) 1921 г. решение о замене продразверстки продналогом, который был существенно ниже и не мог меняться в течение года. Хлебная монополия государства была отменена: при условии выполнения продналога крестьянство получало право на свободную реализацию своей

продукции. Немаловажным фактором было разрешение аренды земли и наемного труда, по Земельному кодексу РСФСР от 1922 г. [там же, с. 341–343].

Несмотря на присутствие большой доли государственного сектора в экономике, советской властью поощрялось создание различных форм простой кооперации, которая играла значительную роль в развитии торговли, сельского хозяйства и промышленности. В последней имела место частичная денационализация, когда при сохранении государственной собственности передавались в аренду мелкие и часть средних промышленных предприятий. Кроме того, частные лица получили право открывать собственные предприятия, на которых могло быть занято не более 20 человек. Крупные же фабрики и заводы объединялись в тресты на основе хозяйственного расчета.

Для повышения эффективности восстановления промышленного производства после Гражданской войны советская власть, несмотря на явные противоречия с собственными идеологическими установками, стала привлекать иностранные капиталы, технику и квалифицированных работников при помощи заключения концессий с зарубежными фирмами. Система централизованного управления промышленностью была значительно смягчена через упразднение главков в ВСНХ, который в целом сохранил за собой лишь только координирующие функции.

Немаловажным элементом новой экономической политики являлось развитие торговли. Несмотря на ожидаемые большевиками ограниченные и усеченные объемы, советская торговля в этот период приобрела широкий размах, что потребовало даже создания отдельного управляющего органа – наркомата внутренней торговли. Положительным моментом была частичная ликвидация государственной монополии на внешнюю торговлю [27, с. 221–229].

Параллельно осуществлялись стабилизационные меры в финансовой сфере. Их общий план разработал наркомат финансов под руководством Г. Я. Сокольникова. Были серьезно сокращены государственные расходы, а в 1922 г. выпущена

в обращение новая советская валюта – червонец, – высокий и стабильный курс, а также конвертируемость которого были обеспечены золотым стандартом. При этом восстановленный в 1921 г. Госбанк проводил достаточно грамотную кредитно-денежную политику, направленную на поддержание устойчивости червонца в условиях создания фондовых бирж начиная с осени 1922 г. Для оздоровления финансовой сферы начала формироваться кредитная система, которая к 1926 г. включала в себя целую сеть акционерных банков.

В период нэпа произошли серьезные трансформации и фискальной политики на основе проведения налоговой реформы, когда основной доходной частью государственного бюджета стали отчисления с прибыли предприятий, а не налоги с населения. Постепенно натуральный налог с крестьянства переходил к повышению денежной составляющей [там же, с. 229–236].

Оценки нэпа пестрят своим разнообразием: от изначально ущербной и вынужденной политики до формирования основ государственного капитализма и даже рыночной экономики. В целом преобразования 1921–1925 гг. укладываются в модель экономической модернизации, разработанной Д. Травиным и О. Морганом и основывающейся на двух главных принципах: первоначальная стабилизация курса национальной валюты при помощи монетарных методов и дальнейшее налаживание основ фискальной системы [30]. Однако необходимо признать, что индустриализация в Советском государстве еще не была проведена, частичные элементы рыночной экономики существенно ограничивались контролем государства, да и временный характер нэпа говорил сам за себя. Среди ученых не существует и общей точки зрения по поводу времени окончания реализации новой экономической политики: одни относят начало свертывания нэпа к 1925 г., когда была введена абсолютная монополия на внешнюю торговлю, другие – к 1928 г., т.е. началу первой пятилетки или массовой коллективизации [1, с. 345]. Главными причинами были, в первую очередь, плохая вписываемость основных принципов нэпа в советскую идеологию (тактической целью

развития СССР виделось построение социализма в отдельно взятой стране с опорой на собственные силы, а стратегической – отдаленной – перспективой по-прежнему оставалась идея мировой пролетарской революции, что во многом обусловило необходимость проведения индустриализации) и кризис хлебозаготовок, отправной точкой которого стал 1925 г. (что иногда расценивается как повод перехода к «великому перелому»).

Сам термин «великий перелом» появился в связи с публикацией статьи И.В. Сталина «Год великого перелома» в 1929 г., в которой обосновывалась необходимость проведения коллективизации [27, с. 249]. К настоящему времени историки выделяют три основных направления в так называемой сталинской модернизации:

1. Индустриализация, понимающаяся как ускоренное развитие тяжелой и военной промышленности.
2. Коллективизация, предполагающая обобществление средств производства и объединение единоличных крестьянских хозяйств в колхозы.
3. Культурная революция, определяемая как установление в общественном сознании основных принципов советской идеологии при повышении образовательного уровня населения.

Данным тенденциям в развитии СССР предшествовало, а иногда и шло параллельно свертывание нэпа и установление принципов административно-командной экономики. В 1925 г. был принят курс на индустриализацию, необходимость которой не оспаривалась ни руководством страны, ни существующими различными оппозиционными партийными фракциями, так как основные цели становления Советского государства (будь то мировая пролетарская революция или построение социализма в отдельно взятой стране) обуславливали проведение ускоренного развития тяжелой и военной промышленности.

В рамках продолжения формирования основ административно-командной системы, предпосылки для складывания которой имелись уже в последние годы Российской

империи и активно обозначились в период «военного коммунизма», была ликвидирована самостоятельность трестов, произошло практически полное вытеснение частного капитала из различных секторов экономики. Изменила свой характер фискальная политика, когда существующая налоговая система утратила регулирующие функции и стала лишь источником пополнения государственной казны. Была фактически разрушена кредитная система через введение принципа централизованного финансирования при утрате банками своего значения кредитных учреждений. Изменялись основы кредитно-денежной политики, когда вновь вернулись к методам сознательно проводимой масштабной эмиссии, а национальная валюта потеряла конвертируемость. Безудержный рост цен обусловил необходимость введения карточной системы, которая начала отменяться в 1935 г., но не по причине всеобщего изобилия, а за счет минимального обеспечения нужд советского общества [там же, с. 244–248].

Страна перешла на плановое развитие через реализацию пятилеток, первая из них началась в 1928 г. Индустриализация в СССР осуществлялась за счет диспропорций в развитии тяжелой и легкой отраслей промышленности. Приоритетное финансирование имела только первая, а основным поставщиком финансовых ресурсов для строительства предприятий группы А стало сельское хозяйство. При этом темпы ускоренного развития тяжелой и военной промышленности регулярно взвинчивались при помощи постоянного увеличения плановых показателей и стахановского движения.

Курс на коллективизацию был провозглашен в 1927 г., а главными целями считалось обобществление средств производства и искоренение частнособственнических установок в крестьянском сознании. Несмотря на периодическое сопротивление сельского населения, коллективизация была в целом закончена к 1937 г. Активным мерам советской власти на этом генеральном направлении способствовало раскулачивание и создание МТС.

Не претендуя на детальный анализ экономических процессов, имевших место в Советском государстве с середины

1920-х до конца 1930-х гг., необходимо сделать вывод, что итоги «великого перелома» на данный момент утратили свой остродискуссионный характер. Сложившейся общей точкой зрения по этому поводу можно считать следующую оценку: «В конечном счете, форсированная модернизация страны была настоящим подвигом рабочих, крестьян и всего советского народа. С точки зрения цивилизационного подхода в это время осуществлялся переход от доиндустриального и раннеиндустриального к развитому индустриальному типу производства. В стране с суровыми природно-климатическими условиями этот переход имел трагический характер. По прошествии многих лет у потомков героев и историков сложилось убеждение, что и индустриализация, и преобразование деревни могли бы иметь более значительные результаты без немислимых жертв (штурмовщина, голод, искусственное обострение классовой борьбы, репрессии) и авторитарно-деспотического режима, подчинявшего жизнь не правовой, а произвольной, командно-приказной власти» [1, с. 447].

* * *

Процессы социальной мобильности в годы Первой мировой войны существенно увеличили свои темпы в связи с призывом около половины трудоспособных мужчин в армию [24, с. 40–41]. Естественно, что их львиная доля имела крестьянское происхождение. Обозначенные мобилизации начали выводить на первый план в производственном отношении женщин, которые стали основной рабочей силой. Надо сказать, что женское население России в военный период не могло активно участвовать в процессах социальной мобильности, так как новая роль фактически приковывала их к хозяйству и препятствовала дополнительным заработкам при помощи отходничества или работы в виде прислуги в зажиточных городских семьях [там же, с. 34, 41]. Этому способствовала и оказываемая государством поддержка семьям призванных на военную службу в рамках выплаты пособий [там же, с. 31–37]. Однако новый статус, приобретаемый женщинами в годы войны, приводил к необходимости получения ими образования, пусть только и начального уровня,

что в целом увеличивало долю образованного женского населения [там же, с. 53]. Установленные выше тенденции подвигали изменениям традиционные ментальные ценности русского общества, что становилось одной из главных причин так называемого бабьего бунта. А последний, в свою очередь, являлся одним из факторов трансформации русской традиционной крестьянской семьи, а также демографической модернизации в целом.

По мнению авторов монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», в ходе этой модернизации менялось «...поведение людей в самых интимных областях человеческого бытия, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти», требовался «пересмотр ценностей моральных норм, всего мировосприятия». При этом трансформации «охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь». Сам демографический переход трактуется авторами как «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [8, с. 9].

Надо сказать, что начало XX века Россия встретила в преддверии очень серьезных демографических трансформаций: традиционные крестьянские семьи в это время имели высокий уровень смертности; обороты набирали «попытки уклониться от рождения детей или отказ от детей, уже рожденных»; вековые традиции морали подвергались серьезной критике, а это вызывало «падение семейных нравов»; учащались случаи уже упоминавшегося выше «бабьего бунта»; вызывала большие сомнения веками существовавшая патриархальность, что выражалось в нежелании взрослых детей признавать родительскую власть и т.д. [там же, с. 62].

Постепенное исчезновение патриархальности было также следствием имущественной дифференциации внутри крестьянской семьи, потери старшим ее поколением всей

полноты хозяйственной, нравственной и административной власти. Количество хозяйств росло, так как шли семейные разделы, что свидетельствовало об отделении молодых супружеских пар, не желавших находиться в подчинении у родителей. Ярким примером являются размышления одного из русских солдат, участвовавших в боевых действиях периода Первой мировой войны, на эту тему: «Затрещат теперь семейства. Не слепить детей с отцом-матерью, мужика с женою прежнюю. Выйдут на новую жизнь одинокими» [31, с. 141].

Взросшее отходничество усиливало влияние города. Сказывалось и падение авторитета церкви. Вот несколько свидетельств, зафиксированных С.З. Федорченко, которая работала сестрой милосердия в годы войны и записала многочисленные высказывания крестьян, примеры солдатского фольклора по тому или иному вопросу, опубликованные затем отдельной книгой: «Я ли не терпел, не маливал, все на Бога возлагал, после смерти за долготерпенье счастья ожидал. Однако в последние часы до того готов был, совсем от церкви отпал, хоть дьяволу душу впору отдать. Теперь я человек, а после смерти не моя забота, а жить выучился...»; «Ты Бога оставь, пусть его себя на небе сидит, это теперь не первой важности занятие. Ты страну нашу присмотри. Только сопливость свою помни, а то ахнешь в министры, так только одной думкой и прогремишь, – ставьте, мол, трактир на весь мир, все-го-то и занятия твоего до сей поры было...»; «Сидел Господь высоко, на людскую тьму глазеть не любил, живите, мол, как придется, мы и обиделись: ты без нас, так и мы без тебя и справились...»; «Вот уж сколько-то дней без богов живем, и ничего, будто лучше. И дальше попробуем. А уж внуки-то и знать не будут, какую мы от богов острастку терпели...» [там же, с. 138, 140]. Падение религиозности населения стало следствием распространения образования и роста миграционных процессов, развития промыслов и все того же отходничества.

Первую мировую войну необходимо считать катастрофой в демографическом плане. Уровень брачности в этот период существенно понизился (примерно в 2–3 раза). Отсутствие мужчин брачного возраста в результате мобилизаций

было главной тому причиной. Следует полагать, что холостые и подлежащие мобилизации мужчины не торопились с браком, однако таких было небольшое количество в силу сложившихся традиций и социальных установок.

Аналогичная тенденция прослеживалась и в случае с рождаемостью, но не в таких серьезных масштабах, так как семьи со стажем сглаживали в определенной мере остроту ситуации. Исходя из существующих показателей смертности, важно отметить актуальность большого количества детских смертей, что объясняется низким уровнем медицинского обслуживания, пренебрежением в крестьянских семьях правилами санитарной гигиены и относительно равнодушным отношением к детям небольшого возраста. Итогом стало сокращение естественного прироста крестьянского населения [24, с. 63–72, 74–75].

Несмотря на падение религиозности крестьянской среды в военный период, церковные правила по регламентации семейной жизни по-прежнему выполнялись (хотя в данном случае можно говорить и о желании церковных служащих показать при помощи церковной регистрации добропорядочность своей паствы). На помесячный уровень брачности в течение года влияли церковные посты, рождаемость в меньшей степени была подвержена церковным правилам, но все же опосредованно им подчинялась [там же, с. 72–74].

Таким образом, Первая мировая война объективно «помогала» решать основную демографическую проблему, стоявшую перед русской деревней, – проблему аграрной перенаселенности. Традиционную модель демографического поведения, которую демонстрировало русское крестьянство на протяжении довольно длительного периода, война так и не изменила, а только деформировала. В качестве этой деформации можно рассматривать падение основных показателей естественного движения населения, за исключением коэффициента смертности, и стабильность помесячной динамики брачности, рождаемости и смертности по сравнению с предвоенным периодом. Перейти к другой модели демографического поведения, которая была бы более приемлема в данной

ситуации (интенсивное хозяйство с одновременным контролем рождаемости и планированием семьи), крестьянство России сознательно не могло, да и подобный переход в силу сложившихся исторических и природных условий был невозможен. От государства в данном случае помощи ждать не приходилось. Оно просто не замечало, или не хотело замечать, возникшей проблемы. А Первая мировая война явилась одним из компонентов ломки сознания крестьян, в результате чего через революции 1917 г., Гражданскую войну, сталинскую модернизацию и Великую Отечественную войну окончательно разрушилась традиционная модель и крестьянство перешло к новому демографическому поведению и современной семье.

В межвоенный период уровень урбанизации и, соответственно, социальной мобильности существенно возрос. Такой вывод необходимо сделать, опираясь на статистическую информацию из сборника «Население России за 100 лет (1897–1997)». Если в 1917 г. соотношение городского и сельского населения шло примерно в пропорции 1:5, то в 1939–1940 гг. – 1:2. При этом доля горожан в общей численности россиян увеличилась с 17 % в 1917 г. до 33–34 % в 1939–1940 гг. Такое двукратное увеличение процента городских жителей было связано преимущественно с основными направлениями «великого перелома» в истории Советского государства – индустриализацией и коллективизацией. Если в период с 1917 по 1926 гг. тенденция роста городского населения почти не менялась (с 17 % до 18 %), то в 1926–1940 гг. наметился основной рывок в увеличении доли горожан (с 18 % до 34 %) [17, с. 32].

Развитие семьи в межвоенный период во многом зависело от идеологических установок и проводимой политики Советского государства, а также от новых условий, создававшихся при помощи этих идеологических и политических факторов. Господствующим тезисом в первые послереволюционные годы было строительство нового коммунистического общества, которое принципиальным образом будет отличаться от предыдущего – капиталистического. Поэтому отказ от всего старого, в том числе и от «буржуазной» модели

семьи, был одним из главных лозунгов в Советской России рубежа 1910-х – 1920-х гг. В связи с этим институт семьи отвергался как таковой, ему на смену приходили коллективные отношения. Основными идеологическими принципами стали светскость брака и создание общественных институтов для воспитания детей, которые должны были прививать подрастающему поколению новую – коммунистическую – мораль. Эти принципы подкреплялись и соответствующими законодательными актами. Заключение и расторжение брака полностью было выведено из-под влияния церкви, что во многом приводило к либерализации брачно-семейных уз. При вступлении в брак и разводе теперь не было необходимости соблюдать большое количество формальностей, что существенно эти юридические процедуры упрощало. На первых порах подобное отношение советской власти к браку и семье серьезно дискредитировало эти социальный и правовой институты.

В связи с усилившейся урбанизацией росло число как городских жителей, так и семей городского типа. Безусловно, это приводило к широкому распространению стандартов городской жизни, а также выведению производственной деятельности за пределы семьи, что влекло за собой «саларизацию» труда. Интенсивная «ликвидация безграмотности», проводимая в Советской России в 20-е – 30-е гг. XX века, увеличивала долю образованного населения, особенно женского. Позиции женщины в общественном производстве (в продолжение тенденции, наметившейся в годы Первой мировой войны) все больше укреплялись, что поднимало ее семейный статус, но при этом сокращало время и усилия, которые она могла потратить на семью. Вышеприведенные и другие факторы создавали новые условия существования семьи, когда значительно возросли затраты на воспитание и образование подрастающего поколения и потребовалось развитие образовательных и медицинских учреждений нового типа. Указанное увеличение затрат на социализацию детей, а также снижение детской смертности в совокупности с уже обозначенными изменениями приводили к существенному снижению уровня рождаемости, а в итоге – к разрушению традиционной крестьянской

патриархальной семьи, и подготавливали почву для ее нуклеаризации [8, с. 67–69, 86–87].

Начиная с конца 1920-х гг. идеологические установки в отношении брачно-семейной сферы поменялись. В догмах полного отрицания семьи и брака появились новые акценты: идея полного обобществления быта сначала стала считаться несвоевременной, а затем исчезла в принципе. Советская власть взяла на вооружение тезис «от принципа *человек для семьи* – к принципу *семья для государства*». Обозначенная идея приводила к системе нового семейного консерватизма, который внешне призывал к восстановлению традиционной патриархальной семьи, а на самом деле формировал новую тенденцию отношений «государство – общество – семья»: на авторитарном принципе семейных отношений базировался авторитарный принцип управления обществом [там же, с. 78–86]. В реальности же ситуация складывалась следующим образом: «Разрушение традиционной крестьянской жизни, резко усилившееся с конца 1920-х годов, массовая миграция в города, изменение характера трудовой деятельности, снижение смертности и рождаемости, рост образования, развитие системы внесемейного воспитания – все это лишь небольшая часть списка перемен, которые взломали привычный семейный уклад россиян. Мир, в котором существовала семья, стал иным, не могла не измениться и семья: ее основополагающие функции, образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль – все это вступило в полосу обновления» [там же, с. 69].

Таким образом, развитие советской семьи в межвоенный период шло по пути отклоняющейся траектории модернизации. Органичная модернизация в данном случае должна иметь линию «от принципа *человек для семьи* – к принципу *семья для человека*», однако идеологические установки и политический курс, имевшие место в Советском государстве, деформировали эту направленность и привели к установлению принципа *семья для государства*. Нуклеаризация советской семьи шла полным ходом, но определяющее значение в этом процессе имело государство, что характеризует переход Советской

России в 1917–1940 гг. от аграрного общества к индустриальному как модернизацию «сверху».

Несмотря на столь кардинальные изменения уровня социальной мобильности и урбанизации, а также состава семьи и отношений в ней, отрицание коллективистских начал не было столь радикальным. Этому препятствовали идеологические установки, направленные на формирование коммунистического общества, а также реальная практика строительства социализма. Ярким примером в данном отношении было проведение коллективизации, которая предполагала не только обобществление (огосударствление) частной собственности в деревне, но и создание колхозов, продолжавших традиции дореволюционной крестьянской общины. Роль последней в городских условиях в ходе осуществления индустриализации выполняли коллективы на государственных предприятиях [15, с. 332].

* * *

Основными ценностями, обозначившими крестьянский менталитет в России, в том числе и к началу XX века, были: патриархальные отношения (или патернализм), религиозность, монархизм, принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость), общинный коллективизм, сочетающийся с индивидуальными началами [11; 22, с. 91–102]. Данные установки, безусловно, следует отнести к ментальным конструкциям традиционных обществ. Первая мировая война способствовала изменению указанных особенностей менталитета российского крестьянства.

Патернализм проявлялся, в первую очередь, в главенстве мужчины, а конкретно – большака, который обладал неограниченной властью в русской крестьянской семье [2, с. 13]. Однако прочность патриархальных отношений в период Великой войны 1914–1918 гг. подверглась серьезным испытаниям. Религиозность также стала проявлять тенденцию к снижению своего уровня. Данные процессы подробно освещались выше.

Сложившаяся в течение веков и прочно укоренившаяся в крестьянском сознании вера в «доброту царя-батюшку», которая фактически олицетворяла собой монархизм

менталитета крестьян, поколебалась в начале XX века, особенно в период Первой русской революции 1905–1907 гг. Эта тенденция продолжила свое успешное формирование и в годы Великой войны 1914–1918 гг. Следует заметить, что ее начало ознаменовалось широким патриотическим подъемом среди русского населения, но в 1915–1916 гг. он стал сменяться отрицательным отношением крестьян к войне в целом и к монархии в лице императора и его окружения в частности. Причины указанной трансформации очевидны: длительность боевых действий приводила к разорению крестьянских хозяйств, усталости от войны, что не могло не вызывать негативные эмоции у солдат и членов их семей, оставшихся в тылу [3]. В доказательство вновь процитируем высказывания фронтовиков, которые свидетельствуют об их истинном отношении к Николаю II и его окружению: «Царь, говорит, это дуб большой, ветвистый. Ветки те – министры да князья разные управляющие. Дуб-то свернете – обломятся и ветки, люди нужные да большие. А тот ему: с корнем дуб тот выкорчевать, ни желудя не оставить. Оплел корнями землю, последние соки тянул. А ветками солнца лишал. Ненадобен нам дуб такой и ветки его гибельные. Свое взрастим»; «Сперва-то Распутин хорошо будто народу служил, да переманили его баре, золотом купили, и на баб обласел. Вот и продал он народ, хоть и наш был, серый человек» [31, с. 86, 88].

Несмотря на видимые серьезные подвижки в крестьянском менталитете в годы Первой мировой войны, принципы уравнительного землепользования и общинного коллективизма не подверглись существенным трансформациям. Эти установки были по-прежнему сильны, а к концу войны еще больше укрепились под воздействием проводимой большевиками пропаганды. Подтвердить обозначенную тенденцию следует постоянно витавшей среди крестьян идеей «черного передела» – во многих письмах солдат к своим семьям в 1915–1916 гг. высказывалось намерение самоуправно отобрать земли у немцев, а затем и у помещиков [7, д. 9655, л. 9]. Кроме того, общинные отношения были главным фактором, который позволял крестьянским хозяйствам выжить, остаться на

плаву в непростых условиях военного времени. Таким образом, в период Великой войны 1914–1918 гг. наметились основы духовного переворота в менталитете русских крестьян.

Советская власть в качестве главной идеи развития нового государства определила построение коммунистического общества. Именно этот тезис стал основополагающим для осуществляемой политики во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе в брачно-семейных отношениях.

Если принцип патриархальности в менталитете русского крестьянства достаточно успешно подвергался трансформациям в модернизационном ключе, что объясняется объективными причинами, и в первую очередь демографическим переходом, произошедшим или происходящим во многих странах мира того периода, то складывающаяся веками религиозность русского народа имела фундаментальный характер, потому требовались серьезные, если не сказать грандиозные, усилия для того, чтобы ее искоренить. Официальная идеология советской власти – коммунизм – изначально предполагала свою несовместимость с религией. И практически с момента прихода к власти большевики стали постоянно подчеркивать антирелигиозную направленность своей политики. Декрет от 20 января (2 февраля) 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» провозгласил отделение Церкви от государства и школы, а также ввел ограничительные меры, касающиеся в первую очередь церковного имущества [26, с. 11]. Во многом это было предопределено тем фактом, что Русская православная церковь (РПЦ) в дореволюционном российском обществе воспринималась как составная часть имперского государственного механизма управления, с которым советская власть стремилась покончить [там же, с. 17].

На первых порах Советское государство в борьбе с религией и Церковью использовало преимущественно силовые методы, которые даже получили название «штурм небес». В качестве основных мер, используемых в рамках указанного «штурма», следует назвать субботники и воскресники; использование церковного имущества для утилитарных целей, не связанных с отправлением религиозного культа; выпуск

антицерковной и антирелигиозной периодики и отдельных публикаций на указанную тематику; кампанию вскрытия и «разоблачения» святых мощей; показательные общественные суды над религией и священнослужителями; кампанию по изъятию церковных ценностей; курс на разрушение РПЦ изнутри; антирелигиозные мероприятия комсомола («комсомольское рождество», «комсомольская пасха» и т.д.) [там же, с. 18–65]. Однако интенсивность этих мер возымела практически обратный эффект, выразившийся в серьезном сопротивлении верующих.

Ближе к середине 1920-х гг. основные методы антирелигиозной деятельности Советского государства стали меняться. Подобная трансформация была обусловлена и внутрипартийными дискуссиями 1920-х гг., и сравнительно небольшой результативностью «штурма небес». Главное изменение связано с новым качеством антирелигиозной пропаганды, когда воинствующий атеизм, отрицавший старые ценности, но формировавший новые в сильно аморфном виде, вынужден уступить место планомерной и продолжительной естественнонаучной и культурной работе, в ходе которой у населения должно было сформироваться материалистическое мировоззрение и научная картина мира [там же, с. 66].

Нельзя сказать, что прежние методы работы безвозвратно ушли в прошлое, а новый вектор антирелигиозной деятельности привел к сногшибательным результатам, но появившиеся разнообразные формы государственного контроля в духовной сфере способствовали возникновению «новой веры»: «Из марксизма-ленинизма большевистская власть сама делала новую религию, вернее, квазирелигию. Как во многих религиях, господствующим принципом мышления становился догматический, утверждалась фанатическая агрессивность по отношению к другим религиям, формировался свой культ. В отличие от классического марксизма, относившегося к любой религии отрицательно, но без агрессивности, большевистские практики превратили отношение к религии в неприкрытую ненависть. Церковь воспринималась как идеологический противник, из-под влияния которого в первую

очередь надо вырвать молодежь. Поэтому при осуществлении политического контроля среди молодежи 1920-х годов, советское государство большое внимание уделяло, на первый взгляд, второстепенным сферам жизни общества: быту, обрядам, народному творчеству и т.п. На самом деле именно победы на “фронте повседневности” были определяющими для переориентирования общества от традиционных религий к коммунистической квазирелигии» [там же, с. 158–159].

Начиная со второй половины 1920-х гг. Советское государство вновь стало возвращаться к методам «штурма небес», которые теперь привязывались к проводимым в ходе «великого перелома» коллективизации и индустриализации. Однако поставленной цели советской власти в этот период достигнуть не удалось: «...формировалось своеобразное новое “двоеверие”, раздвоение правовой психологии: в условиях системы, основанной на страхе, человек публично говорил одно, а думал другое. Страх подсказывал одно, совесть – другое» [там же, с. 225].

Внутрипартийная борьба и проводимые И. В. Сталиным репрессии в 1930-е гг., казалось бы, должны были окончательно утвердить в умах и сердцах людей антирелигиозные принципы, однако краткий период осуществляемой антирелигиозной деятельности еще не давал необходимого эффекта. Как и «великий перелом», борьба с религией укладывалась в пятилетний план: «... к 1932–1933 годам должны были закрыться все церкви, молитвенные дома, синагоги и мечети; к 1933–1934 годам – исчезнуть все религиозные представления, привитые литературой и семьей; к 1934–1935 гг. – страну необходимо было охватить тотальной пропагандой; к 1935–1936 гг. должны были исчезнуть последние молитвенные дома и все священнослужители; а к 1936–1937 гг. – религию требовалось изгнать из самых укромных ее уголков» [25, с. 116].

Несмотря на все разнообразие и масштабность принятых мер, религиозность советских людей продолжала сохраняться на очень высоком уровне. По данным переписи 1937 г., около половины взрослого населения указали, что считают себя верующими [там же, с. 117–118]. Нельзя сказать, что

антирелигиозная деятельность Советского государства была полностью нулевой: начало было положено. Но инерционность сознания всегда требует достаточно длительного периода для трансформаций. А пока советской власти удалось создать определенную подмену религиозных ценностей, когда место христианства (ислама, иудаизма и т.д.) стал занимать коммунизм (марксизм-ленинизм); Иисуса Христа – культ Ленина (позже Сталина); храмов и церквей – Мавзолей и избы-читальни; икон и святых – портреты лидеров партии и новые герои; Пасхи и Рождества – советские праздники и т.д. [26, с. 136–157].

Еще один важнейший принцип крестьянского менталитета – монархизм – исчез относительно быстро. Как было указано выше, личность Николая II уже в годы Первой мировой войны вызывала серьезное неприятие, особенно ближе к ее окончанию. Важнейшим шагом в данном отношении стали последствия Февральской революции 1917 г., когда последний российский император отказался за себя и своего сына от престола, а его брат Михаил не пожелал взять столь тяжелую ношу на свои плечи. Однако нельзя сказать, что после марта 1917 г. монархизм в мировоззрении российского крестьянства исчез бесследно. Эта идея неплохо эксплуатировалась советской властью при установлении нового секулярного сознания, когда сначала культивировалась личность Ленина, а затем – Сталина. Но если культ Ленина складывался в относительно естественных условиях, то культ Сталина – в ходе внутрипартийной борьбы и политических репрессий 1920-х – 1930-х гг. Во многом опираясь в том числе и на дореволюционные ценности крестьянского монархизма, Сталин сумел выстроить свой непререкаемый авторитет таким образом, что после его смерти огромное количество советских людей, большая часть жизни которых прошла исключительно в его правление, почувствовало себя обездоленными сиротами.

Принципы уравнительного землепользования (или социальная справедливость) и общинный коллективизм в сочетании с индивидуальными началами – две установки традиционного крестьянского менталитета, вписывавшиеся,

в отличие от предыдущих трех, в провозглашаемые лозунги советской власти и ее идеологию. Главным социальным институтом, на основе которого эти принципы процветали, являлась крестьянская община, определяемая как «форма совместного пользования землей и самоуправления русского крестьянства» [4, с. 84]. Следует заметить, что действенность и популярность этого института пришлось на годы Гражданской войны и «военного коммунизма», когда крестьяне с помощью общинных отношений в коллективном единении преодолевали в своем хозяйстве трудности военно-революционного времени. В дальнейшем, после того как эти трудности были более или менее пройдены, крестьянство по-прежнему нуждалось в исполнении общиной своих функций, но участие в общинных институтах самоуправления утратило в глазах крестьян свою привлекательность. Постепенно, по мере усиления советской власти и проведения индустриализации, «функции общины размывались по общественным институтам, в частности, переходили к административному аппарату» [там же, с. 94].

В целях усиления контроля над деревней Советское государство приступило к политике коллективизации. Идеи уравнительного землепользования и общинного коллективизма получили «второе дыхание», но при абсолютно другой интерпретации. Коллективные хозяйства предполагали обобществление собственности, что вызывало наибольший негатив среди крестьянства, так как противоречило принципу индивидуальных начал ведения крестьянского хозяйства: «Деление на бедняков и середняков в сознании крестьян ассоциировалось с наличием собственного хозяйства, его размерами и прочими характеристиками. В колхозе же они перестали быть самостоятельными хозяевами, но и подлинными хозяевами колхоза, как это декларировала власть, не стали...» [6, с. 268]. Именно этот пункт был основой многочисленных фактов сопротивления крестьян коллективизации. Однако жесткие меры ее осуществления в конечном итоге привели советскую власть к желаемой цели – огосударствленным колхозам, а репрессивные методы (к примеру, раскулачивание)

сломили наметившееся противодействие. Потому принцип общинного коллективизма был фактически подменен принципом жесткого государственного контроля, а принцип уравнительного землепользования – принципом государственной (социалистической) собственности на средства производства.

Таким образом, Первая мировая война кардинальным образом повлияла на процессы модернизации в России. Она оказалась настолько сильным «вызовом» российской (славянской) цивилизации, что та в своем сопротивлении пошла по пути отклоняющейся модели перехода от аграрного общества к индустриальному. Это выразилось в так называемой сталинской модернизации, когда были созданы основы тоталитарно-авторитарного государства в политике, административно-командный тип в экономике, советский вариант общественных отношений в социальной сфере и коммунистическая «квазирелигия» в духовной. Отдельные цели дореволюционной модернизации были достигнуты, но при подмене остальных согласно советским идеологическим установкам. Потому потребовались новые «вызовы» для возвращения модернизационных процессов в прежнее русло, которыми должны были стать Вторая мировая и холодная войны.

Список источников и литературы

1. Барсенков А. С., Вдовин А. И., Воронкова С. В. История России XX – начала XXI века / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006. 960 с.
2. Безгин В. Б. Положение членов крестьянской семьи по правовым обычаям русского села // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. 2. С. 12–15.
3. Безгин В. Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сб. науч. тр. Вып. 2. СПб.: Нестор, 2004. С. 29–34.
4. Безгин В. Б., Юдин А. Н. Политика большевизма и судьба русской общины // Политика и общество. 2011. № 6. С. 84–97.
5. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
6. Глумная М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Х. Окуда. Токио, 2005. С. 265–279.
7. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1.
8. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 608 с.
9. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал [электронный ресурс]: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения» // Институт общественного проектирования. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 29.05.2014).
10. Красильщиков В. А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40–56.
11. Кожевникова Л. М. Роль крестьянской общины в аграрной истории и судьбе России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13). Ч. 3. С. 85–90.

12. Колоницкий Б. «Русская идея» и идеология Февральской революции [электронный ресурс]. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/18/kolonitsky18.shtml> (дата обращения: 05.03.2014).

13. Колоницкий Б. Февральская? Буржуазная? Демократическая? Революция... [электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kolonik.html> (дата обращения: 05.03.2014).

14. Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009 [электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 29.05.2014).

15. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. Т. 2. 568 с.

16. Модернизация России и Европа (стенограмма Круглого стола) [электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 29.05.2014).

17. Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. 222 с.

18. Новейшая история Отечества. XX век: Учеб. для студентов вузов: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. 496 с.

19. Островский А. В. Государственно-капиталистические и кооперативные тенденции в экономике России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. С. 482–496.

20. Пиков Г. Г. Первая мировая война и «закат» Европы // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 54–69.

21. Полежаев Д. В. «Золотой век» русской философии и Первая мировая война // Первая мировая война: история и психология: Материалы Росс. науч. конф. / под ред. В. И. Старцева и др. СПб.: Нестор, 1999. С. 11–18.

22. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918). Екатеринбург: УрО РАН, 2000. 416 с.

23. Россия и Первая мировая война (материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. 564 с.

24. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.): Монография. СПб.: Нестор, 2004. 122 с.

25. Слезин А. А. «Безбожие» в 1930-е годы: апогей или кризис? // Труды кафедры истории и философии Тамбовского

государственного технического университета: сб. научных трудов. Вып. 3. СПб.: Нестор, 2005. С. 115–120.

26. Слезин А. А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918–1929 гг.). М.: Российская академия естествознания, 2009. 242 с.

27. Тимошина Т. М. Экономическая история России. Уч. пособие. М.: Информ.-изд. Дом «Филинь», Юр. Дом «Юстицинформ», 2001. 432 с.

28. Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3 т. / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. К. Я. Кожурина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 1. 408 с.

29. Тойнби А. Дж. Исследование истории: в 3 т. / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. К. Я. Кожурина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2006. Т. 3. 479 с.

30. Травин Д., Моргания О. Европейская модернизация: в 2 кн. М.: ООО «Изд-во АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2004. Кн. 1. 665 с. Кн. 2. 572 с.

31. Федорченко С. З. Народ на войне. М.: Советский писатель, 1990. 400 с.

32. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. Минск: Попурри, 2009. 656 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в данной монографии анализ военно-мобилизационных мероприятий, проводимых в Поволжье и Центральном Черноземье, свидетельствует о крайне неоднозначном влиянии Первой мировой войны на Российскую империю в целом и ее Европейский Центр в частности. Как уже неоднократно подчеркивалось на страницах настоящего издания, Великая война 1914–1918 гг. интерпретировалась в советской историографии как империалистическая, потому подробным изучением ее хода и последствий советские историки практически не занимались. В итоге к 90-м гг. XX века она очень часто воспринималась как война неизвестная.

За более чем 20-летнюю историю новой российской государственности положение кардинальным образом изменилось. Появилось большое количество публикаций, посвященных Первой мировой войне и ее влиянию на историю не только отдельных стран и континентов, но и воздействию на судьбу мировой цивилизации. К данному моменту уже вполне можно подводить определенные итоги в отношении трансформаций различных сфер жизнедеятельности российского общества, вызванных Великой войной 1914–1918 гг.

Одним из самых мощных факторов, изменивших Российскую империю в военный период, стали мобилизационные кампании, которые касались, в первую очередь, жизни русской деревни. В результате мобилизаций произошло значительное сокращение рабочих рук, что отрицательным образом сказалось на положении крестьянских хозяйств. В данном случае необходимо говорить о процессах пролетаризации русской деревни, ее дальнейшего социального расслоения и изменения гендерных ролей в крестьянских семьях.

Первая мировая война вскрыла и другой пласт противоречий в Российской империи, касающийся сохранения архаики в хозяйственной сфере земледельческого производства и необходимости увеличения темпов роста аграрного капитализма. Наличие данных противоречий показывало острую нужду в активизации аграрной политики властей, однако

этот процесс не нашел своего отражения в годы войны. Усилия земств могли лишь в определенной мере сгладить складывающуюся ситуацию, но органы местного самоуправления комплексно решить возникающие проблемы были не в состоянии. Все это приводило к расшатыванию основ существующего политического режима и увеличению революционных настроений среди рабочих, солдат и крестьян. Провинциальные губернии стали все больше склоняться к радикальному пути развития событий.

Модернизационные процессы, наметившиеся в Российской империи с начала XVIII века, получили новое направление, связанное с отклоняющейся моделью перехода от аграрного общества к индустриальному. В данном аспекте две мировые войны, в ходе которых Россия сыграла одну из главных ролей, необходимо не противопоставлять по линии «империалистическая – отечественная», как это делалось в советской историографии, а рассматривать с точки зрения преемственности.

Авторский коллектив данного издания не ставит окончательную точку в решении проблем влияния Первой мировой войны на российское общество и надеется, что настоящая публикация послужит активизации дискуссий и дальнейших исследований по заявленной тематике.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Екатерина Петровна Барина, Сергей Владиславович Белоусов, Ирина Владимировна Двужилова, Милана Михайловна Есикова, Надежда Николаевна Кабытова, Петр Серафимович Кабытов, Константин Владимирович Самохин, Ольга Александровна Сухова

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ**

Издатель: Леонид Янович
Редактор: Иннокентий Гридин
Корректоры: Лариса Касьянова, Мария Горячева
Верстка и оригинал-макет: Михаил Щербов
Обложка: Михаил Щербов

В оформлении обложки использованы фотографии
из личного архива М. М. Есиковой

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-30-94
по вопросам реализации: +7 (985) 427-91-93
E-mail: nkronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати: 15.09.2015
Формат 60×90/16, Бумага офсетная №1
Усл.-печ. л. 18
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано в

«НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

9 785948 813189